

СОВРЕМЕННАЯ МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

ЖУРНАЛ ДЕПАРТАМЕНТА МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ НИУ ВШЭ

ИЗДАЕТСЯ С 2023 ГОДА

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

ТОМ 2. №4(8) 2024

Главный редактор	Леонид Григорьев
Главный редактор	Игорь Макаров
Заместитель главного редактора	Ольга Клочко
Заведующий редакцией	Татьяна Барабанова
Верстка	Наталия Заблоцките
Редакционная коллегия	Сергей Бобылев Ван Вэнь Сергей Васильев Леонид Григорьев Гленн Дизен Марек Домбровский Наталия Иванова Ольга Клочко Валерий Крюков Игорь Макаров Татьяна Радченко Ренато Флореш
Учредитель и издатель:	Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)
Адрес учредителя:	109028, г. Москва, Покровский бульвар, д. 11
Адрес редакции:	119017, Москва, ул. Малая Ордынка, д.17, каб. 209
Сайт журнала:	cwejournal.hse.ru
ISSN: 2949-5776	Свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ №ФС77-86407 от 30.11.2023

СОДЕРЖАНИЕ

№4(8) 2024

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА В ЭПОХУ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Бартенев В.И.

Вклад официальной помощи развитию в митигацию политических рисков для прямых иностранных инвестиций: пределы измеримости. 6

Цель статьи — раскрыть проблему измеримости вклада официальной помощи развитию (ОПР) в минимизацию политических рисков для прямых иностранных инвестиций (ПИИ) и спровоцировать научную дискуссию о ключевых ограничениях, осложняющих такое измерение, а также путях их преодоления. Показано, что частный бизнес и органы государственной власти стран-доноров обоюдно заинтересованы в задействовании ресурсов содействия международному развитию в рамках управления политическими рисками для капиталовложений в развивающиеся страны. Для этих целей могут применяться как традиционные инструменты помощи развитию, так и гарантии, для которых Комитет содействия развитию ОЭСР недавно разрешил рассчитывать грант-эквивалент и отражать его в отчетности по ОПР. Митигационный эффект традиционных форм помощи развитию теоретически может быть измерен посредством соотнесения данных об объемах финансирования по отдельным релевантным целевым направлениям со значениями соответствующих субкомпонентов наиболее авторитетных рейтингов политических рисков. Однако реализации этой идеи препятствует взаимная обусловленность объясняющей и зависимой переменной: высокий уровень политических рисков в стране-реципиенте изначально ограничивает объемы предоставляемой ей помощи. Кроме того, на оба параметра воздействует множество эндогенных и экзогенных факторов, которые могут быть выражены только через фиктивные переменные. В случае с гарантийными инструментами просматривается теоретическая возможность оценивания силы как их каталитического эффекта, так и «эффекта ореола», дополнительно защищающего инвестиции от политических рисков «легально-правительственного» происхождения. В первом случае достаточно знать точные условия гарантий, а также объемы мобилизованных с их помощью капиталовложений. Во втором — общее число проектов, поддержанных гарантиями от политических рисков, и количество проектов, где «эффект ореола» не сработал. Однако практическому воплощению этого замысла мешает элементарное отсутствие статистических данных надлежащего качества. Перечисленные ограничения указывают на важность опоры в разработке заявленной проблематики на применение качественных методов анализа с привлечением максимально широкого круга взаимодополняющих источников разных типов.

Петросян Г.А., Петросян И.Б., Петросян Е.Г.

Факторный анализ причин неравномерности экономических последствий пандемии COVID-19 24

Исследование посвящено анализу неравномерности экономических последствий пандемии COVID-19 в различных странах и выявлению факторов, влияющих на размер

этих потерь. В рамках исследования были использованы эконометрические модели для оценки экономических потерь в 2020 г. и совокупных потерь за 2020–2021 гг. Основные группы факторов включали макроэкономические показатели, меры макроэкономической политики, институциональные показатели и показатели, отражающие состояние системы здравоохранения. Также в ходе оценок в качестве контрольной переменной использовалась структура экономики. Результаты показывают, что традиционные монетарные инструменты не оказали значительного влияния на смягчение экономических последствий кризиса в 2020 г., тогда как фискальные меры существенно способствовали восстановлению экономик в 2021 г. Институциональные факторы, такие как эффективность государственного управления и уровень контроля коррупции, также играли важную роль в снижении экономических потерь. Дополнительно было проанализировано влияние факторов экономической структуры и емкости системы здравоохранения на величину экономических потерь вследствие пандемии. Однако не все взаимосвязи между факторами эффективности здравоохранения и экономическими потерями соответствовали ожиданиям, и анализ выявил, что низкая эффективность системы здравоохранения может иметь существенные негативные экономические последствия.

ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Тайе Д., Гетачью Х.

Эфиопия в эпоху расширения БРИКС: вступление и опыт участия 43

Цель статьи — раскрыть интерес Эфиопии к вступлению в БРИКС и ее опыт после присоединения. После сбора необходимых данных путем анализа документов и интервью авторы выяснили, что, во-первых, Эфиопия присоединилась к БРИКС из внешнеполитических соображений, имея в виду дипломатическую цель диверсификации дружественных стран и группировок, а также получения новых инвестиционных и торговых возможностей. Во-вторых, внутри страны наблюдалось разнообразие мнений как за, так и против вступления в БРИКС, что, однако, никогда не мешало правительству работать в рамках объединения. В-третьих, уже за прошедший год Эфиопия получила значительный опыт работы с БРИКС.

Баваскар Р.

**БРИКС в переходный период: критический анализ возможностей
и проблем в рамках формирующегося глобального порядка 56**

В данном исследовании критически рассматривается превращение БРИКС в расширенный блок, включающий Египет, Эфиопию, Иран и ОАЭ, на фоне меняющегося глобального порядка. Исследование сосредоточено на ответе на вопрос, как БРИКС, с его растущим разнообразием экономических приоритетов, политических идеологий и уровней развития, может сохранить внутреннюю сплоченность и эффективно решать проблемы глобального регулирования. На основе набора методов, сочетающего количественный анализ роста ВВП, потоков ПИИ и объемов торговли с качественным анализом политических документов и мнений экспертов, в работе подчеркивается растущее стратегическое влияние блока в торговле, энергетике и геополитике. Выводы показывают, что, хотя включение богатых ресурсами и стратегически расположенных стран усиливает рычаги влияния БРИКС на формирование многополярного миропорядка, идеологическое разнообразие, региональное соперничество и асимметрия сил создают значительные риски для сплоченности. В исследовании утверждается, что способность БРИКС изменить режим глобального регулирования будет зависеть от создания гибких, основанных на консенсусе механизмов принятия решений и использования сотрудничества Юг-Юг.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ТОРГОВЛЯ И ИНВЕСТИЦИИ

Сапир Е.В., Васильченко А.Д.

Международная торговля в период «слоубализации»: некоторые тренды . 85

В настоящей статье представлены результаты сравнительного анализа глобальных трендов мировой торговли в период после мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. Особое внимание было обращено на баланс макрорегионов в международной торговле, их самообеспеченность в поставках промежуточной продукции, а также растущую роль услуг в трансформации архитектуры экономической глобализации на современном этапе. Основу методологии исследования составили количественные индикаторы торговой открытости, географической концентрации и участия в глобальных цепочках стоимости. В результате было выявлено, что в период после 2009 г. открытость международной торговле в Азии снижалась, в Северной Америке оставалась на предкризисном уровне, в Европе увеличивалась; при этом Азия сместила Европу с позиции крупнейшего по объемам товарного экспорта макрорегиона. Азия и Северная Америка в указанный период укрепляли региональный компонент цепочек стоимости, тогда как Европа повышала зависимость от внешних промежуточных поставок. Определено, что международная торговля услугами после 2009 г. по-прежнему демонстрировала рост в абсолютном и относительном выражении. Китай и Индия опережающим темпом встраивались в «услуги» сегменты цепочек стоимости. Как представляется, потенциал роста международной торговли услугами далек от исчерпания. Именно этот сектор может выступить локомотивом будущей волны экономической глобализации.

СТРАНОВОЙ ВЗГЛЯД

Восканян М.А., Айрапетян В.Л.

Анализ и оценка критического импорта Армении через призму продовольственной безопасности..... 106

На первый план во многих странах выходят вопросы национальной безопасности в целом, и продовольственной безопасности в частности. Продовольственная безопасность напрямую связана с импортом и его стоимостью по части продуктов питания. Развивающиеся экономики в этом отношении находятся в более уязвимом положении, чем развитые. Целью исследования является оценка продовольственной безопасности Республики Армения в контексте структуры критического импорта продовольствия и путей его сокращения. По итогам анализа продемонстрировано, что Армения находится в высокой степени зависимости от импорта продуктов питания, что снижает уровень ее продовольственной безопасности и негативно влияет на общую экономическую безопасность страны. Страна нуждается в пересмотре политики по обеспечению продовольственной безопасности Армении в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

МНЕНИЕ

Фриман А.

Политика БРИКС в сфере интеллектуальной собственности:
почему она необходима и как может выглядеть..... 124

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Обзор XII ежегодной конференции по мировой экономике «Вызовы
догоняющего развития: развивающиеся страны в мировой экономике».. 138

Вклад официальной помощи развитию в митигацию политических рисков для прямых иностранных инвестиций: пределы измеримости

Бартенев В.И.

Бартенев Владимир Игоревич — ведущий научный сотрудник Института перспективных стратегических исследований НИУ ВШЭ.

SPIN-РИНЦ: 9801-1158

ORCID: 0000-0001-9804-0630

Researcher ID: AAE-4219-2019

Scopus Author ID: 57188561575

Для цитирования: Бартенев В.И. Вклад официальной помощи развитию в митигацию политических рисков для прямых иностранных инвестиций: пределы измеримости // Современная мировая экономика. 2024. Том 2. №4(8). EDN: CNZZYM

DOI: <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2024-2-4-6-23>

Ключевые слова: официальная помощь развитию, содействие международному развитию, политические риски, прямые иностранные инвестиции, статистика.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01060, <https://rscf.ru/project/23-28-01060/>.

Аннотация

Митигация политических рисков — важное условие для мобилизации капитала частного сектора, на который возлагаются большие надежды в достижении Целей устойчивого развития. Однако вопрос оценивания митигационного эффекта различных финансовых и нефинансовых инструментов пока не проработан ни в концептуальном, ни в техническом плане. Цель статьи — раскрыть проблему измеримости вклада официальной помощи развитию (ОПР) в минимизацию политических рисков для прямых иностранных инвестиций (ПИИ) и спровоцировать научную дискуссию о ключевых ограничениях, осложняющих такое измерение, а также путях их преодоления.

Показано, что частный бизнес и органы государственной власти стран-доноров обоюдно заинтересованы в задействовании ресурсов содействия международному развитию в рамках управления политическими рисками для капиталовложений в развивающиеся страны. Для этих целей могут применяться как традиционные инструменты помощи развитию, так и гарантии, для которых Комитет содействия развитию ОЭСР недавно разрешил рассчитывать грант-эквивалент и отражать его в отчетности по ОПР.

Митигационный эффект традиционных форм помощи развитию теоретически может быть измерен посредством соотнесения данных об объемах финансирования по отдельным релевантным целевым направлениям со значениями соответствующих субкомпонентов наиболее авторитетных рейтингов политических рисков. Однако реализации этой идеи препятствует взаимная обусловленность объясняющей и зависимой переменной: высокий уровень политических рисков в стране-реципиенте изначально ограничивает объемы предоставляемой ей помощи. Кроме того, на оба параметра воздействует множество эндогенных и экзогенных факторов, которые могут быть выражены только через фиктивные переменные.

В случае с гарантийными инструментами просматривается теоретическая возможность оценивания силы как их каталитического эффекта, так и «эффекта ореола», дополнительно защищающего инвестиции от политических рисков «легально-правительственного» происхождения. В первом случае достаточно знать точные условия гарантий, а также объемы мобилизованных с их помощью капиталовложений. Во втором — общее число проектов, поддержанных гарантиями от политических рисков, и количество проектов, где «эффект ореола» не сработал. Однако практическому воплощению этого замысла мешает элементарное отсутствие статистических данных надлежащего качества.

Перечисленные ограничения указывают на важность опоры в разработке заявленной проблематики на применение качественных методов анализа с привлечением максимально широкого круга взаимодополняющих источников разных типов.

Введение

В международном дискурсе последних лет важное место занимает тема привлечения частного сектора к финансированию Целей устойчивого развития (ЦУР). Изначально было ясно, что качественному рывку на этом направлении могут мешать политические риски для прямых иностранных инвестиций (ПИИ): из-за них большая часть капиталовложений традиционно направляется в стабильные страны с высоким уровнем доходов, а не в более бедные и уязвимые к внутренним и внешним вызовам государства.

Митигация таких рисков была осознана экспертами и политиками в качестве приоритетной задачи. Однако вопрос об измерении митигационного эффекта

различных финансовых и нефинансовых инструментов не был в достаточной мере проработан ни в концептуальном, ни в техническом плане. Цель статьи — раскрыть сущность проблемы *измеримости* вклада официальной помощи развитию в минимизацию политических рисков для прямых иностранных инвестиций и спровоцировать научную дискуссию о ключевых ограничениях, осложняющих такое измерение, и путях их преодоления.

Следует отметить, что примеров аналогичной постановки цели в научной литературе обнаружено не было. Хотя при анализе мотивов оказания помощи и ее эффективности коммерческие интересы упоминаются неизменно — и в зарубежных [Berthélemy 2006; van Veen 2011; Dreher, Lang, Reinsberg 2024 и др.], и в отечественных [Дегтерев 2012; Содействие международному развитию... 2018 и др., Морозкина 2018 и др.] исследованиях акцент почти всегда делается на стимулировании экспорта, а не инвестиций. Попытки же оценить эффективность воздействия официальной помощи развитию (ОПР) на факторы *политического* риска для ПИИ носят скорее спорадический характер и посвящены либо отдельным рискам (экспроприации [Asiedu, Jin, Nandwa 2009; Jin, Zeng 2017 и др.], терроризму [Bandyopadhyay, Sandler, Younas 2014; Efobi, Asongu, Beecroft 2018 и др.], коррупции [Bahoo et al. 2023], либо политике отдельных доноров (главным образом КНР [Lu, Huang, Muchiri 2017; Wang, Yang, Li, Zhang 2022; Гомбоин 2023 и др.]). Степень научной разработанности проблемы действительно не соответствует уровню внимания, которое уделяется ей в политическом дискурсе [Бартенев 2023]. Это указывает на явную исследовательскую нишу, помочь заполнить которую призвана данная статья.

В структурном отношении статья состоит из трех разделов. В первом разделе кратко обозначены концептуальные рамки исследования заявленной проблематики. Во втором охарактеризован комплекс вопросов оценивания вклада традиционных инструментов ОПР в митигацию политических рисков. В третьем раскрыты проблемы измерения митигационного эффекта применительно к гарантийным инструментам, для которых в соответствии с недавними решениями Комитета содействия развитию ОЭСР (КСР ОЭСР) отныне также разрешено рассчитывать грант-эквивалент и отражать его в отчетности по ОПР.

1. Концептуальные рамки исследования

Политический риск является неотъемлемым и хорошо изученным видом риска для внешнеэкономической деятельности (ВЭД) в целом и осуществления ПИИ в частности. В самом общем виде он представляет собой вероятность понести финансовые потери вследствие определенных действий (или бездействия) различных субъектов политического процесса — либо органов государственной власти и представителей государств в международных организациях (риск «легально-правительственного» происхождения), либо различных негосударственных акторов (риск «экстралегального» происхождения)¹.

¹ Разделение на «легально-правительственные» и «экстралегальные» риски было предложено в [Kennedy 1987].

Структуры, осуществляющие защиту инвестиций от политических рисков, используют не идентичные, но весьма сходные их перечни. Сопоставление нами актуальных списков, применяемых профильными международными организациями (Многосторонним агентством по гарантированию инвестиций (МИГА), Азиатским банком развития, Африканским агентством по страхованию торговли, Арабской корпорацией инвестиций и экспортных кредитных гарантий, национальными институтами финансирования развития (ИФР) или экспортно-кредитными агентствами (ЭКА) крупнейших экономик мира (США, Китая, Японии, ФРГ) и ведущими частными страховыми компаниями (AIG, Chubb, Lloyd's, Sovereign, Zurich Insurance), дало возможность сформировать сводный шорт-лист политических рисков различного происхождения, от которых наиболее часто защищают ПИИ. Он включает в себя национализацию (и экспроприацию), ограничение валютных трансфертов, разрыв/изменение условий контракта, а также различные проявления политического насилия (войны, революции, государственные перевороты, террористические акты и т.д.). Большинство этих рисков может иметь как общенациональный масштаб (риск макро-уровня), так и затрагивать отдельный регион принимающей страны, отдельную отрасль экономики или даже конкретную зарубежную компанию-инвестора (риск микроуровня).

Для измерения политических рисков могут использоваться как статистические параметры, иллюстрирующие отдельные аспекты политического процесса, состояние делового, инвестиционного и регуляторного климата, так и рейтинги политического риска, рассчитываемые специализированными консалтинговыми фирмами (AON, Control Risks, Economist Intelligence Unit, Marsh, PRS Group и т.д.) на основе собственных методик. Пожалуй, самой известной является методика Международного справочника страновых рисков (International Country Risk Guide, ICRG) от The PRS Group, в соответствии с которой уровень политического риска рассчитывается на основе 12 субкомпонентов: 1) стабильность правительства; 2) социально-экономические условия; 3) инвестиционный профиль; 4) внутренний конфликт; 5) внешний конфликт; 6) коррупция; 7) участие военных в политике; 8) религиозные противоречия; 9) правопорядок; 10) этнические противоречия; 11) демократическая подотчетность; 12) качество бюрократического управления [The PRS Group 2022]. Данный рейтинг покрывает не все юрисдикции мира (порядка 150 стран), но ряд преимуществ, в частности, непрерывное составление на протяжении четырех десятилетий (с 1984 г.), обуславливает весьма широкое его использование в литературе, в том числе и в трудах, посвященных решению сходных с поставленными нами задач [Asiedu, Jin, Nandwa 2009; Bandyopadhyay, Sandler, Younas 2014; Fon, Alon 2022 и др.]. Дополнительным аргументом в пользу использования индексов политических рисков (при всем несовершенстве методологии их составления) является также тот факт, что международные компании при выстраивании собственных инвестиционных стратегий нередко ориентируются как раз на них, а отнюдь не на исходные статистические данные, на основе которых эти индексы рассчитаны.

Ключевыми параметрами политического риска, как и любого другого типа рисков, выступают вероятность его материализации и масштаб возможных по-

терь (ущерба). Именно эти параметры используются для ранжирования рисков и разработки стратегий управления ими.

Вполне применимы к политическим рискам для ВЭД и все традиционные стратегии управления рисками. Среди них: 1) избегание риска (прекращение рискованной деятельности) — снижает вероятность его материализации и, как следствие, потерь до нуля; 2) снижение риска (в том числе посредством диверсификации) — призвано минимизировать вероятность материализации риска и степень его негативного воздействия; 3) страхование риска (посредством его трансферта третьей стороне) — нацелено в первую очередь на минимизацию ущерба за счет обеспечения покрытия потерь гарантом/страховщиком. Среди этих моделей поведения нас более всего интересует снижение рисков и их страхование.

Очевидно, что частная компания, ориентированная на освоение зарубежных рынков², в своем стремлении управлять политическими рисками для ПИИ гипотетически может обходиться и без взаимодействия с государственными учреждениями страны происхождения [См. подробнее: Godfrey, Merrill and Hansen 2009; Ali et al. 2021; Choi, Chung and Wang 2022]. Во-первых, она может идти по пути создания совместных предприятий. Во-вторых, лоббировать свои интересы во властных кругах принимающей страны. В-третьих, обратиться к *частным* страховым компаниям и приобрести у них страховку от отдельных рисков того или иного происхождения или некий пакетный продукт. В-четвертых, сделать ставку на реализацию социально ориентированных проектов в той стране, где она размещает инвестиции. Последнее позволяет минимизировать, с одной стороны, риски «легально-правительственного» происхождения (принятия властями принимающей страны по отношению к ней различных мер ограничительного характера), а с другой — риски нанесения ущерба ее собственности в ходе революций, протестов и т.п.

В то же время у частных компаний есть целый ряд опций управления политическими рисками через взаимодействие с *официальными* институтами страны происхождения. Часть из них предполагает выстраивание отношений с государством именно как с провайдером содействия международному развитию (СМР) (подробнее см.: [Бартенев 2023b]). Очевидно, что такое взаимодействие осуществляют и государственные компании. При этом и параметры политических рисков, с которыми им приходится сталкиваться в принимающих странах, особенно в условиях неуклонного обострения межгосударственного соперничества, и механизмы митигации таких рисков будут иметь определенные отличия, заслуживающие отдельного рассмотрения (за рамками данной статьи).

С одной стороны, компания может добиваться от властей страны происхождения финансового покрытия потерь от политических рисков, связанных с планируемыми (а в идеале и уже осуществленными) инвестициями в развивающиеся страны. Речь идет о подаче заявок в ЭКА или ИФР на получение такой защиты за определенную плату. Тем самым компания получает не только покрытие льви-

² В данной статье под частными компаниями понимаются коммерческие организации, в которых процент участия частных лиц превышает 50%. Выбор такого определения обусловлен стремлением соответствовать принципам разграничения направляемых в развивающиеся страны трансграничных потоков на официальные и частные, которые применяются в статистике ОЭСР.

ной доли инвестированных средств (обычно не менее 90%), но и политическую поддержку государства, которая минимизирует вероятность материализации ключевых «легально-правительственных» рисков, в первую очередь национализации и экспроприации. Возникает так называемый «эффект ореола» (halo effect): опасаясь ухудшения отношений с гарантом, власти принимающей страны могут воздерживаться от принятия любых ограничительных мер в отношении связанных с ним иностранных компаний, хотя такое их поведение отнюдь не предопределено.

С другой стороны, частная компания может лоббировать оказание властями страны происхождения такой помощи принимающей стране, которая будет способствовать минимизации политических рисков любого типа для ее деятельности. Речь может идти, например, о содействии улучшению инвестиционного и делового климата, совершенствованию законодательства, борьбе с коррупцией (способных митигировать риски «легально-правительственного» происхождения) в общенациональном масштабе или о совершенствовании регуляторных практик в отдельных отраслях экономики, или о помощи, направленной на снижение уровня конфликтности в обществе (призванной способствовать снижению уровня рисков «экстралегального» происхождения). Все эти направления помощи активно задействуются уже на протяжении многих десятилетий и составляют важную часть потоков ОПР.

Отдельной стратегией выступает подкрепление принимающей страной проектируемых капиталовложений отдельных компаний предоставлением льготного финансирования по правительственной линии с целью удержать власти страны-реципиента от экспроприации и других деструктивных действий в отношении инвестора в будущем. Последний способ весьма активно задействуется Китайской Народной Республикой [Гомбоин 2023]. Очевидно, что такая помощь будет митигировать политические риски только для компаний из страны-провайдера, но не для инвесторов из третьих стран.

Наконец, нельзя не упомянуть еще об одной опции, доступной национальным компаниям страны-донора, — вовлекаться в выполнение проектов и программ СМР в качестве подрядчиков при «связывании» помощи государством-провайдером (то есть изначально формальном ограничении круга поставщиков товаров и услуг национальными компаниями) или фактическом выборе национальных фирм в качестве подрядчиков при проведении закупок, открытых для компаний из других стран³. Тем самым компания из государства-донора может получить возможность выхода на новые, еще не освоенные зарубежные рынки с нулевым риском без осуществления собственных капиталовложений. Несмотря на то, что в последние годы практику «связывания» стали ассоциировать преимущественно с КНР, она характерна для многих доноров из числа стран-членов КСР ОЭСР. Хотя под эгидой Комитета была разработана рекомендация по снижению доли «связанной» помощи для наиболее уязвимых категорий стран, значимого прогресса в ее выполнении достигнуть не удалось: доля де-юре «связанной» помощи в общем объеме ОПР от стран-доноров КСР ОЭСР с начала века даже выросла с 16,9 % в 2000 г. до 19,1 % в 2022 г. Де-факто же только в 13% проектов функции по-

³ «Связывание» возможно также при реализации государствами-донорами целевых проектов через международные организации.

ставщиков товаров и услуг осуществляли развивающиеся страны, и только в 9 % фирмы из самой страны-реципиента [OECD 2022a].

Для повышения эффективности работы на указанных выше направлениях частные компании предпринимают проактивные действия. Они направляют своих представителей на парламентские слушания, посвященные политике развития, а также в различные консультативные органы, создаваемые при национальных агентствах содействием развитию, выделяют гранты различным аналитическим центрам на проведение исследований по проблематике содействия развитию⁴ и т.д. Большое значение имеет и активный обмен кадрами между частным сектором и агентствами содействия развитию, когда представители корпоративного мира приходят на государственную службу в агентства содействия развитию и выступают проводниками интересов частного бизнеса.

Власти стран происхождения, со своей стороны, также могут быть заинтересованы в удовлетворении потребностей национальных компаний в митигации политических рисков всеми описанными выше способами.

С одной стороны, этого требуют императивы внешней и внешнеэкономической политики — стремление поддержать экспансию национального экспортно-ориентированного бизнеса, которая может способствовать укреплению политического влияния в странах его присутствия. Применительно к предоставлению гарантийной защиты от политических рисков не стоит забывать и о том, что такая деятельность приносит доход, который в ряде случаев может быть весьма солидным⁵ и использоваться ИФР для последующего реинвестирования и расширения своего портфеля — как гарантийного, так и, например, кредитного.

С другой стороны, власти государств-доноров могут руководствоваться и стремлением соответствовать современным международным девелопменталистским «стандартам», сегодня подразумевающим в том числе и создание благоприятных условий для мобилизации частного капитала. На это провайдеров ориентируют многие ключевые международные документы, принятые в первой четверти XXI в., в том числе сама Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. и Аддис-Абебская программа действий 2015 г.

Исходя из описанной выше логики, просматривается гипотетическая возможность «квантификации» вклада различных потоков, отражаемых в отчетности по ОПР, в митигацию политических рисков с опорой на данные официальной международной статистики, но решение этой задачи сопряжено с целым рядом сложностей.

⁴ Характерным примером такого рода исследовательской программы может служить проект «Лидерство США в области развития», реализуемый во влиятельном вашингтонском Центре стратегических и международных исследований (Center for Strategic and International Studies, CSIS; организация признана нежелательной на территории РФ) с 2011 г., и финансируемый нефтяным гигантом Chevron.

⁵ Так, например, в 2020–2023 фин. гг. на страхование политических рисков пришлось 35% всех доходов Американской корпорации финансирования международного развития (около 600 млн долл.). Расходы же составили лишь 95 млн долл. (порядка 9,6%), из которых 45 млн долл. — страховые выплаты в связи с эскалацией конфликта на Украине в 2022 г. [US International Development Finance Corporation 2023. P. 81].

2. Проблемы оценивания митигационного эффекта традиционных инструментов ОПР

В сфере СМР проблема операционализации тех или иных количественных показателей обычно решается посредством достижения соответствующих договоренностей между представителями ведущих государств-провайдеров под эгидой международных организаций. Главной многосторонней площадкой вот уже более полувека выступает КСР ОЭСР, учрежденный в 1961 г. на базе Группы по содействию развитию Организации европейского экономического сотрудничества. Именно под эгидой данного органа в целях обеспечения сопоставимости вклада различных государств в международное развитие в 1969 г. был разработан стержневой для всей глобальной архитектуры СМР технико-статистический показатель — «официальная помощь развитию» (ОПР) и согласованы критерии отнесения финансовых потоков к ОПР.

Согласно актуальной версии рекомендаций КСР ОЭСР по статистическому учету финансовых потоков, представленной в сентябре 2024 г., ОПР объединяет «гранты и кредиты, направляемые официальными органами (включая власти регионального и муниципального уровней) или их исполнительными агентствами официальным учреждениям стран и территорий, включенных КСР ОЭСР в список реципиентов ОПР, международным неправительственным организациям и многосторонним институтам развития в интересах содействия экономическому развитию и благосостоянию развивающихся стран в качестве основной цели и на льготной основе» [OECD 2024a. Р. 17].

ОПР сегодня включает существенно более широкий спектр потоков, чем полвека назад, и ее «модернизация» продолжается, несмотря на все рассуждения о том, что этот показатель безнадежно устарел. Отчетность по ОПР в ОЭСР представляют в том или ином виде около 50 государств, включая три десятка стран-членов КСР ОЭСР и около 20 стран, не входящих в «клуб доноров», включая таких крупных провайдеров, как Турция и арабские монархии Персидского залива. Ни КНР, ни большинство других незападных государств — участников сотрудничества по линии Юг-Юг не предоставляют отчетность в ОЭСР, но есть примеры подсчета объемов потоков помощи от представителей последней категории доноров, «соответствующих критериям ОПР» (ODA-like flows) — в частности, лабораторией AidData в Колледже Вильгельма и Марии (США) [Custer et al. 2023].

Данные по ОПР, доступные в базах ОЭСР, как известно, отличаются весьма высокой степенью детализации. По большей части провайдеров доступна подробная информация по распределению помощи между отдельными видами, финансовыми инструментами, каналами. Особое значение для решения поставленной в статье задачи имеет дифференциация потоков ОПР по целевым направлениям, каждому из которых в классификаторе ОЭСР присваивается отдельный код (purpose code). В общей сложности в базе ОЭСР представлено более двух сотен таких направлений (кроме того, доноры могут добровольно отчитаться о своей деятельности еще более детально с использованием дополнительного набора кодов) [OECD 2024c].

Именно классификация по целевым направлениям несколько раз использовалась для выделения определенной совокупности направлений оказания помощи для решения задач мониторинга потоков помощи. Так, в 2006 г. Рабочая группа, учрежденная ВТО для реализации инициативы «Помощь в развитии торговли» (Aid for Trade)⁶, обозначила несколько ключевых областей СМР, для каждой из которых в целях отслеживания динамики соответствующих потоков был составлен весьма широкий перечень кодов целевых направлений из классификатора ОЭСР [OECD/WTO 2015. Р. 455–459]. Схожим образом в Секретариате ОЭСР в 2023 г. был согласован перечень из 22 целевых направлений для новой «зонтичной» категории «ОПР для обеспечения мира» (Peace ODA), для расчета которой был взят за основу подход, предложенный Институтом экономики и мира в 2017 г. [Institute for Economics and Peace 2017]. Категория объединяет «первостепенные» для миростроительства (core peacebuilding) направления из подраздела 152 классификатора ОЭСР («Урегулирование конфликтов, обеспечение мира и безопасности» и «второстепенные» (secondary peacebuilding) — из подраздела 151 («Государственное управление и поддержка гражданского общества») [OECD 2023a].

Несмотря на наличие практики составления перечня целевых направлений под конкретную задачу, аналогичного списка «секторов», значимых для митигации политических рисков для бизнеса, на международном уровне предложено не было (что в целом логично, учитывая формальную нацеленность ОПР на содействие развитию стран-реципиентов, а не на защиту капиталовложений компаний из стран-доноров). Таким образом, в проработке вариантов количественного оценивания вклада ОПР в митигацию политических рисков для бизнеса нам остается отталкиваться только от общей логики.

Итак, в рамках квантификации вклада традиционной ОПР в митигацию политических рисков для ПИИ предиктором должны выступать объемы помощи того или иного вида (в денежном выражении), направленной государством-провайдером А в страну-реципиент Б, которая одновременно является принимающей страной для ПИИ компаний из государства А. В релевантной научной литературе есть примеры использования в качестве предикторов при оценивании митигационного эффекта внешней помощи как агрегированных показателей (в том числе в процентах от ВВП), так и отдельных видов ОПР — двусторонней помощи, многосторонней помощи (кредитов отдельных международных организаций, «конфликтоориентированной помощи» (совпадающей по охвату со спектром «первостепенных для миростроительства» направлений, упомянутых выше), помощи в развитии инфраструктуры и т.д.⁷

Формат классификатора ОЭСР позволяет сформировать выборку целевых направлений, чей потенциал оказания митигационного воздействия на уровень политических рисков для бизнеса из государств-доноров в странах-реципиентах

⁶ Запущена на министерской конференции в Гонконге в декабре 2005 г.

⁷ См. опубликованный нами ранее обзор зарубежных исследований подобного плана, содержащих результаты применения различных техник анализа и опубликованных до 2023 г. включительно [Бартенев 2023a], а также новейшие публикации, оценивающие каталитический эффект ОПР и рассматривающие в качестве переменных в том числе показатели странового риска (например, [Bertrand and Betschinger 2024]).

видится, исходя из общих представлений об осуществлении деятельности ПИИ, наиболее высоким. Эти направления без труда можно соотнести, например, с теми параметрами, которые выступают компонентами наиболее известных индексов политических рисков, в частности рейтинга, рассчитываемого The PRS Group по методике ICRG (см. таблицу 1 на с. 17).

Таблица 1. Результаты соотнесения целевых направлений оказания ОПР с высоким митигационным потенциалом на параметры политических рисков с субкомпонентами рейтинга политических рисков, рассчитываемого The PRS Group по методике ICRG

Целевое направление ОПР по классификатору ОЭСР		Компоненты рейтинга политического риска, рассчитываемого The PRS Group по методике ICRG
Код	Название	Название субкомпонента и его вес (%)
15110	Политика и администрирование в государственном секторе	Качество бюрократического управления (4)
15111	Управление государственными финансами	
15113	Организации и институты по противодействию коррупции	Коррупция (6)
15130	Развитие судебно-правовой системы	Правопорядок (6)
15150	Содействие демократии	Демократическая подотчетность (6)
15151	Выборы	
15152	Законодательные собрания и политические партии	Стабильность правительства (12)
15160	Защита прав человека	Правопорядок (6)
15210	Реформа сектора безопасности	Участие военных в политике (6)
15220	Гражданское миростроительство, предотвращение и урегулирование конфликтов	Внутренний конфликт (12) Внешний конфликт (12) Религиозные противоречия (6) Этнические противоречия (6)
15230	Участие в международных миротворческих операциях	
15240	Реинтеграция бывших комбатантов и контроль за распространением стрелкового и легких вооружений	
15250	Уничтожение мин и взрывоопасных остатков войны	
15261	Предотвращение рекрутирования детей в комбатанты и их демобилизация	
16010	Социальная защита	Социально-экономические условия (12)
16020	Обеспечение занятости	
16070	Защита прав трудящихся	
24010	Политика и администрирование в финансовом секторе	Инвестиционный профиль (12)
25010	Политика и администрирование в сфере бизнеса	
51010	Поддержка общего бюджета	
600	Операции по облегчению задолженности	

Источник: составлено автором на основе: OECD, 2024b; The PRS Group, 2022

Как мы видим, 10 из 12 субкомпонентов данного рейтинга политического риска соотносятся с целевыми направлениями из раздела 150 «Государственное управление и поддержка гражданского общества», которые входят в упомянутую выше категорию «ОПР в целях обеспечения мира», уже используемую Секретариатом

ОЭСР в мониторинговых целях. Однако рассчитывать коэффициенты корреляции между агрегированными объемами «ОПР в целях обеспечения мира», предоставляемой страной А стране В, и сводным показателем страны В по рейтингу политических рисков от The PRS Group не имеет смысла. Ни один донор не распределяет свою помощь отдельно взятому реципиенту равномерно между всеми целевыми направлениями, а значит, разные политические риски будут митигироваться в различной степени. Это однозначно указывает на необходимость расчета корреляций между прямо соотносящимися друг с другом целевыми направлениями ОПР и субкомпонентами рейтинга политических рисков. Такой анализ гипотетически может позволить сопоставлять митигационный потенциал различных целевых направлений (или их кластеров) друг с другом. Однако на пути проведения такого анализа встают весьма серьезные препятствия.

В первую очередь отметим осложняющую применение эконометрических методов проблему взаимной обусловленности переменных (ведущей к смещению из-за одновременности [simultaneity bias]).

Не только политика содействия развитию может воздействовать на уровень политических рисков в странах-реципиентах, но и наоборот: имеет место ярко выраженная параллельная зависимость объемов ОПР от уровня политических рисков в странах-реципиентах и тех факторов, которые генерируют соответствующие риски.

По последним данным, собранным Международной сетью по конфликтам и нестабильности (International Network on Conflict and Fragility, INCAF), ОПР, направляемая в 60 стран, причисляемых к категории «нестабильных контекстов»⁸, снизилась с 2010 по 2022 г. на 10%, и в 2022 г. составила всего 48,8% от ОПР от стран-членов КСР ОЭСР, что стало наихудшим показателем за прошедшее десятилетие [OECD 2024d. P. 3]. Не менее важно и то, что снижается «помощь в целях обеспечения мира»: в 2022 г. — на фоне резкого увеличения объемов ОПР для Украины — данный показатель составил 4,9 млрд долл., а его доля в общем объеме — лишь 9,9% (наименьший показатель с 2006 г.) [OECD 2024d. P. 10]. Отдельно стоит отметить рост фрагментации помощи по мере повышения уровня «нестабильности» реципиентов: так, в «чрезвычайно нестабильной стране» (extremely fragile country) в среднем действуют 27 двусторонних и 14 многосторонних доноров, в других — 22 двусторонних и 11–14 многосторонних [Hoeffler and Justino 2023. P. 8]. Эта тенденция представляется особенно тревожной, поскольку обслуживание интересов большего числа доноров увеличивает нагрузку на и без того слабые институты реципиентов, становясь, таким образом, дополнительным фактором политического риска в том числе и для иностранных капиталовложений.

Важно и другое. Существует бесчисленное множество эндогенных и экзогенных факторов политического риска, которые влияют на их уровень (и соответственно, на потоки ПИИ), помимо поступающей в страну ОПР.

Представим себе лишь одну из множества конкретных ситуаций, которые могут произойти в диаде «донор-реципиент». На протяжении большей части года

⁸ По состоянию на 2022 г., в «нестабильных контекстах» (fragile contexts) проживало 24% мирового населения, но почти 73% людей в состоянии крайней нищеты, причем до 2030 г. этот показатель, по прогнозам, вырастет до 86% [OECD 2022b].

страна-донор А направляет стране-реципиенту В, чья внутренняя и внешняя политика в целом соответствует интересам донора, достаточно значимые объемы помощи, в том числе и по направлениям, обозначенным в таблице 1 на с. 15. Затем в последнем квартале под влиянием внутренних факторов в стране В происходит государственный переворот, и к власти приходит правительство, гораздо менее лояльно настроенное по отношению к стране А и присутствию ее государственных и частных компаний. В ответ на это страна А решает временно приостановить или существенно сократить помощь стране В.

В статистике описанная ситуация отразится весьма специфически: годовое значение ключевых субкомпонентов рейтинга политических рисков от The PRS Group, рассчитываемого по методике ICRG как среднеарифметическое от суммы помесечных значений, вероятнее всего, превысит показатели предыдущего календарного года, в то время как числовое значение предоставленной ОПР, скорее всего, будет ниже, чем в предшествующем году. Цифровые показатели, взятые сами по себе, без учета описанного радикального изменения политического контекста, будут указывать на наличие митигационного эффекта (меньше помощи — больше риски), однако в действительности параметры поменяются независимо друг от друга.

Даже если бы обозначенные две проблемы имели концептуальное решение, качество имеющихся числовых данных для проведения регрессионного анализа в соответствии с описанным выше замыслом вряд ли можно было признать удовлетворительным. К большому сожалению, присвоение тому или иному проекту содействия развитию цифрового кода из классификатора ОЭСР представителями стран-доноров отнюдь не всегда производится методологически безупречно.

Проиллюстрируем эту проблему на примере направления «Политика и администрирование в сфере бизнеса». Его формальное описание, содержащееся в материалах КСР ОЭСР, идеально соответствует задаче митигации инвестиционных политических рисков «легально-правительственного» происхождения: «Политика и институциональная поддержка развития [благоприятной] бизнес-среды и инвестиционного климата, включая бизнес-регулирование, защиту прав собственности, антидискриминационное законодательство, поддержку инвестиций, антимонопольную политику, законодательство о предприятиях, государственно-частные партнерства». На деле же данный код присваивается проектам самого разного свойства. Так, например, в базе «Система отчетности кредиторов» ОЭСР (Creditor Reporting System, CRS) применительно к крупнейшему мировому донору — США — по направлению «политика и администрирование в сфере бизнеса» в 2022 г. значатся, среди прочего, следующие мероприятия:

- проект «KosovoUp to Youth» в Косово, нацеленный на работу с представителями уязвимых слоев молодежи в крае, подвергающейся социальному исключению, посредством их мобилизации и побуждения к осуществлению позитивных изменений;
- обучение служащих местных правительств английскому языку в Сербии;
- программа «Посетите Тунис», направленная на «капитализацию» природных, культурных и исторических достопримечательностей, диверси-

- фикацию и повышение качества услуг в секторе, который вносит вклад в инклюзивный экономический рост;
- поддержка центров превосходства в области информационных технологий и высокоприбыльных агропроизводств в Молдове и др. [OECD 2024b].

Подобные несоответствия (между характером реализуемого мероприятия и присвоенным ему кодом из классификатора) можно найти в достаточно большом количестве и применительно к любому другому релевантному целевому направлению. А значит, для расчета корреляций между объемами помощи и уровнем политического риска в странах-реципиентах потребуется осуществлять перепроверку правильности произведенной ответственными за подачу сведений в ОЭСР лицами кодировки каждого отдельно взятого проекта вручную. Это крайне трудоемкая работа, осмысленность проведения которой также вызывает большие сомнения.

3. Проблемы оценивания митигационного эффекта гарантирования инвестиций в развитие

Если рассуждать абстрактно, статистически может быть измерен и митигационный эффект инструментов гарантирования инвестиций в развитие, для которых, как уже отмечалось, решено отныне рассчитывать грант-эквивалент и отражать его в отчетности по ОПР. Для осуществления такого измерения важно в первую очередь разграничить параметры возможного ущерба от риска и, собственно, вероятность его реализации.

Очевидно, что на параметры политических рисков, воспринимаемых инвестором, будет воздействовать сам факт гарантирования компенсации возможных потерь, что, собственно, и обуславливает каталитический эффект гарантийных инструментов. При этом в чисто финансовом плане митигационный эффект гарантирования применительно к одному инвестпроекту стоимостью 1 млрд долл. и 10 проектам стоимостью 100 млн долл. каждый — при идентичных условиях покрытия — будет в нашем понимании одинаков. Однако, чтобы правильно интерпретировать данные по объемам выдачи такого рода гарантий (и/или мобилизованного с их помощью капитала) в разрезе их воздействия на восприятие инвесторами рисков, необходимо знать конкретные условия предоставления гарантий. Это касается как охвата покрываемых рисков, так и доли компенсируемого гарантом ущерба (которая может отличаться на много процентных пунктов).

Отдельного внимания заслуживает вопрос о квантификации вклада гарантийных инструментов в снижение вероятности *материализации* политических рисков — за счет т.н. «эффекта ореола». Этот эффект обеспечивает митигацию только рисков «легально-правительственного» происхождения, и, соответственно, исследователю принципиально важно знать отнюдь не только объемы гарантирования, но и охват покрываемых гарантией рисков.

Однако соотнесение объемов гарантирования с показателями рейтинга политических рисков от The PRS Group, подобное тому, которое было описано в пре-

дыдущем разделе применительно к традиционным инструментам ОПР, вряд ли возможно. Хотя в методике ICRG рейтинг политических рисков содержит субкомпонент «инвестиционный профиль» (включающий три элемента: риск расторжения контракта/экспроприации; риск ограничений на вывод прибыли; риск задержек с выплатами по контрактам), расчет корреляции между ним и объемами гарантирования инвестиций не имеет никакого смысла. Гарантирование создает «эффект ореола» для конкретного проекта, тогда как рейтинг The PRS Group (или любой другой рейтинг того же типа) оценивает соответствующие риски в масштабе всей страны и безотносительно отрасли.

Наиболее точную информацию о силе «эффекта ореола» может дать информация по гарантийным выплатам. Важно знать, какая доля поддержанных проектов столкнулась с настолько серьезными рисками, что такие выплаты были осуществлены, а какое количество конфликтных ситуаций с властями принимающих стран (в случае материализации соответствующих рисков) удалось урегулировать посредством вмешательства властей страны происхождения.

Однако воплотить эти идеи касательно измерения митигационного эффекта гарантий на практике, к сожалению, невозможно. Проблема в данном случае, увы, гораздо, банальнее, чем в случае с традиционными инструментами ОПР и заключается в элементарном отсутствии необходимых статистических данных достаточного объема и качества.

На протяжении длительного времени в статистике ОЭСР в принципе отсутствовали какие-либо данные о масштабах применения гарантийных инструментов. Это объяснялось тем, что в ней отражались только *выплаты* по гарантиям (в случае материализации покрываемых ими рисков), причем в качестве прочих официальных потоков (*other official flows*) [OECD 2023с. Р. 5]. С 2012 г. стал вестись учет объема мобилизованного с помощью гарантийных инструментов капитала — в том числе с детализацией по странам-бенефициарам и секторам. Однако из этих данных нельзя понять ни страну происхождения компании, которой было предоставлено гарантийное покрытие, ни — самое главное — тип риска, от которого защищают инвестора (или кредитора инвестпроекта).

В 2023 г. принципы статистического учета изменились. Помимо объемов мобилизованных средств было решено рассчитывать льготность тех гарантий, которые защищают проекты, ориентированные в первую очередь на содействие развитию в странах-реципиентах ОПР, соответствуют критериям финансовой и developmentalistской дополнительнойности (*additionality*) и предоставляются на срок более 1 года [OECD-DAC-WP-STAT 2024d. Р. 3]. Также было решено, что отчетность провайдеров гарантий станет гораздо более детализированной: шаблон анкеты, которые будут заполнять доноры, содержит 53 (!) позиции.

Однако даже после того, как переход на более детализированную отчетность будет осуществлен, и при условии, что большинство доноров будут предоставлять данные в новом формате, в «сыром виде» эти данные нельзя будет использовать для оценки вклада гарантий в митигацию *политических* рисков для бизнеса. В новой анкете просто не предусмотрено графы для указания того, от каких именно рисков защищает инвесторов конкретная гарантия, а ведь, по имеющимся данным, доволь-

но значительная доля гарантий покрывает либо коммерческие риски, либо коммерческие и политические риски одновременно. Соответственно, количественные данные и по объемам гарантийного покрытия, и по объемам мобилизованных с помощью гарантий средств невозможно будет применять «как есть», и единственным выходом будет обращаться к данным национальных агентств. Однако последние крайне фрагментарны — в том числе в части, касающейся конкретных условий предоставления гарантий.

Даже если бы необходимые для анализа числовые показатели присутствовали в международной статистике, вряд ли бы удалось избежать проблемы взаимной обусловленности (и смещения из-за одновременности), которая применительно к гарантийным инструментам имеет специфическое выражение. С одной стороны, в среднем более значительная доля ПИИ в нестабильных и затронутых вооруженными конфликтами государствах имеет страховое покрытие, чем в других странах с низким уровнем доходов (6,2% vs 3,8%) [US International Development Finance Corporation 2023. Р. 24]. С другой стороны — объемы гарантийного покрытия проектов в наиболее высокорисковых юрисдикциях остаются крайне незначительными, равно как и объемы мобилизованного посредством гарантий капитала (по данным ОЭСР за 2018–2020 гг., на эту группу реципиентов пришлось лишь 24% от общего объема привлеченных средств) [OECD 2023b. Р. 17].

Текущая международная конъюнктура создает неопределенность в отношении траектории изменения этих показателей. С одной стороны, сами компании по-прежнему опасаются инвестировать в высокорисковые юрисдикции. Однако мы видим, как государства-провайдеры всячески стараются увеличить объемы привлечения частного капитала в приоритетные (с геополитической и геоэкономической точки зрения) регионы/страны/сектора (в том числе и с высоким уровнем политических рисков) — как посредством убеждения национальных инвесторов, так и посредством субсидирования ставок страховых премий.

Другими словами, не исключена ситуация, при которой объемы расходов государств-доноров на гарантирование инвестиций, засчитываемые по системе грант-эквивалента в качестве ОПР, будут предопределяться уровнем политических рисков в большей степени, чем предопределять их сами.

Заключение

Частные компании и страны их происхождения обоюдно заинтересованы в максимально широком задействовании ресурсов содействия международному развитию для митигации рисков политического характера, заметно затрудняющих капиталовложения в развивающиеся страны. В зависимости от выбранной стратегии управления рисками в этом качестве могут выступать как классические инструменты ОПР, так и гарантийные инструменты мобилизации частного капитала.

Митигационный эффект традиционных инструментов ОПР теоретически можно попытаться измерить количественно: в качестве предиктора могли бы выступать отдельные целевые направления ОПР, наиболее релевантные с точки зрения воздействия на политические процессы в стране-реципиенте и факторы, их детермини-

рующие, а в качестве регрессора — те или иные числовые показатели из рейтингов политических рисков, соотнесенные с этими направлениями. В случае с гарантийными инструментами можно, в свою очередь, измерить их прямой каталитический эффект, отталкиваясь от объемов мобилизованного капитала, и «эффект ореола» — защиты от рисков «легально-правительственного» происхождения — посредством расчета доли проектов, где эффект гарантий не сработал, и инвесторы понесли потери.

Однако для применения количественных методов есть целый ряд непреодолимых ограничений. В случае с классическими инструментами ОПР главной проблемой является взаимная обусловленность переменных, а также наличие массы экзогенных и эндогенных факторов, воздействующих как на объемы помощи, так и на параметры политических рисков, многие из которых могут быть отражены только через фиктивные переменные. В случае с гарантийными инструментами ситуация иная: измерение их прямого каталитического эффекта и силы «эффекта ореола» затрудняет в первую очередь крайняя степень фрагментарности и несовершенства исходных данных, которую решение о расчете грант-эквивалента для гарантий и их отражении в отчетности по ОПР пока никак не устраняет.

Все это, с нашей точки зрения, указывает на затруднительность оценивания митигирующего воздействия потоков, квалифицируемых в качестве ОПР, на политические риски исключительно на основе количественных данных и важность опоры на качественные методы анализа с привлечением самого широкого круга взаимодополняющих источников различного типа. Найти оптимальное сочетание аналитических инструментов может помочь детальный разбор конкретных кейсов. В рамках него объектом внимания должны быть не только числовые параметры, отраженные в официальной отчетности по ОПР того или иного провайдера или рейтингах политического риска, но и «тонкие» характеристики предоставляемого финансирования в целях развития, его условия, а также динамические изменения контекста и факторов политического риска в принимающей инвестиции стране и ее взаимоотношениях с внешним миром. Отбор интересных и репрезентативных кейсов сам по себе представляет нетривиальную задачу, поиск решения которой может прочертить новые пути в разработке заявленной проблематики.

Библиография

Бартенев В.И. Влияние международной помощи на политические риски для прямых иностранных инвестиций // Вестник МГИМО-Университета. 2023. № 16(5). С. 155–188. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2023-5-92-155-188>

Бартенев В.И. Содействие международному развитию и политические риски для внешнеэкономической деятельности: логика сопряжения тем // Вестник Московского университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15. №1. Рр. 133–163. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2023-15-1-133-163>

Гомбоин З.Э. Официальная помощь КНР развивающимся странам как инструмент защиты инвестиций китайских компаний от политических рисков // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 6. С. 48–58. <https://doi.org/10.31857/S013128120028881-0>

Дегтерев Д.А. Содействие международному развитию как инструмент продвижения внешнеполитических и внешнеэкономических интересов // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 2 (23). С. 47–58.

Морозкина А.К. Двусторонняя официальная помощь развитию: влияние мирового финансового кризиса 2008–2009 гг.: Дисс. ... канд. экон. наук. М., 2018.

Содействие международному развитию как инструмент внешней политики: зарубежный опыт / Под ред. В.Г. Барановского, Ю.Д. Квашнина, Н.В.Тогановой, М: ИМЭМО РАН, 2018. <https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0548-2>

Ali T. et al. International projects and political risk management by multinational enterprises: insights from multiple emerging markets // *International Marketing Review*. 2021. Vol. 38. No. 6. P. 1113–1142. <https://doi.org/10.1108/IMR-03-2020-0060>

Asiedu E., Jin Y., Nandwa B. Does foreign aid mitigate the adverse effect of expropriation risk on foreign direct investment? // *Journal of International Economics*. 2009. Vol. 78. No. 2. P. 268–275. <https://doi.org/10.1016/j.jinteco.2009.03.004>

Bahoo S., Alon I., Floreani J., Cucculelli M. Corruption, formal institutions, and foreign direct investment: The case of OECD countries in Africa // *Thunderbird International Business Review*. 2023. Vol. 65. No. 5. P. 461–483. <https://doi.org/10.1002/tie.22361>

Bandyopadhyay S., Sandler T., Younas J. Foreign direct investment, aid, and terrorism // *Oxford Economic Papers*. 2014. Vol. 66. No. 1. P. 25–50. <https://doi.org/10.1093/oenp/gpt026>

Berthélemy J. C. Bilateral donors' interest vs. recipients' development motives in aid allocation: Do all donors behave the same? // *Review of Development Economics*. 2006. Vol. 10. No. 2. P. 179–194. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9361.2006.00311.x>

Bertrand O., Betschinger M.A. Exploring the relationship between development aid and FDI from developed countries in developing countries: empirical insights from Japanese firm-level data // *Journal of International Business Studies*. 2024. Vol. 55. P. 782–795. <https://doi.org/10.1057/s41267-024-00688-5>

Choi W., Chung C.Y., Wang J. Firm-level political risk and corporate investment // *Finance Research Letters*. 2022. 46: 102307. <https://doi.org/10.1016/j.frl.2021.102307>

Custer S. et al. 2023. Tracking Chinese development finance: An application of AidData's TUFF 3.0 Methodology. Williamsburg, VA: AidData at William & Mary. Режим доступа: <https://www.aiddata.org/data/aiddatas-global-chinese-development-finance-dataset-version-3-0>

Dreher A., Lang V., Reinsberg B. Aid effectiveness and donor motives // *World Development*. 2024. Vol. 176. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2023.106501>

Efobi U., Asongu S., Beecroft I. Aid, terrorism, and foreign direct investment: Empirical insight conditioned on corruption control // *International Economic Journal*. 2018. Vol. 3. No.4. P. 610–630. <https://doi.org/10.1080/10168737.2018.1549089>

Fon R., Alon I. Governance, foreign aid, and Chinese foreign direct investment // *Thunderbird International Business Review*. 2022. Vol. 64. No. 2. P. 179–201, <https://doi.org/10.1002/tie.22257>

Godfrey P.C., Merrill C.B., Hansen J.M. The relationship between corporate social responsibility and shareholder value: An empirical test of the risk management hypothesis // *Strategic Management Journal*. 2009. Vol. 30. No 4. P. 425–445.

Hoeffler A., Justino P. Aid and fragile states. WIDER Working Paper 2023/83. Helsinki: UNU-WIDER, 2023. <https://doi.org/10.35188/UNU-WIDER/2023/391-8>

Institute for Economics and Peace. Measuring peacebuilding cost-effectiveness. 2017. Режим доступа: https://ods.ceipaz.org/wp-content/uploads/2018/06/Measuring-Peacebuilding_WEB.pdf

Jin Y., Zeng Z. Expropriation and foreign direct investment in a positive economic theory of foreign aid // *Economic Theory*. 2017. Vol. 64. No. 1. P. 139–160. <https://doi.org/10.1007/s00199-016-097>

Kennedy C. R. Political risk management: International lending and investing under environmental uncertainty. New York: Quorum Books, 1987.

Lu J., Huang X., Muchiri M. Political risk and Chinese outward foreign direct investment to Africa: The role of foreign aid // *Africa Journal of Management*. 2017. Vol. 3. No.1. P. 82–98. <https://doi.org/10.1080/23322373.2016.1275941>

OECD. Converged Statistical Reporting Directives for the Creditor Reporting System (CRS) and the Annual DAC Questionnaire. Chapters 1–6. 4 September 2024. Режим доступа: [https://one.oecd.org/document/DCD/DAC\(2024\)40/FINAL/en/pdf](https://one.oecd.org/document/DCD/DAC(2024)40/FINAL/en/pdf)

OECD. Creditor Reporting System: Aid activities. OECD International Development Statistics (database). 2024. <https://doi.org/10.1787/data-00061-en>

OECD. DAC and CRS List of codes. Updated on 14/06/2024. Режим доступа: <https://web-archive.oecd.org/temp/2024-06-19/57753-dacandcrscodelists.htm>

OECD. INCAF Facts and Figures Series: ODA final data and trends for 2022 in relation to fragile and conflict-related contexts. 22 January 2024. Режим доступа: [https://one.oecd.org/document/DCD/DAC/INCAF\(2024\)1/en/pdf](https://one.oecd.org/document/DCD/DAC/INCAF(2024)1/en/pdf)

OECD. Peace and official development assistance. OECD Development Perspectives, No. 37. Paris: OECD Publishing, 2023. <https://doi.org/10.1787/fccfbffc-en>.

OECD. Private finance mobilised by official development finance interventions. OECD Development Perspectives, No. 29. Paris: OECD Publishing, 2023. <https://doi.org/10.1787/c5fb4a6c-en>.

OECD. Private sector instruments: treatment of credit guarantees. 6 March 2023. Режим доступа: [https://one.oecd.org/document/DCD/DAC/STAT\(2022\)50/REV1/en/pdf](https://one.oecd.org/document/DCD/DAC/STAT(2022)50/REV1/en/pdf)

OECD. Report on the Implementation of the DAC Recommendation on Untying Official Development Assistance. 5 September 2022. Режим доступа: [https://one.oecd.org/document/DCD/DAC\(2022\)34/FINAL/en/pdf](https://one.oecd.org/document/DCD/DAC(2022)34/FINAL/en/pdf).

OECD. States of Fragility 2022. Paris, OECD Publishing, 2022. <https://doi.org/10.1787/c7fedf5e-en>.

OECD/WTO. Aid-for-trade related CRS purpose codes by category. In: *Aid for trade at a glance 2015: Reducing trade costs for inclusive, sustainable growth*. Geneva: WTO, Paris: OECD Publishing, 2015. P. 455–459. https://doi.org/10.1787/aid_glance-2015-en.

The PRS Group. The ICRG Methodology. 2022. Режим доступа: <https://www.prsgroup.com/wp-content/uploads/2022/04/ICRG-Method.pdf>

US International Development Finance Cooperation. Annual Report 2023. Режим доступа: <https://www.dfc.gov/sites/default/files/media/documents/DFC%20FY23%20Annual%20Report.pdf>

Van der Veen A. Ideas, interests and foreign aid. Cambridge University Press, 2011.

Wang H., Yang H., Li F., Zhang M. Does foreign aid reduce the country's risk of OFDI? // *The Chinese experience*. *International Studies of Economics*. 2022. Vol. 18. No 2. P. 238–258. <https://doi.org/10.1002/ise3.20>

Факторный анализ причин неравномерности экономических последствий пандемии COVID-19

Петросян Г.А., Петросян И.Б., Петросян Е.Г.

Петросян Гарик Арменакович — к.э.н., старший преподаватель Российско-Армянского университета (Ереван, Армения).

ORCID: 0000-0002-4711-7615

Петросян Ирина Борисовна — к.э.н., заведующая кафедрой экономической теории и проблем экономики переходного периода Российско-Армянского университета (Ереван, Армения).

ORCID: 0000-0001-7966-8211

Петросян Егине Гагиковна — к.э.н., старший преподаватель Российско-Армянского университета (Ереван, Армения).

ORCID: 0000-0003-3939-8426

Для цитирования: Петросян Г.А., Петросян И.Б., Петросян Е.Г. Факторный анализ причин неравномерности экономических последствий пандемии COVID-19 // Современная мировая экономика. 2024. Том 2. №4 (8). EDN: CQDWHP

DOI: <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2024-2-4-24-42>

Ключевые слова: COVID-19, экономические потери, институциональные показатели, система здравоохранения, макроэкономическая стабильность.

Исследование выполнено при финансовой поддержке КВОН РА в рамках научного проекта № 24SSAH-5B038. Название темы: «Макроэкономическая оценка изменения потенциала экономики Армении в 2020–2023 гг.: возможности и угрозы».

Аннотация

Данное исследование посвящено анализу неравномерности экономических последствий пандемии COVID-19 в различных странах и выявлению факторов, влияющих на размер этих потерь. В рамках исследования были использованы эконометрические модели для оценки экономических потерь в 2020 г. и совокупных

потерь за 2020–2021 гг. Основные группы факторов включали макроэкономические показатели, меры макроэкономической политики, институциональные показатели и показатели, отражающие состояние системы здравоохранения. Также в ходе оценок в качестве контрольной переменной использовалась структура экономики. Результаты показывают, что традиционные монетарные инструменты не оказали значительного влияния на смягчение экономических последствий кризиса в 2020 г., тогда как фискальные меры существенно способствовали восстановлению экономик в 2021 г. Институциональные факторы, такие как эффективность государственного управления и уровень контроля коррупции, также играли важную роль в снижении экономических потерь. Дополнительно было проанализировано влияние факторов экономической структуры и емкости системы здравоохранения на величину экономических потерь вследствие пандемии. Однако не все взаимосвязи между факторами эффективности здравоохранения и экономическими потерями соответствовали ожиданиям, и анализ выявил, что низкая эффективность системы здравоохранения может иметь существенные негативные экономические последствия.

Введение

Пандемия COVID-19 оказала значительное влияние на мировую экономику, вызвав резкий экономический спад и породив для всех стран мира беспрецедентные вызовы. Меры, предпринятые для замедления распространения вируса, такие как карантинные ограничения и ограничения на передвижение, привели к сокращению экономической активности, росту безработицы и снижению потребительских расходов. В то же время экономические последствия пандемии распределялись неравномерно: одни страны пострадали больше других, что требует глубокого анализа факторов, определяющих эти различия. Например, развивающиеся страны, такие как Индия и Бразилия, столкнулись с серьезными экономическими трудностями из-за высокого уровня неформальной занятости и ограниченных возможностей социальной защиты. В то же время развитые страны, такие как США и Германия, понесли значительные потери, несмотря на масштабные фискальные и монетарные меры поддержки. Некоторые исследования также выявляют важность развитости институтов и макроэкономической стабильности в смягчении экономических последствий пандемии [Ghecham 2022]. Например, страны с высокими показателями макроэкономической стабильности и эффективной государственной политикой, такие как Южная Корея и Новая Зеландия, смогли быстрее восстановиться после первоначального экономического спада [OECD 2021].

В нашем предыдущем исследовании «Неравномерность экономических последствий пандемии COVID-19: глубина экономического спада в разных странах и обуславливающие ее факторы» [Petrosyan 2023] были проведены расчеты экономических потерь в 2020 г. и совокупных потерь за 2020–2021 гг. вследствие пандемии COVID-19. Затем была выполнена эконометрическая оценка влияния различных

показателей на величину экономических потерь в разных странах мира. Были изучены три группы факторов: показатели макроэкономической устойчивости, факторы макроэкономической политики и факторы, описывающие степень институциональной развитости стран.

Основные выводы исследования показали, что меры макроэкономической политики, такие как изменение процентных ставок и объемы денежно-кредитного стимулирования, не играли значимой роли в смягчении экономических последствий кризиса в 2020 г. Это связано с тем, что в условиях ограничений предложения, вызванных пандемией, традиционные монетарные инструменты оказались менее эффективными. Однако меры фискальной политики, включая прямые трансферты, субсидии и налоговые льготы, значительно способствовали процессу восстановления национальных экономик в 2021 г. и снижению величины совокупных потерь в 2020–2021 гг. Институциональные факторы, такие как эффективность государственного управления, уровень контроля коррупции и качество нормативной базы, также играли важную роль. Страны с высокими показателями институциональной развитости, такие как Новая Зеландия и Финляндия, показали более высокие темпы восстановления, что подтверждает значимость сильных институтов в условиях кризиса, особенно в процессе преодоления негативных последствий. Анализ показал, что страны с более развитыми институтами смогли лучше организовать меры по борьбе с пандемией и эффективно распределить ресурсы, что способствовало снижению экономических потерь.

Результаты вышеуказанного исследования подчеркнули важность макроэкономической стабильности и развитых институтов для смягчения экономических последствий пандемии и ускорения процесса восстановления экономики. Однако анализ также показал, что влияние макроэкономических факторов и государственной политики на экономические потери в 2020 г. было неоднозначным и требовало более глубокой оценки. В связи с этим возникает необходимость расширения круга факторов, включенных в анализ, для более комплексного понимания причин различий в экономических потерях между странами.

В настоящем исследовании, которое проводится для периода 2020–2021 гг., предлагается дополнить перечень факторов, включенных в предыдущий анализ, двумя новыми группами: факторами экономической структуры и эффективности системы здравоохранения. Необходимость включения этих факторов обоснована тем, что экономическая структура и емкость системы здравоохранения играют ключевую роль в определении устойчивости экономики к внешним шокам, таким как пандемия. Экономическая структура, характеризующаяся долей различных секторов в ВВП, уровнем диверсификации и зависимостью от внешней торговли и туризма, определяет, насколько сильно пострадают отдельные сектора экономики при введении ограничительных мер. Факторы емкости системы здравоохранения, включая количество больничных коек, численность медицинского персонала и уровень финансирования здравоохранения, также критически важны. Способность системы здравоохранения справляться с наплывом пациентов напрямую влияет на экономическую активность и уровень доверия населения. Страны с хорошо финансируемыми и «оснащенными» системами здравоохранения, такие как Германия и Япония, смогли более эффективно

контролировать распространение вируса и снижать смертность, что, в свою очередь, помогло смягчить экономические последствия пандемии [Ghecham 2022].

Таким образом, расширение анализа за счет включения факторов экономической структуры и емкости системы здравоохранения позволит более комплексно оценить причины различий в экономических потерях между странами во время пандемии COVID-19. Это исследование не только углубит наше понимание воздействия пандемии, но и предоставит рекомендации по повышению устойчивости экономик к будущим кризисам.

1. Обзор литературы

На сегодняшний день имеется множество исследований, доказывающих, что здоровье населения имеет положительную связь с экономическим благосостоянием и ростом [McKibbin, Fernando 2020]. COVID-19 из кризиса в сфере здравоохранения и экономики перешел в общесистемный кризис с потенциально долгосрочными последствиями для внутреннего развития стран и международных торговых отношений [UNDP 2021].

Последствия пандемии COVID-19 были различными не только в разных странах, но и в разных отраслях. Наибольший урон был нанесен сфере туризма в связи с закрытием границ, в то время как интернет-торговля процветала, поскольку все большее число людей покупали товары онлайн из-за того, что продавцы вынуждены были закрыть свои магазины во время пандемии [Dyvik 2024]. Последствия коронавируса привели к спаду в процентных ставках [Jawad, Naz 2023], увеличению безработицы [Лайкам, Бикбаева, Павлова 2021], снижению объемов международной торговли [Шуйский 2021] и др. Однако важным является то, что некоторым странам удалось избежать больших потерь, а другим — нет. Неудивительно, что исследованию причин данных различий посвящено немало работ.

Как отмечается в работе [Alon, Kim, Lagakos, Van Vuren 2023], спад ВВП на душу населения в 2020 г. по сравнению с 2019 г. в развитых странах составил 2,4%, в развивающихся — 6,7%, а в странах с низким доходом — 3,6%. Авторы исследования задались вопросом, какие факторы обуславливают такие сильные различия между странами по вышеуказанным показателям. Среди факторов, которые учитывались в анализе, наиболее важными в количественном отношении являются размер программ государственных трансфертов, возрастная демография и отраслевая структура занятости. Низкий уровень государственной финансовой помощи и высокая доля рабочих мест, требующих социального взаимодействия, объясняют большую часть потерь ВВП и более высокий уровень смертности в странах с развивающимися рынками. Страны с низким уровнем дохода также пострадали от низкого уровня государственных трансфертов, но негативные последствия были в значительной степени смягчены за счет молодого, более устойчивого к болезням населения, а также большой долей занятости в сельском хозяйстве, которая обеспечивает устойчивый источник дохода во время карантина.

Политика может стать определяющим фактором в формировании личного и общественного здоровья, особенно в условиях глобальных катастроф, таких как

COVID-19 [Su Z. 2021]. Причем «хорошей» политикой являются не только действия, предпринимаемые правительством, но и все самозащитные добровольные изменения в индивидуальном поведении (возможно, вызванные правительственными информационными кампаниями) [NBER 2020]. Однако, как справедливо отмечается в статье [World Bank 2022], в отличие от других кризисов, пандемия была встречена масштабными и решительными мерами экономической политики для минимизации человеческих потерь. В то же время данные меры создали новые риски, такие как резко возросший уровень частного и государственного долга в мировой экономике.

Некоторые исследования посвящены поиску взаимосвязи между смертностью и такими показателями, как ВВП и безработица. Было выявлено, что большинство стран/регионов/городов попадают в одну из двух групп: (1) большие потери ВВП и высокий уровень смертности (Нью-Йорк, Ломбардия, Великобритания) или (2) низкие потери ВВП и низкий уровень смертности (Германия, Норвегия, Кентукки). При этом имелось лишь несколько исключений, например Калифорния и Швеция. Авторы также обосновывают эти различия проводимой политикой государства — те страны, которые смогли контролировать вирус с самого начала, могли поддерживать как экономическую активность, так и нести меньше людских потерь [NBER 2020]. В то же время у различных стран имелись разные финансовые возможности, в результате чего те страны, в которых их уровень был выше, смогли более эффективно преодолеть кризис [Родыгина, Мусихин 2020].

С иной точки зрения рассмотрен вопрос в работе [Кизилев 2020]. Согласно этому исследованию, Германии удалось относительно благополучно пройти через кризис за счет благоприятной среды для предпринимательства и низкого уровня задолженности. Германия в 2020 г. имела самый низкий среди стран G7 уровень валовой государственной задолженности относительно ВВП, а также самый низкий темп роста государственного долга. Как результат, стране удалось не только избежать спада в розничных продажах, но и, согласно исследованию, повлиять на их динамику в соседних странах, обеспечив в них схожие эффекты.

Намного тяжелее пришлось странам, которые зависели от иностранной гуманитарной помощи, в частности странам Африки. Проведенный для десяти стран Африки анализ показал, что в этих странах увеличилось соотношение долга к ВВП, причем в некоторых оно превысило 100%-й уровень; снизились ПИИ, особенно в нефтепроизводящих странах; уменьшился объем различных видов гуманитарной помощи. В результате как политическая, так и экономическая неопределенность в этих странах выросла [OECD 2021].

Во всех странах ЕАЭС также наблюдался спад в большинстве отраслей. При этом в зависимости от изначальных показателей влияние на ту или иную страну и отрасль было различным. Например, в Армении ухудшились показатели безработицы [UNECE 2021], которая и до этого была достаточно высокой, в то время как в других странах ЕАЭС такого роста безработицы не наблюдалось. В Беларуси из-за неопределенности резко сократились инвестиции в основной капитал на 6,8 п.п. В России и Казахстане наблюдалось увеличение дефицита консолидированного бюджета в связи со снижением цен на сырье на мировых рынках. В зависимости

от экономической структуры страны восстановление также происходит с разной скоростью [Селищева 2021].

Исходя из проведенного литературного обзора, в рамках нашего исследования попытаемся также выявить факторы, которые повлияли на экономические потери стран в результате пандемии COVID-19.

2. Методология исследования

Данное исследование направлено на оценку факторов, влияющих на экономические потери в результате пандемии COVID-19, с расширением анализа за счет включения новых переменных, описывающих экономическую структуру и емкость системы здравоохранения.

Для оценки экономических потерь, вызванных пандемией COVID-19, использовался подход, основанный на сравнении фактического и прогнозируемого значений ВВП. Прогнозные данные МВФ на 2020 и 2021 гг., опубликованные в октябре 2019 г., были использованы для оценки ожидаемого экономического роста. Этот период был выбран в связи с тем, что основные экономические последствия пандемии COVID-19 произошли в 2020 г., а 2021 г. стал своего рода годом экономического восстановления. Таким образом, также можно учесть возможные лаговые эффекты экономических и социальных мер, примененных в 2020 г. Данные за 2019 г. использовались только для расчета темпов роста в 2020 г. и не были включены в регрессионные уравнения. Фактические данные по реальному ВВП за эти годы также были взяты из баз данных МВФ. Индекс реального ВВП был рассчитан, принимая значение реального ВВП в 2017 г. за 100. Прогнозируемый индекс реального ВВП и фактический индекс реального ВВП для 2020 и 2021 гг. были определены с использованием прогнозируемого и фактического роста соответственно. Экономические потери рассчитывались как разница между прогнозируемыми и фактическими значениями реального ВВП. Для примера: в Республике Армения прогнозируемый рост ВВП на 2020 г. составлял 4,8%, а на 2021 г. — 4,5%, тогда как фактический рост ВВП в 2020 г. составил — 7,2%, а в 2021 г. — 5,7%. Прогнозируемый индекс ВВП на 2020 и 2021 гг. составлял 118,6 и 124,0 соответственно, тогда как фактический индекс ВВП за те же годы — 105,0 и 111,0. Экономические потери Армении в 2020 г. составили 13,6, а в 2021 г. — 13,0 индекса ВВП, что в совокупности дало 26,6 индекса ВВП [Petrosyan 2023]. Этот метод позволяет учесть разницу между ожидаемым и фактическим экономическим ростом, предоставляя более точную оценку экономических потерь, связанных с пандемией.

После оценки экономических потерь были проанализированы эффекты различных факторов, чтобы определить, какие индикаторы оказали значительное влияние на величину экономических потерь. Для этого был использован регрессионный анализ с применением данных за 2020 и 2021 гг. Поскольку анализ проводился для временного периода в два года (использование более длительного периода времени было нецелесообразным в силу того, что на результаты могли повлиять факторы, отличные от COVID-19), были построены две модели для каждого года отдельно, и для оценки моделей использовался метод наименьших квадратов. В качестве объясняющих переменных рассматривались макроэкономические факторы (такие как

ВВП на душу населения, инфляция, государственный долг, баланс счета текущих операций, индикатор открытости экономики, безработица, инвестиции и сбережения), факторы государственной политики (включая реакцию налогово-бюджетной политики, реакцию денежно-кредитной политики, индекс строгости противоэпидемических ограничений и индекс экономической поддержки) и институциональные факторы (такие как уровень контроля коррупции, эффективность правительства, политическая стабильность и отсутствие насилия/терроризма, нормативное качество и равенство перед законом). В дополнение к этим данным для расширенного анализа использованы данные по структуре экономики как контрольной переменной, а также данные по эффективности здравоохранительной системы, в частности:

- затраты на здравоохранение и ресурсы здравоохранения;
- ожидаемая продолжительность жизни и уровень смертности;
- смертность от конкретных причин;
- смертность по возрастным группам и полу;
- санитария и численность населения.

Для анализа использованы регрессионные модели, позволяющие оценить влияние различных факторов на экономические потери стран. В качестве зависимой переменной будет выступать величина экономических потерь, выраженная в процентах от ВВП, которая была оценена с помощью представленной выше методологии и описана более подробно в предыдущей статье авторов [Petrosyan 2023]. В качестве независимых переменных будут включены переменные, описывающие экономическую структуру и емкость системы здравоохранения.

Эконометрическая модель, построенная для оценок, выглядит следующим образом:

$$Y_t = \beta_o + \beta_1 \times X_{1t} + \beta_2 \times X_{2t} + \varepsilon_t,$$

где:

Y_t — зависимая переменная (экономические потери в процентах от ВВП в 2020 г. или совокупные потери в 2020–2021 гг.),

X_{1t} и X_{2t} — независимые переменные (макроэкономические факторы, фискальная и денежно-кредитная политика, институциональные показатели и т.д.),

β_o — константа,

β_1 и β_2 — коэффициенты при независимых переменных,

ε_t — ошибка модели.

Регрессионный анализ позволил выявить значительные детерминанты экономических потерь, такие как меры фискальной политики и эффективность институциональной системы. Все коэффициенты оцененных регрессионных моделей включены в таблицу в приложении.

Анализ проводился с использованием множественной регрессии, что позволило определить влияние каждой группы факторов на величину экономических потерь. Включение новых факторов в модель направлено на получение более комплексного и точного анализа причин различий в экономических потерях между странами.

1. **Множественная регрессия.** Включение в модель нескольких независимых переменных позволило оценить их влияние на зависимую переменную

и выявить наиболее значимые детерминанты экономических потерь с учетом структуры экономики.

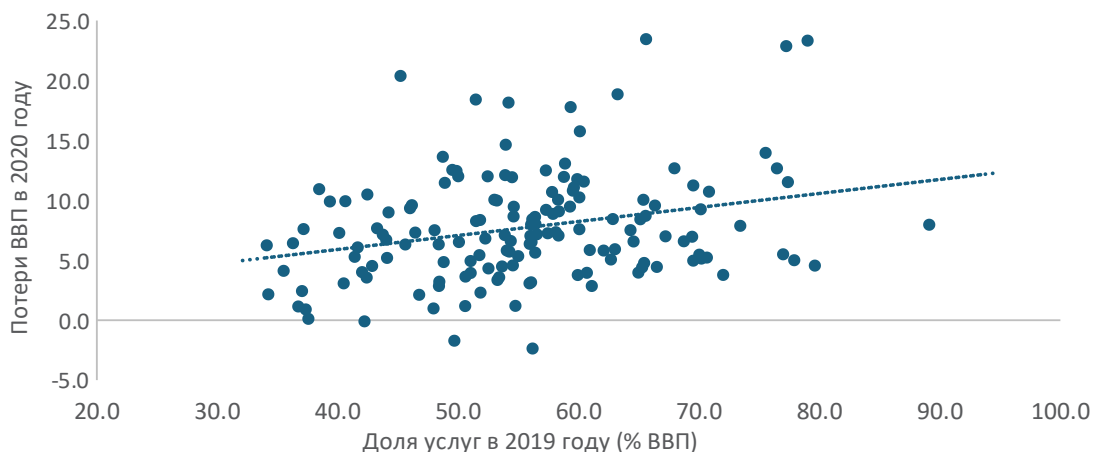
2. **Проверка гипотез.** Проведены тесты на значимость коэффициентов регрессии для определения статически значимых факторов.
3. **Диагностика модели.** Для обеспечения надежности результатов проведены тесты на наличие мультиколлинеарности, автокорреляции и гетероскедастичности.

Для проверки робастности полученных результатов использованы различные подвыборки данных и альтернативные спецификации моделей. Это позволило убедиться в устойчивости выводов и их применимости к различным странам и временным периодам.

3. Анализ и результаты

Пандемия COVID-19 оказала значительное влияние на мировую экономику, вызвав беспрецедентные экономические потери в различных странах. Важный аспект анализа — изучение факторов, которые могли смягчить или усилить эти потери. Одним из таких факторов является структура экономики, в частности доля сектора услуг в валовом внутреннем продукте (ВВП). Настоящее исследование направлено на выявление взаимосвязи между долей услуг в ВВП и экономическими потерями, понесенными странами в 2020 г. из-за пандемии COVID-19. На рисунке 1 (с. 33) видно, что страны с более высокой долей услуг в структуре ВВП испытали бóльшие экономические потери. Это свидетельствует о высокой уязвимости сектора услуг к шокам, вызванным пандемией, и о необходимости адаптации экономик к таким кризисам. Эта связь подтверждается также регрессионным анализом между этими величинами, что позволило нам использовать ее в качестве контрольной переменной.

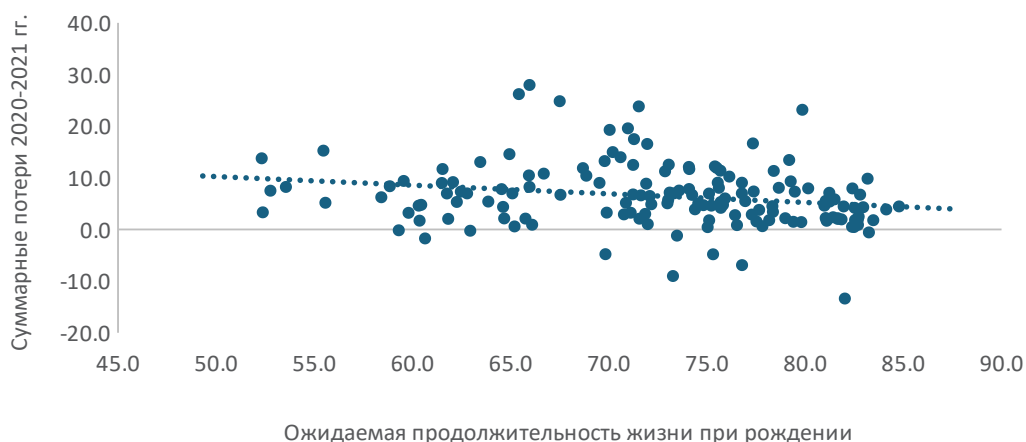
Рисунок 1. Взаимосвязь между долей услуг (% ВВП) и потерями ВВП

Источник: расчеты авторов.

Взаимосвязь между показателями эффективности здравоохранения и экономическими потерями из-за пандемии COVID-19 не однозначна. Ожидаемая продолжительность жизни часто рассматривается как показатель уровня здоровья населения и качества системы здравоохранения. На рисунке 2 (с. 34) видно, что существует отрицательная корреляция между ожидаемой продолжительностью жизни и суммарными потерями ВВП в 2020–2021 гг. Это означает, что страны с более высокой ожидаемой продолжительностью жизни испытали меньшие экономические потери. Такой результат может указывать на то, что более развитые системы здравоохранения и лучшее общее состояние здоровья населения помогли смягчить экономические последствия пандемии. Эти данные подчеркивают важность инвестиций в здравоохранение и социальные программы для повышения устойчивости экономики в условиях глобальных кризисов.

Рисунок 2. Взаимосвязь между продолжительностью жизни и суммарными потерями ВВП

Источник: расчеты авторов.

Уровень смертности и его компоненты, такие как пожизненный риск материнской смертности или уровень смертности, связанный с бытовым и внешним загрязнением воздуха, в отличие от вышесказанного, имеют обратное взаимодействие. В целом страны с более высоким уровнем смертности испытали меньшие экономические потери во время COVID-19. Это удивительно, так как высокий уровень смертности обычно указывает на уязвимую систему здравоохранения, предполагая, что такой шок, как пандемия COVID-19, должен был повысить уязвимость, привести к большим трудностям с точки зрения рабочей силы и большим экономическим потерям. Однако на практике эти страны испытали меньшие потери, что можно увидеть на рисунке 3 на с. 35 (также подтверждается регрессионным анализом, см. приложения, таблица 3).

Это можно объяснить их пониженной чувствительностью к изменениям в системе общественного здравоохранения и привычкой работать в условиях распростра-

нения болезней. Следовательно, появление новой болезни не вызвало усиленных мер безопасности, что привело к меньшим ограничениям на экономическую деятельность (см. рисунок 4 на с. 35).

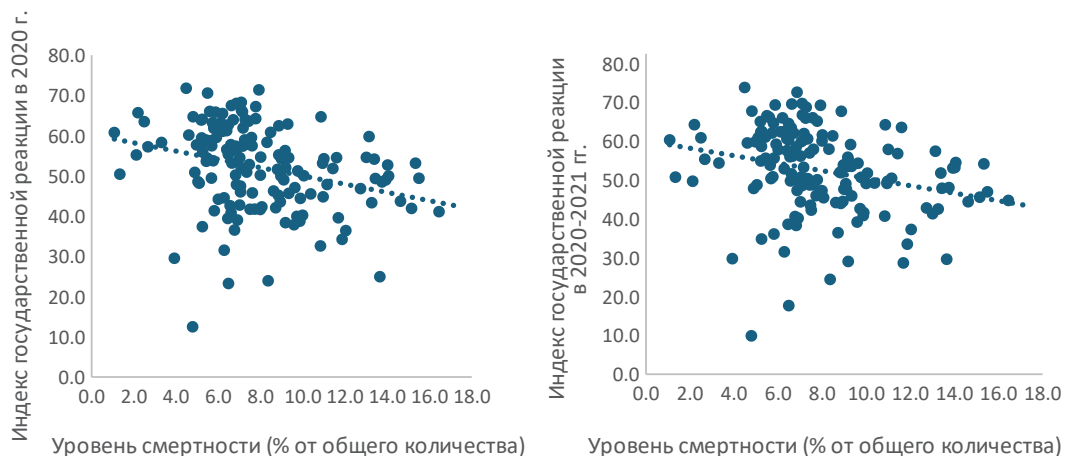
С другой стороны, страны с более высоким уровнем смертности восстанавливались медленнее в 2021 г., что привело к бóльшим совокупным экономическим потерям. Это показывает, что меньшее количество карантинных ограничений помогло уменьшить экономические потери в 2020 г., но также привело к долгосрочным последствиям, вызвавшим бóльшие совокупные потери в 2020–2021 гг.

Рисунок 3. Взаимосвязь между уровнем смертности и потерями ВВП в 2020 г.

Источник: расчеты авторов.

Рисунок 4. Взаимосвязь между уровнем смертности и индексом государственной реакции на шок пандемии

Источник: расчеты авторов.

Оценка влияния макроэкономических, институциональных, фискальных факторов была осуществлена с использованием доли сектора услуг в экономике как контрольной переменной. При такой спецификации модели полученные результаты показывают, что меры денежно-кредитной политики не коррелируют с размером экономических потерь в 2020 г. и накопленными потерями за 2020–2021 гг. Эффекты фискальной политики не были значительными в 2020 г., но сыграли важную роль в смягчении накопленных потерь в 2020–2021 гг. Это объясняется тем, что меры фискальной политики, такие как стимулирующие пакеты и государственные расходы, требуют времени для реализации и прохождения через экономику. Хотя немедленные эффекты были ограничены в 2020 г., устойчивая фискальная поддержка помогла стабилизировать экономики и смягчить накопленные потери за двухлетний период.

Размер государственного сектора, измеряемый отношением доходов к ВВП и расходов к ВВП, не играл значимой роли в обеспечении экономической эффективности как в 2020, так и в 2021 гг. Общий размер государственного сектора не обязательно отражает эффективность или результативность государственных интервенций в период кризиса. Более важными являются такие факторы, как скорость и направленность фискальных мер, а не просто масштаб государственной деятельности.

Структура расходов оказала значительное влияние на размер потерь, причем различное в 2020 и 2021 гг. Например, доля инвестиций в процентах от ВВП имела значимую отрицательную корреляцию с экономическими потерями в 2020 г., но не была значимой в 2021 г. В то же время доля сбережений в процентах от ВВП была важной для экономической эффективности как в 2020, так и в 2021 г. Инвестиционные расходы, вероятно, обеспечили немедленную поддержку экономики, создавая рабочие места и стимулируя спрос в 2020 г., однако по мере адаптации экономик в 2021 г. роль сбережений, отражающих финансовую устойчивость и покупательную способность домохозяйств и бизнеса, стала более критичной для поддержания экономической эффективности.

Внешняя стабильность, измеряемая сальдо текущего счета, значимо коррелирует с экономическими потерями. Страны с более положительным (или менее отрицательным) сальдо текущего счета испытали меньшие экономические потери в 2020 и 2021 гг. Положительное сальдо текущего счета указывает на более сильный внешний спрос на товары и услуги страны, что создает буфер против внутренних экономических потрясений. Страны с более здоровым внешним балансом были лучше подготовлены к преодолению экономических шоков пандемии.

Институциональные факторы также положительно повлияли на экономическую эффективность. Страны с низким уровнем коррупции и более высокой эффективностью правительства испытали меньшие экономические потери в 2020 г. и быстрее восстановились в 2021 г. Сильные институты повышают способность правительств внедрять эффективные политики и обеспечивать эффективное распределение ресурсов. Страны с лучшим управлением и низким уровнем коррупции успешнее справлялись с кризисом и быстрее выходили на стадию экономического восстановления.

В 2020–2021 гг. значительное влияние на потери ВВП также оказали показатели здравоохранения и смертности. Так, текущие расходы на здравоохранение (% ВВП), количество больничных коек (на 1000 человек) и индекс человеческого капитала (HCI) оказали значительное отрицательное влияние на потери ВВП. Это указывает на то, что увеличение инвестиций в здравоохранение и улучшение качества медицинской инфраструктуры способствуют снижению экономических потерь в долгосрочной перспективе. Исследование демонстрирует также, что показатель количества больничных коек (на 1000 человек) тоже имеет значительное влияние.

Уровень смертности (на 1000 человек), количество и уровень смертности от непреднамеренного отравления (на 100 000 населения) и другие индикаторы, отражающие процент смертности, как говорилось ранее, имеют отрицательные коэффициенты, что указывает на значительное снижение экономических потерь при их увеличении. В частности, увеличение числа больничных коек и снижение смертности от непреднамеренного отравления способствовали уменьшению потерь ВВП. Аналогично индекс человеческого капитала (HCI) и ожидаемая продолжительность жизни при рождении также показали отрицательные коэффициенты, хотя они не были статистически значимыми.

Однако некоторые показатели, такие как уровень смертности от загрязнения воздуха и смертность взрослых женщин и мужчин, продемонстрировали положительное влияние на потери ВВП, что указывает на увеличение экономических потерь. Это подчеркивает необходимость комплексного подхода к улучшению здоровья населения и борьбе с загрязнением окружающей среды. Важно отметить, что смертность младенцев и новорожденных также оказала положительное влияние на потери ВВП, что требует дополнительных мер по улучшению условий родовспоможения и детского здравоохранения. В целом результаты исследования подчеркивают важность инвестиций в здравоохранение и экологическую безопасность для смягчения экономических последствий пандемий и других кризисов.

Заключение

Исследование показало, что экономические последствия пандемии COVID-19 оказались неравномерными в разных странах, что обусловлено множеством факторов. Одним из ключевых выводов является то, что меры макроэкономической политики, такие как изменение процентных ставок и объемы денежно-кредитного стимулирования, не оказали значительного влияния на смягчение экономических последствий кризиса в 2020 г. Это связано с тем, что в условиях ограничений предложения, вызванных пандемией, традиционные монетарные инструменты оказались менее эффективными. В то же время фискальные меры, включающие прямые трансферты, субсидии и налоговые льготы, существенно способствовали восстановлению экономик в 2021 г. и снижению совокупных экономических потерь.

Институциональные факторы, такие как эффективность государственного управления, уровень контроля коррупции и качество нормативной базы, также сыграли важную роль. Страны с высокими показателями институциональной

развитости, например Новая Зеландия и Финляндия, продемонстрировали более высокие темпы восстановления, что подтверждает значимость сильных институтов в условиях кризиса.

Анализ факторов экономической структуры показал, что страны с высокой долей сектора услуг, особенно туризма и розничной торговли, понесли значительные экономические потери в 2020 г. Однако по мере адаптации и открытия экономик в 2021 г. влияние этого фактора уменьшилось. В то же время экономическая диверсификация, такая, например, как в Южной Корее, способствовала большей устойчивости и способности к адаптации.

Факторы емкости системы здравоохранения, включая количество больничных коек, численность медицинского персонала и уровень финансирования здравоохранения, также критически важны. Страны с хорошо финансируемыми и оснащенными системами здравоохранения, такие как Германия и Япония, смогли более эффективно контролировать распространение вируса и снижать смертность, что, в свою очередь, помогло смягчить экономические последствия пандемии.

Таким образом, расширение анализа за счет включения факторов экономической структуры и емкости системы здравоохранения позволило более комплексно оценить причины различий в экономических потерях между странами во время пандемии COVID-19. Это исследование не только углубило наше понимание воздействия пандемии, но и предоставило рекомендации по повышению устойчивости экономик к будущим кризисам. Важно продолжать исследовать и учитывать разнообразие факторов с целью разработки более эффективных стратегий смягчения последствий кризисов и ускорения экономического восстановления в условиях их глобального характера.

Библиография

Кизиллов В. В. Некоторые макроэкономические последствия COVID-19: специфика мирового кризиса 2020 года // Финансовый журнал. 2021. Т. 13. №1. С. 9–27. Режим доступа: DOI: 10.31107/2075-1990-2021-1-9-27

Лайкам К.Э., Бикбаева А.Р., Павлова Е.К. Влияние пандемии коронавируса на рынок труда // Федерализм. 2021. № 26(4). С. 5–19. Режим доступа: DOI: 10.21686/2073-1051-2021-4-5-19

Родыгина Н.Ю., Мусихин В.И. Влияние COVID-19 на экономики развивающихся стран и стран с низким уровнем дохода // Российский внешнеэкономический вестник. 2020. №9. С. 27–41. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-covid-19-na-ekonomiki-razvivayuschih-sya-stran-i-stran-s-nizkim-urovнем-dohoda>

Селищева Т. А. Влияние пандемии COVID-19 на экономику стран-членов Евразийского экономического союза и перспективы ее восстановления // Известия СПбГЭУ. 2021. №3 (129). С. 36–42. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-pandemii-covid-19-na-ekonomiku-stran-chlenov-evraziyskogo-ekonomicheskogo-soyuza-i-perspektivy-ee-vosstanovleniya>

Шуйский В. Пандемия коронавируса и международная торговля услугами (Coronavirus Pandemic and International Trade in Services) // Russian Foreign Economic Journal. 2021. №4. С. 7–12. Режим доступа: <https://ssrn.com/abstract=3909443>

Alon T., Kim M., Lagakos D., Van Vuren M. Macroeconomic effects of COVID-19 across the world income distribution // IMF Economic Review. 2022. No 71(1). Pp. 99–147. Режим доступа: DOI: 10.1057/s41308-022-00182-8.

Dyvik E.H. Impact of the coronavirus pandemic on the global economy — Statistics & Facts // Statista. 2024. Jul. 3. Режим доступа: <https://www.statista.com/topics/6139/covid-19-impact-on-the-global-economy/#topicOverview>

Ghecham M. A. The Impact of COVID-19 on Economic Growth of Countries: What Role Has Income Inequality in It? // Economies. 2022. No 10 (7), 158. Режим доступа: DOI: 10.3390/economies10070158

Jawad M., Naz M. Impact of Covid-19 pandemic on macroeconomic aspects // Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity. 2023. Vol. 9. Issue 3. 100126. Режим доступа: DOI: 10.1016/j.joitmc.2023.100126.

McKibbin W., Fernando R. The Global Macroeconomic Impacts of COVID-19: Seven Scenarios // CAMA Working Paper No. 19/2020. 2020. Режим доступа: <https://ssrn.com/abstract=3547729> или <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3547729>

NBER (National Bureau of Economic Research). Macroeconomic Outcomes and COVID-19: A Progress Report // NBER Working Paper Series. Working Paper No 28004. 2020. Режим доступа: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w28004/w28004.pdf

OECD. Beyond COVID-19 Prospects for Economic Recovery in Central Asia. Paris: OECD Publishing, 2021. Available at: <https://doi.org/10.1787/03882e7b-en>.

Petrosyan, G.A., Petrosyan, I.B., Petrosyan, H.G. Unevenness in the Economic Impact of the COVID-19 Pandemic: The Depth of the Economic Decline in Different Countries and the Factors that Caused It // Studies on Russian Economic Development. 2023. Vol. 34. No 4. Pp 554–564. Режим доступа: DOI: 10.1134/S1075700723040135

Su Z. Rigorous Policy-Making Amid COVID-19 and Beyond: Literature Review and Critical Insights. Int J Environ Res Public Health. 2021 Nov 26;18(23):12447. Available at: DOI: 10.3390/ijerph182312447.

UNDP. Analysing long-term socio-economic impacts of COVID-19 across diverse African contexts. UNDP Regional Bureau for Africa, 2021. Режим доступа: <https://www.undp.org/sites/g/files/zskgke326/files/migration/africa/f5a32ba0e2fb380796e3596e0857ab63f2acb1300c5bb17aad9847e13f941c43.pdf>

UNECE. The Impact of COVID-19 on trade and structural transformation in Armenia. Evidence from UNECE's survey of Micro, Small and Medium Enterprises (United Nations publication issued by the Economic Commission for Europe). 2021. Режим доступа: https://unece.org/sites/default/files/2021-01/Impact_COVID-19_Armenia..pdf

World Bank. World Development Report 2022, Finance for an Equitable Recovery. Chapter 1. The economic impacts of the COVID-19 crisis. 2022. Режим доступа: <https://www.worldbank.org/en/publication/wdr2022/brief/chapter-1-introduction-the-economic-impacts-of-the-covid-19-crisis>

Приложение

В таблице 1 представлены результаты регрессионного анализа, в котором оценивается влияние различных макроэкономических показателей и фискальных мер на экономические потери в 2020 г., вызванные пандемией COVID-19. В частности,

в таблице представлены коэффициенты регрессионных моделей, которые демонстрируют, как изменение каждого из факторов, таких как инфляция, ВВП на душу населения, соотношение объемов кредитования к ВВП и другие показатели, влияет на величину экономических потерь. Существенное внимание уделено роли фискальной политики, эффективность которой измерялась посредством анализа ее различных компонент. Для точности оценки в модель был включен коэффициент сектора услуг, позволяющий учесть влияние структуры экономики на результаты анализа и исключить его из оценки других факторов.

Таблица 1. Влияние выбранных показателей на размер потерь реального ВВП в 2020 г. с добавленной стоимостью сектора услуг (% ВВП) в качестве контрольной переменной

Показатель	Коэффициент доли сектора услуг	Коэффициент соответствующего показателя
Фискальные меры (над чертой)	0,1509***	-0,1196
Фискальные меры (ниже черты)	0,0727*	-0,0048
Фискальные меры, всего	0,1591***	-0,088
Реакция денежно-кредитной политики в 2020 г.	0,1131***	-0,1475
Совокупная реакция депутатов в 2020–2021 гг.	0,141***	-0,0437
Соотношение кредита к ВВП 2020 г.	0,1296*	-0,0205***
Соотношение кредита к ВВП 2021 г.	0,1357**	-0,0221***
Валовой внутренний продукт на душу населения в текущих ценах, 2019 г.	0,2359***	-0,0001***
Инфляция, средние потребительские цены, 2019 г.	0,1046***	-0,222*
Инфляция, потребительские цены на конец периода, 2019 г.	0,1042***	-0,206*
Общий объем инвестиций, 2019 г.	0,1309***	-0,0874**
Общий объем инвестиций, 2020 г.	0,1309***	-0,116***
Валовые национальные сбережения, 2019 г.	0,1403***	-0,1498***
Валовые национальные сбережения, 2020 г.	0,1337***	-0,1922***
Уровень безработицы, 2019 г.	0,1443***	-0,0338
Уровень безработицы, 2020 г.	0,1331***	0,0496
Доходы сектора государственного управления, 2019 г.	0,1524***	-0,0287
Доходы сектора государственного управления, 2020 г.	0,1568***	-0,0364
Общие государственные расходы, 2019 г.	0,1414***	-0,0011
Общие государственные расходы, 2020 г.	0,1242***	0,03
Валовый долг сектора государственного управления, 2019 г.	0,1317***	0,0139
Валовый долг сектора государственного управления, 2020 г.	0,1211***	0,0249**
Баланс текущего счета, 2019 г.	0,1702***	-0,2577***
Баланс текущего счета, 2020 г.	0,151***	-0,2374***
Контроль над коррупцией: оценка, 2019 г.	0,2266***	-1,8298***
Эффективность правительства: оценка, 2019 г.	0,2255***	-1,7668***
Контроль над коррупцией: процентильный рейтинг, 2019 г.	0,1762***	-0,0257
Эффективность правительства: процентильный рейтинг, 2019 г.	0,1679***	-0,0186

Показатель	Коэффициент доли сектора услуг	Коэффициент соответствующего показателя
Политическая стабильность и отсутствие насилия/терроризма: оценка, 2019 г.	0,1724***	-0,8985
Политическая стабильность и отсутствие насилия/терроризма: процентильный рейтинг, 2019 г.	0,1498***	-0,0079
Нормативное качество: оценка, 2019 г.	0,2307***	-1,8437***
Верховенство права: оценка, 2019 г.	0,238***	-2,0189***
Голос и подотчетность: оценка, 2019 г.	0,1743***	-0,6632
Дни карантина	0,0448	-0,0075
Случаи COVID-19, 2019 г.	0,1391***	0,0000
Случаи COVID-19, 2020 г.	0,1388***	0,0000

Источник: оценки авторов.

*** означает, что p-value меньше 0,01, ** означает, что p-value меньше 0,05, а * означает, что p-value меньше 0,1. Нет * означает, что коэффициент не является статистически значимым.

Таблица 2 содержит результаты анализа совокупных потерь ВВП за 2020–2021 гг., с добавленной стоимостью сектора услуг в качестве контрольной переменной. Данный анализ охватывает более длительный временной период и отражает кумулятивное воздействие пандемии на экономики стран. В таблице продемонстрировано, что фискальные и денежно-кредитные меры, принятые в ответ на кризис, оказали значительное влияние на снижение совокупных экономических потерь. Коэффициенты регрессионных моделей показывают, насколько изменятся накопленные потери в зависимости от изменения каждого из факторов, таких как инфляция, инвестиции, уровень безработицы и национальные сбережения. Также в таблице акцентируется внимание на долгосрочных эффектах фискальных мер, которые проявились в 2021 г.

Таблица 2. Влияние выбранных показателей на размер совокупных потерь ВВП в 2020–2021 гг. с добавленной стоимостью сектора услуг (% ВВП) в качестве контрольной переменной

Показатель	Коэффициент доли сектора услуг	Коэффициент соответствующего показателя
Фискальные меры (над чертой)	0,0047	-0,2119*
Фискальные меры (ниже черты)	-0,0998*	-0,0535
Фискальные меры, всего	0,0141	-0,1433**
Фискальные меры/убытки	-0,02	-0,6572**
Фискальные меры / совокупные убытки	-0,0424	-0,1938**
Реакция денежно-кредитной политики в 2020 г.	-0,1122**	-0,1378
Реакция денежно-кредитной политики в 2021 г.	-0,113**	0,0919
Совокупная реакция депутатов в 2020–2021 гг.	-0,0438	-0,0769
Соотношение кредита к ВВП 2020 г.	0,0164	-0,0142

Показатель	Коэффициент доли сектора услуг	Коэффициент соответствующего показателя
Соотношение кредита к ВВП 2021 г.	0,0123	-0,0139
Валовой внутренний продукт на душу населения в текущих ценах, 2019 г.	0,0765	-0,0001***
Валовой внутренний продукт на душу населения в текущих ценах, 2020 г.	0,0801	-0,0001***
Валовой внутренний продукт на душу населения в текущих ценах, 2021 г.	0,0881	-0,0001***
Инфляция, средние потребительские цены, 2019 г.	-0,0621	-0,1375
Инфляция, средние потребительские цены, 2020 г.	-0,0621	-0,0627
Инфляция, средние потребительские цены, 2021 г.	-0,0375	0,0823
Инфляция, потребительские цены на конец периода, 2019 г.	-0,0692	-0,2083
Инфляция, потребительские цены на конец периода, 2020 г.	-0,0482	0,0186
Инфляция, потребительские цены на конец периода, 2021 г.	-0,0428	0,0498
Общий объем инвестиций, 2019 г.	-0,0495	-0,0567
Общий объем инвестиций, 2020 г.	-0,049	-0,0746
Общий объем инвестиций, 2021 г.	-0,0462	-0,0385
Валовые национальные сбережения, 2019 г.	-0,0387	-0,1344***
Валовые национальные сбережения, 2020 г.	-0,0445	-0,1831***
Валовые национальные сбережения, 2021 г.	-0,0447	-0,1328***
Уровень безработицы, 2019 г.	-0,022	-0,2107**
Уровень безработицы, 2020 г.	-0,0272	-0,1009
Уровень безработицы, 2021 г.	-0,0188	-0,181**
Доходы сектора государственного управления, 2019 г.	-0,0213	-0,055
Доходы сектора государственного управления, 2020 г.	-0,0236	-0,0447
Доходы сектора государственного управления, 2021 г.	-0,0221	-0,0481
Общие государственные расходы, 2019 г.	-0,0336	-0,0265
Общие государственные расходы, 2020 г.	-0,0486	0,007
Общие расходы сектора государственного управления, 2021 г.	-0,0631	0,0333
Валовой долг сектора государственного управления, 2019 г.	-0,0457	0,0023
Валовой долг сектора государственного управления, 2020 г.	-0,0546	0,0138
Валовой долг сектора государственного управления, 2021 г.	-0,0599	0,0199
Баланс текущего счета, 2019 г.	-0,002	-0,2834***
Баланс текущего счета, 2020 г.	-0,0277	-0,2878***
Баланс текущего счета, 2021 г.	-0,0355	-0,2618***
Контроль над коррупцией: оценка, 2019 г.	0,0323	-1,5473**
Контроль над коррупцией: оценка, 2020 г.	0,0303	-1,5199**
Контроль над коррупцией: оценка, 2021 г.	0,0366	-1,6765**
Эффективность правительства: оценка, 2019 г.	0,0478	-1,8333**
Эффективность правительства: оценка, 2020 г.	0,0385	-1,7055**
Эффективность правительства: оценка, 2021 г.	0,0364	-1,735**
Политическая стабильность и отсутствие насилия/терроризма: оценка, 2019 г.	-0,0248	-0,5152
Политическая стабильность и отсутствие насилия/терроризма: оценка, 2020 г.	-0,0277	-0,4132
Политическая стабильность и отсутствие насилия/терроризма: оценка, 2021 г.	-0,0233	-0,5165

Показатель	Коэффициент доли сектора услуг	Коэффициент соответствующего показателя
Нормативное качество: оценка, 2019 г.	0,0658	-2,1673***
Качество регулирования: оценка, 2020 г.	0,0598	-2,0674***
Качество регулирования: оценка, 2021 г.	0,0633	-2,1482***
Верховенство права: оценка, 2019 г.	0,0357	-1,5857**
Верховенство права: оценка, 2020 г.	0,0415	-1,7577**
Верховенство закона: оценка, 2021 г.	0,0438	-1,8023**
Голос и подотчетность: оценка, 2019 г.	-0,0116	-0,6285
Голос и подотчетность: оценка, 2020 г.	-0,01	-0,6457
Голос и подотчетность: оценка, 2021 г.	0,0042	-0,9069
Внешняя торговля, 2019 г.	-0,0776	-0,0016
Внешняя торговля, 2020 г.	-0,0638	-0,0072
Внешняя торговля, 2021 г.	-0,0638	-0,0072
Дни карантина	-0,0508	-0,0141
Случаи COVID-19, 2020 г.	-0,0452	0
Случаи COVID-19, 2021 г.	-0,0461	0
Всего случаев COVID-19	-0,0458	0

Источники: оценки авторов.

*** означает, что p-value меньше 0,01, ** означает, что p-value меньше 0,05, а * означает, что p-value меньше 0,1. Нет * означает, что коэффициент не является статистически значимым.

В таблице 3 рассматривается влияние показателей системы здравоохранения на экономические потери в 2020 г. и совокупные потери за 2020–2021 гг. В таблице представлены коэффициенты, демонстрирующие, как такие показатели, как текущие расходы на здравоохранение, количество больничных коек, ожидаемая продолжительность жизни и уровень смертности, влияют на величину потерь ВВП. Результаты указывают на важную роль хорошо развитых систем здравоохранения в смягчении негативных экономических последствий пандемии. Например, увеличение расходов на здравоохранение и улучшение инфраструктуры здравоохранения способствовали снижению экономических потерь.

Таблица 3. Влияние показателей сектора здравоохранения (среднее за 2017–2019) на потери ВВП в 2020 г. и совокупные потери в 2020–2021 гг.

Индикатор	Коэффициент	
	Потери ВВП в 2020 г.	Потери ВВП в 2020–2021 гг.
Причина смерти от неинфекционных заболеваний (% от общего количества)	0,0297	-0,0474*
Текущие расходы на здравоохранение (% ВВП)	0,0943	-0,4505**
Уровень смертности (на 1000 человек)	-0,2481*	-0,2406
Больничные койки (на 1000 человек)	-0,3317*	-0,5789**

Индикатор	Коэффициент	
	Потери ВВП в 2020 г.	Потери ВВП в 2020-2021 гг.
Индекс человеческого капитала (HCI)	-2,348	-13,8496***
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, всего (годы)	0,0796	-0,1671***
Пожизненный риск материнской смертности (%)	-0,5955*	0,4531
Уровень смертности, связанный с загрязнением воздуха в жилых домах и атмосферным воздухом, стандартизированный по возрасту, женщины (на 100 000 мужского населения)	-0,0143**	0,0204**
Уровень смертности от загрязнения бытового и атмосферного воздуха, стандартизированный по возрасту, мужчины (на 100 000 мужского населения)	-0,0092*	0,0177***
Уровень смертности от непреднамеренного отравления (на 100 000 населения)	-1,053***	-0,1105
Уровень смертности, связанный с небезопасной водой, небезопасными санитарными условиями и отсутствием гигиены (на 100 000 населения)	-0,0414**	0,0278
Смертность взрослых (на 1000 взрослых женщин)	-0,0078	0,0117**
Смертность младенцев (на 1000 живорождений)	-0,0436**	0,0498*
Смертность новорожденных (на 1000 живорождений)	-0,0627	0,1098**
Смертность детей в возрасте до 5 лет (на 1000 человек)	-0,0312**	0,0286
Смертность детей в возрасте до 5 лет среди женщин (на 1000 человек)	-0,0331**	0,0303
Смертность детей в возрасте до 5 лет, мужчины (на 1000 человек)	-0,0295**	0,0272*
Сельское население (% от общей численности населения)	0,0021	0,0694***

Источники: оценки авторов.

*** означает, что p-value меньше 0,01, ** означает, что p-value меньше 0,05, а * означает, что p-value меньше 0,1. Нет * означает, что коэффициент не является статистически значимым.

Эфиопия в эпоху расширения БРИКС: вступление и опыт участия

Тайе Д., Гетачью Х.

Тайе Дарескедар — ведущий научный сотрудник Института иностранных дел (Аддис-Абеба, Эфиопия).

ORCID: 0009-0000-9383-8723

Гетачью Хенок — старший научный сотрудник Института иностранных дел (Аддис-Абеба, Эфиопия).

ORCID: 0009-0008-5911-8632

Для цитирования: Тайе Д., Гетачью Х. Эфиопия в эпоху расширения БРИКС: вступление и опыт участия // Современная мировая экономика. Том 2. №4(8). EDN: DQGVHK

DOI: <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2024-2-4-43-55>

Ключевые слова: расширение БРИКС, Глобальный Юг, множественное взаимодействие, Эфиопия.

Аннотация

Прошел год с тех пор, как Эфиопия получила возможность присоединиться к БРИКС. На саммите глав государств в 2023 г. в ЮАР было объявлено о расширении объединения за счет новых стран-членов из Африки, Ближнего Востока и Латинской Америки. Цель статьи — раскрыть интерес Эфиопии к вступлению в БРИКС и ее опыт после присоединения. После сбора необходимых данных путем анализа документов и интервью авторы выяснили, что, во-первых, Эфиопия присоединилась к БРИКС из внешнеполитических соображений, имея в виду дипломатическую цель диверсификации дружественных стран и группировок, а также получения новых инвестиционных и торговых возможностей. Во-вторых, внутри страны наблюдалось разнообразие мнений как за, так и против вступления в БРИКС, что, однако, никогда не мешало правительству работать в рамках объединения. В-третьих, уже за прошедший год Эфиопия получила значительный опыт работы с БРИКС.

1. Введение

Эфиопская дипломатия переживает огромные преобразования после политической реформы 2018 г., которая привела к становлению нового политического руководства и новой политической ориентации, делающей акцент на расширении прагматичного взаимодействия с различными странами мира. Политическая партия, находившаяся у власти с 1991 г., была вынуждена под давлением общественности и членов самой партии пойти на политическую реформу. В результате во главе партии и страны встал новый политический лидер, премьер-министр Абий Ахмед, который быстро провел реформы в партийной структуре, аппарате безопасности и механизме управления экономикой.

Пришедший к власти новый политический режим претворил в жизнь значительные изменения как во внутренней, так и во внешней политике страны. С тех пор Эфиопия начала проводить экономические реформы, направленные на усиление роли частного сектора в экономике. Действующий премьер-министр также уделяет должное внимание завершению флагманских национальных инфраструктурных проектов. Так, в части гидроэлектроэнергетики начала строиться гораздо более быстрыми темпами Великая Эфиопская плотина возрождения (Grand Ethiopian Renaissance Dam) на реке Нил. Впрочем, плотина по-прежнему остается предметом разногласий в дипломатических отношениях между Эфиопией и Египтом. Она также бросила тень на связи Эфиопии со странами Запада [Тае 2024].

Еще одно беспрецедентное изменение в эфиопской дипломатии после 2018 г. заключается в сближении Эфиопии и Эритреи. Эти две страны имеют общую историю, общую культуру (религию и язык) и протяженные границы, но враждовали друг с другом, особенно после межгосударственной войны 1998–2000 гг. Хотя война была завершена Алжирским мирным соглашением 2000 г., с тех пор в дипломатических и экономических отношениях не наблюдалось положительных сдвигов. Только после политической реформы 2018 г. обоим государствам удалось обеспечить дипломатическое сближение [Belachew 2018]. В 2019 г. за усилия по установлению мира между двумя странами премьер-министр Эфиопии Абий Ахмед был удостоен Нобелевской премии мира. Оттепель в отношениях между двумя государствами стала важнейшим сдвигом не только во внешней политике одной Эфиопии, но и помогла перестроить характер отношений между всеми странами Африканского рога.

Впрочем, обнадеживающие события в регионе Африканского рога сменились на противоположные, когда в 2020–2022 гг. в Эфиопии началась гражданская война, известная также как война в Тиграе. Это была эпоха, когда Эфиопия в значительной степени подвергалась давлению и санкциям со стороны стран Запада. В частности, она неоднократно подвергалась критике за приглашение эритрейских сил к участию в войне, искаженные усилия по оказанию гуманитарной помощи и грубое нарушение прав человека. В основном эта критика и дипломатическое давление продолжались в течение двух лет, пока в ноябре 2022 г. между правительством Эфиопии и боевиками Тиграя не было подписано соглашение о прекращении боевых действий.

Вступление в БРИКС — еще одно важное событие в дипломатической деятельности Эфиопии в последнее время. Эфиопия подала заявку на вступление в 2023 г., и саммит глав государств в ЮАР принял ее запрос. Данная статья призвана четко объяснить причины, подтолкнувшие Эфиопию к вступлению в БРИКС, осветить общественное мнение в том виде, в котором оно сложилось после присоединения, и кратко оценить опыт Эфиопии в рамках БРИКС в 2024 г. Необходимые для статьи данные собраны путем интервью с людьми, являющимися экспертами по многостороннему взаимодействию Эфиопии. Важными источниками данных также стали аналитические материалы, такие как сценарные записки Института иностранных дел, а также журналы, газеты и правительственные издания.

2. Понимание БРИКС

Система и институты международного управления, созданные после Второй мировой войны, все чаще воспринимаются как не соответствующие сложности экономических и экологических проблем и проблем безопасности, с которыми сталкивается мир в настоящее время. Более того, эти институциональные механизмы обвиняют в том, что им не хватает легитимности, эффективности и подотчетности, что «порождает призывы к изменениям» [Hampson & Heinbecker 2011. P. 299]. Кроме того, создаются альтернативные многосторонние механизмы, представляющие Глобальный Юг. С начала XXI в. политико-экономические механизмы развиваются параллельно с существующими. Клуб, формируемый Бразилией, Китаем, Индией, Россией и ЮАР, можно рассматривать как один из таких образцов нового стратегического партнерства. В 2001 г. британский экономист и банкир Джим О'Нил придумал термин БРИК, предсказав растущее экономическое доминирование развивающихся экономик Бразилии, России, Индии и Китая [Mansfield 2014]. Последующие встречи этих стран на уровне министров увенчались торжественным открытием БРИК в Екатеринбурге в июне 2009 г. Включение ЮАР в состав клуба в апреле 2011 г. позволило БРИК трансформироваться в БРИКС. Присоединение ЮАР дало возможность расширить существовавшее экономическое сотрудничество в рамках объединения и одновременно соответствовало потребностям Йоханнесбурга в развитии [Anuoluwaro, Abdul-Wasi and Edwin 2018]. Хотя не все члены клуба «согласны с тем, как должна быть перестроена архитектура глобального управления» [Daniel & Virk 2014. P. 4], есть общее понимание, что международные институты, такие как Международный валютный фонд (МВФ), Всемирный банк (ВБ) и Всемирная торговая организация (ВТО), необходимо реформировать и демократизировать [Daniel & Virk 2014]. На сегодняшний день существующая международная финансовая архитектура «не предназначена для оказания финансовой поддержки, необходимой развивающимся странам для реализации их амбиций в области роста и развития» [United Nations Conference on Trade and Development 2023. P. 102], а жесткие условия, наложенные на многие государства Глобального Юга, вынуждают их проводить болезненные структурные реформы. Однако этим государствам приходится бороться с дефицитом платежного баланса. Осознавая эту реальность, во время общих прений в ООН премьер-министр Барбадоса Миа Моттли подчеркнула, что существующие

финансовые рамки, включая институты, политику, правила и практику, «в XXI в. больше не служат цели, которой служили в XX в.» [United Nations 2022].

В БРИКС отсутствует учредительный договор и секретариат, однако в рамках соглашения был создан Новый банк развития. Это сделано на VI саммите в июле 2014 года с целью «мобилизации ресурсов для проектов в области инфраструктуры и устойчивого развития в странах БРИКС и других странах с формирующейся и развивающейся экономикой» [IBEC 2021]. Это позволило углубить экономическую интеграцию и решить вопросы финансового и экономического управления. Так, у НБР есть полномочия по предоставлению «чрезвычайного финансирования для Китая, Индии и ЮАР» [Muresan 2020. P. 9].

В целях дальнейшего углубления взаимодействия между странами БРИКС были приняты многочисленные инициативы в разных областях. К ним относятся Деловой совет БРИКС (BRICS Business Council), Совет аналитических центров БРИКС (BRICS Think Tanks Council — BTTC) и Центр исследований и разработок вакцин стран БРИКС (BRICS Vaccine Research and Development Center — BVRDC). Деловой совет БРИКС предполагает развитие взаимодействия между деловыми кругами стран-участниц. BTTC работает над расширением сотрудничества между их аналитическими центрами. BVRDC работает над укреплением лабораторного потенциала стран-участниц. Среди инициатив, направленных на укрепление связей «снизу вверх», — программы обмена между государствами-членами. С разной степенью эффективности вышеупомянутые инициативы направлены на реализацию долгосрочной стратегии БРИКС. К примеру, Деловому совету БРИКС удалось поддержать женские стартапы и проекты цифровой финансовой доступности, а также обсудить значение экономики заботы и возможности в сфере здравоохранения и туризма.

За время своего существования БРИКС провел шестнадцать саммитов. Его решения символизируют коллективное стремление членов объединения реформировать глобальное управление и развитие, делая акцент на многополярности и невмешательстве [Gok 2024]. Например, XVI саммит БРИКС прошел в Казани с 22 по 24 октября 2024 г. под девизом «Укрепление многосторонности для справедливого глобального развития и безопасности». Его итоговый документ отражает стремление стран-участниц реформировать существующее глобальное устройство [BRICS 2024]. Со временем БРИКС удалось расширить свое экономическое и финансовое сотрудничество на мир и безопасность, технологии, энергетику, инфраструктуру, цифровую экономику, здравоохранение и «зеленое» развитие [Institute for Security and Development Policy 2024]. Кроме того, объединение демонстрирует свою инклюзивность, объединяя различные страны с разными политическими системами, экономическим развитием и численностью населения. В настоящее время страны-участницы демонстрируют свою готовность создать более справедливую международную систему, в которой будут представлены голоса Глобального Юга. В своей Казанской декларации страны-участницы продемонстрировали приверженность «совершенствованию системы глобального управления путем поощрения более гибкой, эффективной, представительной, легитимной, демократичной международной и многосторонней системы» [BRICS 2024. P. 2]. Сегодня БРИКС волнуют не только вопросы экономики и развития. С момента своего создания

блок был нацелен на стимулирование внутренней торговли и инвестиций между странами-участницами в рамках сотрудничества Юг-Юг [Prinsloo 2023]. Он также занимается вопросами, имеющими отношение к миру и безопасности, такими как приверженность многосторонности и соблюдение международного права, соблюдение Устава ООН, реформирование Организации Объединенных Наций, включая Совет Безопасности, а также вопросы нераспространения и разоружения.

Несмотря на попытки БРИКС активизировать коллективные усилия по реформированию существующих институтов глобального управления и созданию справедливого многостороннего порядка, экономические потрясения, вызванные глобальной пандемией, мировой инфляцией и конфликтом на Украине, а также сопутствующий рост цен на продовольствие, топливо и сельскохозяйственные товары и нарушение торговли продолжают создавать проблемы для функционирования клуба [Muresan 2023].

3. Расширение БРИКС

Пятнадцатый саммит БРИКС прошел в Йоханнесбурге с 22 по 24 августа 2023 г. Он был созван под лозунгом «БРИКС и Африка: Партнерство для взаимного ускорения роста, устойчивого развития и инклюзивной многосторонности». Все члены, кроме Российской Федерации, были представлены главами государств. На саммите в Йоханнесбурге также присутствовали лидеры ряда стран Юга, в том числе Африканского союза, Лиги арабских государств, Союза стран Магриба, Организации исламского союза и Организации Объединенных Наций. Саммит завершился подписанием Йоханнесбургской декларации-II. В декларации говорится о «партнерстве на благо граждан наших стран посредством продвижения мира, более представительного и справедливого международного порядка, обновленной и реформированной многосторонней системы, устойчивого развития и инклюзивного роста» [BRICS 2023].

По сообщениям, более сорока государств продемонстрировали готовность присоединиться к БРИКС во время XV саммита [Ashby et al. 2023]. Однако только 22 государства официально запросили членство [European Parliament 2024]. По итогам саммита пять членов БРИКС решили расширить клуб до одиннадцати, приняв в него шесть новых государств: из Африки (Эфиопия и Египет), Ближнего Востока и региона Персидского залива (Иран, Саудовская Аравия и ОАЭ) и Южной Америки (Аргентина). Однако Аргентина под руководством нового ультраправого лидера Хавьера Милея так и не согласилась принять членство, мотивируя это тем, что «внешняя политика страны во многих аспектах отличается от политики предыдущего правительства» [European Parliament 2024. Р. 4]. До решения XV саммита БРИКС у стран-участниц не было схожих позиций по отношению к расширению состава. Китай проявлял интерес к расширению членства в блоке с очевидной целью создания «противовеса Группе семи» [Ashby et al. 2023], в то время как Индия рассматривала расширение для обеспечения «своего привилегированного положения в качестве члена-основателя, продвижения своих претензий на лидерство в качестве голоса Глобального Юга» [Ashby et al. 2023]. Другой областью разногласий в отношении расширения членства стало включение Ирана. Индия, Бразилия и ЮАР с осторожностью отнеслись к новой кандидатуре

Ирана из-за его «антизападной» позиции. Несмотря на различия в необходимости и целесообразности расширения членства, расширение БРИКС стало возможным второй раз спустя тринадцать лет. Благодаря расширению на долю БРИКС приходится 42% мирового населения и 36% мирового ВВП [Ashby et al. 2023].

Принятие новых членов в БРИКС с января 2024 г. имеет геополитические и экономические последствия. Поэтому расширение БРИКС можно рассматривать с разных точек зрения. Некоторые трактуют расширенный БРИКС как «антизападный и антиколониальный альянс» [Jetschgo-Morcillo & Kanter 2024]. Многие европейские страны разделяют эту точку зрения. Страны Африки южнее Сахары, например, рассматривают расширение БРИКС как альтернативу существующим институтам экономического сотрудничества и экономического развития, сдерживаемым практиками вмешательства во внутренние дела и диктовке норм и стандартов. Такое понимание укоренилось в большинстве африканских стран из-за преимущественно условного характера предоставляемых им кредитов.

Решение всех членов о принятии в группу шести новых государств имеет схожее обоснование, связанное с перспективами реформирования международного порядка. Тем не менее важно рассматривать каждый случай по отдельности. Например, Бразилия рассматривала расширение членства как преимущество для «достижения более многостороннего и представительного глобального порядка» [Solanki & Nouwens 2023]. В рамках этой стратегии Бразилия стремилась обеспечить присоединение Аргентины. Россия, помимо реформирования международных институтов, рассматривала расширение БРИКС как шаг в развитии экономических отношений с новыми членами, а также в «дальнейшем продвижении многополярного мирового порядка» [Ashby et al. 2024]. Конфликт между Украиной и Россией также повлиял на то, что последняя стремится к расширению членства, чтобы преодолеть растущее дипломатическое давление Запада. Что касается Индии, то расширение БРИКС может принести пользу Дели за счет диверсификации и укрепления существующих партнерских отношений с новыми странами-членами. Как и другие члены — основатели БРИКС, Китай призывает к реформированию международного порядка. При этом Пекин выступает за реформирование Совета Безопасности ООН и бреттон-вудских институтов. Расширение членской базы БРИКС, по мнению пекинского правительства, является средством демократизации существующего международного порядка, в котором, как представляется, недостаточно представительство интересов Глобального Юга. ЮАР также разделяет точку зрения китайского правительства относительно реформирования глобальных институтов путем расширения членства в БРИКС. Тем не менее страна хочет «изменить некоторые аспекты либерального порядка, который сложился в пользу развитых стран, и в то же время защитить глобальный порядок, основанный на правилах» [Coning 2024].

Новые члены отличаются по уровню экономического развития и политическим системам. Принятие ОАЭ и Саудовской Аравии в блок поможет снизить финансовые ограничения НБР [Abdelaziz 2023]. Напротив, Эфиопия и Египет были заинтересованы в присоединении отчасти из-за экономических перспектив. Хотя расширение существующего соглашения увеличивает возможности клуба, политические разногласия между Аддис-Абебой и Каиром по поводу использования транс-

граничных водных ресурсов и геополитическое соперничество между Тегераном и Эр-Риядом могут повлиять на сплоченность группировки. Принятие новых членов может еще больше осложнить усилия БРИКС по гармонизации существующих разногласий в области политики, экономики и безопасности.

Считается, что БРИКС будет и впредь служить важной платформой для Глобального Юга. Расширение состава участников поможет сформировать более сбалансированный мировой порядок, озвучив проблемы и потребности до сих пор разделенных стран Глобального Юга в различных международных институтах. Расширенный БРИКС внесет большой вклад в дискуссию о реформировании существующих институтов, укрепляя сотрудничество между странами-членами в Генеральной Ассамблее ООН и помогая им получить источники финансирования без жестких условий [Jetschgo-Morcillo & Kanter 2024]. Кроме того, объединение предоставит государствам-участникам возможность выйти из маргинализации и сформировать глобальный порядок, при котором ни одна страна или группа стран не будет доминировать в системе в свою пользу, а также преодолеть эффект домино в разрушении миросистемы, вызванный упадком либеральных правил.

4. Факторы, повлиявшие на решение Эфиопии присоединиться к БРИКС

Саммит глав государств в Йоханнесбурге в 2023 г. предоставил Эфиопии возможность присоединиться к БРИКС. За несколько недель до публичного объявления появились спекуляции на тему возможности приема Эфиопии¹. Внутри страны началась дискуссия по этому поводу. Один из ключевых вопросов был связан с тем, что у БРИКС нет четко сформулированных стандартов или правил приема новых членов. Также существовало распространенное предположение, что Эфиопия не может быть потенциальным кандидатом в БРИКС, поскольку она проходит через гражданскую войну, которая длится уже два года, и испытывает сильнейшее дипломатическое давление со стороны Запада. По всей видимости, именно поэтому премьер-министр Абий Ахмед, обращаясь к общественности с поздравлениями по поводу принятия Эфиопии, заявил, что потенциал Эфиопии лучше осознается за рубежом, чем внутри страны. Он сказал: «Хотя эфиопы могут не признавать этого, мир признает рост» [Fortune 2024].

Несомненно, движение в сторону БРИКС связано с внешнеполитическим расчетом со стороны Эфиопии. Трудно определить все интересы, которые входили в это уравнение, но все же определенно существует ряд причин, которые привели Эфиопию в БРИКС. Экономические интересы, похоже, стоят впереди других. Эфиопия с быстро растущей экономикой, но со значительным дефицитом финансирования развития и долговым бременем, когда государственный и гарантированный государством долг составляет 40% от ВВП (на конец июня 2023 года) [IMF 2024. Р. 3], хочет получить выгоду для дальнейшего развития своей экономики от любого гло-

¹ Институт иностранных дел разработал сценарный документ, касающийся возможного принятия Эфиопии в БРИКС в мае – июне 2023 г. Сценарный документ был представлен всем исследователям и открыт для дебатов и обсуждений. Документ наглядно продемонстрировал разнообразие мнений по поводу БРИКС.

бального соглашения. Эндале (2023) попытался связать эту экономическую причину с длительной сделкой по реструктуризации управления долгом, заключенной Эфиопией с международными кредиторами, которым она задолжала миллиарды долларов. Эфиопия является одной из стран мира с высоким уровнем задолженности, и, что еще больше усугубляет ситуацию, срок погашения некоторых из них наступает в ближайшее время. Поэтому в сделке с международными кредиторами решающее значение имело стремление к реструктуризации долга. Эфиопия заключила длительную сделку с Парижским клубом, но без какого-либо значительного прогресса в свою пользу — либо продление сроков погашения долга, либо полная его приостановка до вступления в БРИКС. Официальная просьба была также направлена в Клуб на саммите 2023 г. [Endale 2023]. Аналогичным образом Эфиопия запрашивала дополнительное финансирование развития у МВФ и Всемирного банка, поскольку в 2018 г. в стране были проведены политические реформы. Тем не менее до принятия решения о вступлении в БРИКС не было значительных возможностей ни для финансирования, ни для реструктуризации долга. Затянувшиеся переговоры еще больше ухудшили внутреннюю экономическую ситуацию в стране. Эфиопия, как и любой другой рациональный игрок, находилась в ситуации поиска альтернативных финансовых и инвестиционных возможностей, доступных в рамках БРИКС.

Ожидаемая экономическая выгода от БРИКС — одно из самых больших стремлений Эфиопии. Новый банк развития — это развивающийся финансовый институт БРИКС. Если доступ Эфиопии в БРИКС будет дополнен членством в НБР, это даст дополнительные возможности для финансирования развития. Вступление в этот банк не только поможет Эфиопии облегчить финансовые трудности, но и даст ей право голоса в процессе принятия решений — в противовес исполнению решений, принятых другими. Помимо возможности прямого доступа к таким финансовым институтам, как НБР, членство в БРИКС также помогает углубить экономические отношения с каждым из членов. Некоторые члены БРИКС обладают крупной экономикой, другие являются технологическими лидерами, что дает им сравнительные преимущества в различных областях. Поэтому Эфиопия стремится сотрудничать с членами организации для обмена ресурсами и опытом. Заявление правительства о потенциале Эфиопии считается главным фактором в выборе ее в качестве нового члена. Абий Ахмед написал в социальной сети «X», что «Эфиопия готова сотрудничать со всеми ради инклюзивного и процветающего глобального порядка» (24 августа 2023 г.). Это публичный призыв к сотрудничеству со странами-единомышленниками для установления справедливого мирового порядка. Подобные заявления доказывают наличие политических соображений при принятии решения о вступлении в БРИКС.

Это может быть результатом дипломатического удушья, которое Эфиопия испытала в период между 2020 и 2022 гг. В те годы Эфиопия неоднократно упоминалась в Совете безопасности (СБ) ООН по причинам, связанным со строительством Великой Эфиопской плотины возрождения на Ниле и войной в Тиграе [Тае 2024]. Начало заполнения водохранилища вызвало возмущение в Египте, который часто выносил дело на рассмотрение СБ ООН, чтобы оказать давление на Эфиопию. Двухлетняя война в Тиграе также была в досье, составленных странами Запада, чтобы противостоять Эфиопии перед Советом. Именно в эти годы Эфиопия искала на-

дежного партнера в дипломатическом противостоянии со своими истцами. Если бы не поддержка Китая и России, постоянных членов Совета Безопасности, а также Индии, которая в то время была непостоянным членом, Эфиопия могла бы столкнуться с множеством санкций.

Данные, собранные в ходе интервью для целей настоящего исследования, свидетельствуют о том, что, если Эфиопия не откроется для многочисленных контактов как по уже существующим, так и по новым многосторонним соглашениям, ее выживание окажется под угрозой. Во время войны в Тиграе (2020–2022) постоянно предпринимались попытки наложить санкции на Эфиопию через СБ ООН, но они провалились из-за вето Китая и России. Без военного сотрудничества с незападными странами действующая власть могла бы потерять свою силу. Помимо активного участия в работе наднациональных институтов, существующих на Африканском роге и на континенте, Эфиопии также необходимо взаимодействовать с институтами, действующими на глобальном уровне.

5. Общественное мнение о вступлении Эфиопии в БРИКС

Сразу после того, как правительство Эфиопии сообщило о вступлении в БРИКС, в стране стали раздаваться голоса и за, и против такого решения. Правительственные СМИ и связанные с правительством аналитические центры продемонстрировали свою поддержку этому решению в противовес критическим голосам, звучавшим в частных СМИ и аналитических центрах [Goshu, Teshome and Teshale 2024]. Поддержка была обусловлена предположением, что БРИКС принесет экономические и дипломатические преимущества. Вступление рассматривалось как переход от дипломатического давления и исключения в 2020–2022 гг. к эре новых дипломатических рубежей. Это было представлено как новый дипломатический успех, поскольку БРИКС предоставляет множество возможностей для сотрудничества со странами Глобального Юга.

Однако есть и группы интересов, которые критикуют Эфиопию за отказ от своей традиции нейтральной внешней политики в том, что касается политики великих держав, и за то, что она ввязалась в геополитическую игру, заняв антизападную позицию. Такая точка зрения основана на предположении, что БРИКС выступает за замещение доминирующего положения Запада в структуре глобального управления.

Такие авторы, как Аджемоглу (2023), рассматривают БРИКС как инструмент внешней политики Китая, который является экономически самым мощным членом клуба. Его статья была перепечатана в местной газете Эфиопии под названием *Addis Fortune* [Acemoglu 2023]. Тем самым вступление Эфиопии в БРИКС было расценено ими как поддерживающее Китай. Кроме того, оно нередко рассматривается как попытка бросить вызов сложившейся структуре глобального управления вместе с единомышленниками из стран — членов БРИКС. Впрочем, рассматривать БРИКС как альтернативу сложившейся системе глобального управления — значит быть далеким от реальности.

Некоторые голоса в Эфиопии даже пошли дальше и рекомендовали отказаться от БРИКС. Анонимный информатор из неправительственных организаций, работа-

ющих в Эфиопии, считает, что затраты на вступление в БРИКС намного превышают его преимущества. Следовательно, Эфиопия должна обдумать свой шаг в сторону этой группы. Подобные дискуссии были распространены, особенно в период с августа по декабрь 2023 г., однако они исчезли после того, как Эфиопия официально объявила о своем членстве в группе в январе 2024 г.

Отдельная группа мнений ставит под сомнение целесообразность вступления в БРИКС вместо того, чтобы работать над дальнейшим укреплением двусторонних отношений с каждой из стран-членов. Конечно, Эфиопия поддерживает прочные двусторонние отношения со всеми странами-членами, и вступление в БРИКС не должно помешать ей еще больше укрепить уже установленные двусторонние связи.

6. Опыт в БРИКС

За год членства в БРИКС Эфиопия успела сделать некоторые выводы о том, как принимаются решения на всех уровнях платформы БРИКС. Будь то встречи экспертов по техническим вопросам или политические дискуссии представителей государств, решения принимаются на основе консенсуса. Очевидная разница в экономической и военной мощи членов организации не мешает им сидеть вместе, чтобы прийти к единому мнению.

Еще один момент, с которым столкнулась Эфиопия за год своего путешествия в рамках БРИКС, — это тенденция к проведению встреч и координации между различными правительственными учреждениями стран-участниц. Декларация саммита глав государств в Йоханнесбурге 2023 г. [BRICS 2023] развивает традицию межведомственной координации. Например, Рабочая группа по борьбе с терроризмом состоит из представителей служб безопасности и разведки стран-участниц. Поскольку подавляющее большинство концепций и действий БРИКС направлены на развитие экономического сотрудничества, у руководителей национальных банков и глав соответствующих министерств и ведомств также есть множество площадок для интеграции согласованных целей и мероприятий. Министерства, отвечающие за торговлю, промышленность, туризм, статистику, науку и технологии, находятся в авангарде межведомственной координации. Существуют также дополнительные платформы для интеграции правительственных учреждений стран-членов, работающих в области энергетики и профессионально-технического обучения. В период председательства России в 2024 г. значительно увеличилось количество государственных органов, участвующих в межведомственной координации. Из более двухсот встреч, организованных Россией в период ее председательства в 2024 г. [Gebre and Kebeta 2024], Эфиопия приняла участие более чем в половине из них.

Такой тип межведомственной координации может внести положительный вклад в создание норм и институционализацию БРИКС в долгосрочной перспективе. Здесь необходимо упомянуть теорию неофункционализма Эрнста Хааса [Haas 1998], дающую некоторые предположения о том, как может быть устроена региональная интеграция. Несмотря на то что в основном теория неофункционализма предлагается для объяснения интеграции географически соседних стран, ее предположения о релевантности или предпосылке интеграции в специали-

рованных областях сотрудничества как средства для более широкой региональной интеграции также могут быть определяющей теорией для межведомственной координации в рамках БРИКС. Для стран-членов, которые соседствуют друг с другом и имеют более широкие возможности для торговли и инвестиций, такая координация может привести к более широкой региональной интеграции.

Годовой опыт работы в рамках БРИКС также доказывает, что он предоставляет дополнительные возможности для укрепления двусторонних экономических отношений между странами-участницами. Хорошим примером в этом случае являются соглашения о валютных свопах, заключенные Эфиопией с ОАЭ и Китаем. Эфиопия имела прочные экономические связи с ОАЭ и Китаем еще до вступления в БРИКС, но ее присоединение к группе стало дополнительным стимулом для заключения данных соглашений. Подобные соглашения также уже действуют между Россией и Китаем и ОАЭ и Индией.

Однако одна из надежд Эфиопии — вступление в Новый банк развития — пока не оправдалась. Интервьюеры² признали, что Эфиопия рассчитывала на автоматическое принятие в Банк сразу же после вступления в БРИКС. Однако путь к Банку отличается, поскольку он функционирует как автономная бизнес-структура. В последнее время Эфиопия осознала, что для вступления в Банк необходимо не только выполнить финансовые требования, но и заключить жесткую дипломатическую сделку с основными заинтересованными сторонами Банка.

7. Заключение

Пока слишком рано оценивать роль, которую Эфиопия играет в БРИКС, или преимущества, которые она получает после вступления в данное объединение. В статье предпринята попытка описать внутреннее общественное мнение, сложившееся во время вступления Эфиопии в БРИКС, и годичный опыт работы в этой организации. Для Эфиопии БРИКС стал дополнительной платформой для многоуровневых и разнообразных дипломатических контактов с многочисленными государствами и международными организациями. В течение года Эфиопия принимала приглашение к членству в БРИКС с большой оглаской; присоединилась к группе и участвовала в многочисленных технических и политических встречах; принимала решения в сотрудничестве с другими странами-членами на основе консенсуса, хорошим примером которого является XVI саммит глав государств БРИКС и Казанская декларация; а также использовала платформу для дальнейшего укрепления двусторонних отношений с другими странами-членами. Кроме того, страна приступила к подготовке заявки на вступление в НБР.

Дальнейшие действия Эфиопии в рамках группы должны исходить из ее опыта, накопленного за последний год. Во-первых, в БРИКС продолжается координация различных правительственных учреждений стран-членов, что, возможно, приведет к созданию общих норм через некоторое время. Создание этой системы норм станет домашним заданием для группы, в котором Эфиопия также должна принять актив-

² Интервью с анонимными собеседниками из Министерства иностранных дел, Аддис-Абеба, Эфиопия.

ное участие в свое время. Во-вторых, Эфиопия должна стратегически использовать платформу БРИКС таким образом, чтобы поддержать усилия по своему социально-экономическому развитию. Торговые, инвестиционные и технологические возможности объединения огромны, и Эфиопия должна быть готова к их использованию.

Библиография

Abdelaziz M. Egyptian Media Reflections on Egypt's Accession to BRICS. Policy Analysis // FIKRA FORUM. 2023. Sep. 28. Режим доступа: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/egyptian-media-reflections-egypts-accession-brics>

Acemoglu D. The Wrong BRICS Expansion // Addis Fortune. 2023. Sep. 2. Режим доступа: <https://addisfortune.news/the-wrong-brics-expansion/>

Anuoluwapo D., Abdul-Wasi M., Edwin I. South Africa's Inclusion in BRICS: Challenges and Prospects for Development in Africa // International Journal of African Renaissance Studies. 2018. Vol. 13. No 2. P. 27–41.

Ashby H. et al. What BRICS Expansion Means for the Bloc's Founding Members. United States Institute of Peace, 2023. Режим доступа: <https://www.usip.org/publications/2023/08/what-brics-expansion-means-blocs-founding-members>

Belachew B. The Recent Ethiopia-Eritrea Diplomatic Thaw: Challenges and Prospects // Horn of Africa Bulletin. 2018. July-August. Vol. 30. Issue 3.

BRICS, 2023. XV BRICS Summit Johannesburg II Declaration BRICS and Africa: Partnership for Mutually Accelerated Growth, Sustainable Development and Inclusive Multilateralism. Sandton, Gauteng, South Africa. August 23, 2023.

BRICS, 2024. XVI BRICS Summit. Kazan Declaration on Strengthening for Just Global Development and Security. Kazan, Russian Federation. October 23, 2024.

Coning C. South Africa's position in a changing global order // ACCORD. 2024. May 28. Режим доступа: <https://www.accord.org.za/analysis/south-africas-position-in-a-changing-global-order/>

Daniel R., Virk K. South Africa, Africa, and the BRICS (Brazil, Russia, India, China, and South Africa) // South Africa and the BRICS: progress, problems, and prospects. Centre for Conflict Resolution, 2014. Режим доступа: <http://www.jstor.com/stable/resrep05168.6>

Endale A. Ethiopia into a Geopolitical Trade // The Reporter. 2023. Aug. 26. Режим доступа: <https://www.thereporterethiopia.com/36149/>

European Parliament (EP). Expansion of BRICS: A Quest for Greater Global Influence? Briefing. 2024. Режим доступа: [https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI\(2024\)760368](https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI(2024)760368)

Fortune, 2024. Ethiopia's Prime Minister Lauds BRICS Entry as "Major Diplomatic Victory". Режим доступа: <https://addisfortune.news/ethiopias-prime-minister-lauds-brics-entry-as-major-diplomatic-victory/>

Gebre Y., Kebeta W. Ethiopia's BRICS engagement under Brazil's presidency: maximizing economic benefits and widening partnerships. 2024. Dec. 5. Режим доступа: <https://www.ifa.gov.et/2024/12/05/ethiopias-brics-engagement-under-brazils-presidency-maximizing-economic-benefits-and-widening-partnerships/>

Gok G. BRICS in the Changing World Order: Widening and Deepening Already? // SAM Snapshots. 2024. Режим доступа: <https://sam.gov.tr/snapshots/brics-in-the-changing-world-order-widening-and-deepening-already>

Goshu D., Teshome A., Teshale D. Does Ethiopia Benefit from Joining the BRICS? Global Trends and Local Perspectives. Policy Working Paper 23/2024. Ethiopia Economic Associations (EEA), 2024. Режим доступа: <https://eea-et.org/wp-content/uploads/2024/01/Working-Paper-23-2024-BRICS.pdf>

Haas E.B. The Uniting of Europe // The European Union: Readings on the Theory and Practice of European Integration / Brent F. Nelsen and Alexander Stubb (eds.). Colorado: Lynne Rienner Publishers, 1998.

Hampson F., Heinbecker P. The “New” Multilateralism of the Twenty-First Century // Global Governance. 2011. Vol. 17. No 3. P. 299-310.

IBEC. New Development Bank and International Bank for Co-operation establish framework for cooperation. 2021. Режим доступа: <https://ibec.int/news/allnews/new-development-bank-and-international-bank-for-economic-co-operation-establish-framework-for-cooper/>

IMF. The Federal Democratic Republic of Ethiopia: Request for an Assessment Under the Extended Credit Facility-Debt Sustainability analysis. 2024. Режим доступа: <https://www.elibrary.imf.org/view/journals/002/2024/253/article-A002-en.xml>

Institute for Security and Development Policy. BRICS: Evolving into a vehicle for inclusive multilateralism? 2024. Режим доступа: <https://www.isdp.eu/wp-content/uploads/2024/10/Backgrounder-BRICS-Oct-19.pdf>

Jetschgo-Morcillo M., Kanter C. BRICS expansion: Geopolitical power shift or transactional alliance? Konrad Adenauer Foundation, 2024. Режим доступа: <https://www.kas.de/en/brics-plus>

Mansfield E. D. Rising Powers in the Global Economy: Issues and Questions // International Studies Review. 2014. Vol. 16. No 3. P. 437-466.

Muresan A. Understanding the role of the BRICS partnership: Strategic ways forward // South Africa in the World 2020: Pragmatism versus Ideology. Institute for Global Dialogue, 2020. Режим доступа: <https://www.jstor.org/stable/resrep305879>

Muresan A. BRICS XV: Expectations for South Africa’s 2023 chair. Johannesburg: South African Institute of International Affairs, 2023. Режим доступа: <https://www.jstor.org/stable/resrep48505>

Prinsloo C. Geopolitical Turmoil: BRICS Economic Windfall? Johannesburg: South African Institute of International Affairs, 2023. Режим доступа: <https://www.jstor.org/stable/resrep49161>

Solanki V., Nouwens M. 2023. IISS experts assess the BRICS expansion. Режим доступа: <https://www.iiss.org/en/online-analysis/online-analysis/2023/09/iiss-experts-assess-the-brics-expansion/>

Taye D. The Horn of Africa in the Face of the Changing Conditions in Ethiopia and the Tigray War // IRMO BRIEF. 2024. No 8. Режим доступа: <https://irmo.hr/novosti/the-horn-of-africa-in-the-face-of-the-changing-conditions-in-ethiopia-and-the-tigray-war/>

United Nations. 2022. Barbados Prime Minister Mottley Calls for Overhaul of Unfair, Outdated Global Finance System. September 22. Режим доступа: <https://news.un.org/en/story/2022/09/1127611>

United Nations Conference on Trade and Development. 2023. Trade and Development Report 2023: Growth, Debt, and Climate: Realigning the Global Financial Architecture. Режим доступа: <https://www.un-ilibrary.org/content/books/9789213584866>

БРИКС в переходный период: критический анализ возможностей и проблем в рамках формирующегося глобального порядка

Баваскар Р.

Баваскар Раосахед — руководитель Центра китайских исследований Национального юридического университета Махараштры (Индия) и основатель Центра водной политики (Индия).

Для цитирования: Баваскар Р. БРИКС в переходный период: критический анализ возможностей и проблем в рамках формирующегося глобального порядка // Современная мировая экономика. Том 2. №4(8). EDN: IHENYP

DOI: <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2024-2-4-56-84>

Ключевые слова: расширенный БРИКС, глобальное управление, многополярный мир, экономическая интеграция, сотрудничество Юг-Юг.

Аннотация

В данном исследовании критически рассматривается превращение БРИКС в расширенный блок, включающий Египет, Эфиопию, Иран и ОАЭ, на фоне меняющегося глобального порядка. Исследование сосредоточено на ответе на вопрос, как БРИКС, с его растущим разнообразием экономических приоритетов, политических идеологий и уровней развития, может сохранить внутреннюю сплоченность и эффективно решать проблемы глобального регулирования. На основе набора методов, сочетающего количественный анализ роста ВВП, потоков ПИИ и объемов торговли с качественным анализом политических документов и мнений экспертов, в работе подчеркивается растущее стратегическое влияние блока в торговле, энергетике и геополитике. Выводы показывают, что, хотя включение богатых ресурсами и стратегически расположенных стран усиливает рычаги влияния БРИКС на формирование многополярного миропорядка, идеологическое разнообразие, региональное соперничество и асимметрия сил создают значительные риски для сплоченности. В исследовании утверждается, что способность БРИКС изменить режим глобального регулирования будет зависеть от создания гибких, основанных на консенсусе механизмов принятия решений и использования сотрудничества Юг-Юг.

1. Введение

БРИК (аббревиатура составлена из названий четырех развивающихся экономик — Бразилии, России, Индии и Китая) был официально сформирован как альянс в 2009 г. с общей целью создания мощной платформы для развития глобального экономического регулирования. В 2010 г. к альянсу присоединилась ЮАР, в результате чего он превратился в БРИКС. По сути, альянс был создан для укрепления экономического сотрудничества и развития финансовой и торговой мобильности между этими растущими экономиками. Однако скрытым желанием группы было также уравновесить влияние стран «Группы семи» и усилить место восходящих держав в мировом порядке. БРИКС отличается большая численность населения, быстрорастущая экономика и растущее коллективное политическое влияние на мировой арене. За годы своего существования БРИКС стал символом коллективной силы развивающихся рынков, на долю которых приходится почти 42% населения планеты и около 23% мирового ВВП, что подчеркивает его значимость в международных делах [O'Neill 2020].

Однако динамика внутри БРИКС меняется, поскольку к группе присоединились новые члены, что свидетельствует о том, что объединение вступает в переходный период. Политическая и экономическая среда БРИКС претерпела существенные изменения в связи с этим. Присоединение новых членов из разных уголков мира создает как возможности, так и проблемы, поскольку эти новые участники имеют разные экономические приоритеты, политические идеологии и уровни развития. В данном исследовании рассматривается влияние этого перехода на прочность альянса БРИКС для поддержания сплоченности и достижения долгосрочных целей. Понимание того, как БРИКС адаптируется к этим изменениям, имеет значение для определения его дальнейшей значимости в мировом порядке.

В этих обстоятельствах статья ставит ключевой исследовательский вопрос: как БРИКС с постепенно меняющимся составом членов может сохранить внутреннюю сплоченность, эффективно использовать возможности и преодолевать проблемы, возникающие в связи с расширением блока, в условиях трансформирующегося геополитического ландшафта? Поскольку БРИКС пытается сбалансировать противоречивые интересы своих нынешних и потенциальных членов, этот вопрос является жизненно важным для продолжающейся дискуссии о будущем блока. Первоначальные цели БРИКС, включающие содействие экономическому сотрудничеству, развитие инфраструктуры и обеспечение глобальной финансовой стабильности, сегодня подвергаются новым испытаниям, учитывая политическое и экономическое разнообразие, вносимое новыми членами, которое может осложнить процесс выработки согласованной политики и стратегического планирования в группе [Moch 2024]. В данной статье ставится задача критически проанализировать перспективы сотрудничества, которые открывает этот переход, и изучить потенциальные проблемы, которые могут помешать прогрессу БРИКС. Исследование фокусируется на таких ключевых секторах, как экономический рост, инвестиции в эти страны, в основном прямые иностранные инвестиции (ПИИ), либерализация торговли, а также политическая сплоченность БРИКС. Каждый из этих секторов предлагает

как потенциальную синергию, так и области трения. Нами предпринята попытка понять, как БРИКС может играть важную роль в глобальном регулировании, принимая во внимание его внутренние сложности

Данная работа организована следующим образом. Обзор литературы представлен во втором разделе. В третьем разделе дан подробный обзор теоретической базы с акцентом на характеристики глобальных альянсов и экономического сотрудничества. В четвертом разделе рассмотрены возможности, открывающиеся в связи с трансформацией БРИКС, а также области, в которых сотрудничество может развиваться, включая торговлю, инвестиции и экономический рост. В пятом разделе будут обсуждаться трудности, а также то, как справиться с дисбалансом сил внутри блока и уравновесить конфликтующие политические и экономические программы. В последнем разделе будут представлены выводы и предложения, а также гибкие тактические приемы, которые БРИКС может использовать для укрепления единства с учетом разнообразия своих членов. В исследовании предпринята попытка внести вклад в продолжающийся диалог о роли БРИКС в новом мировом порядке, рассмотрев как возможности, так и препятствия для реализации данной роли.

2. Историческая эволюция БРИКС: обзор литературы

Как динамичному альянсу развивающихся государств, группе БРИКС посвящены обширные исследования, касающиеся ее достижений и проблем, с которыми она столкнулась на своем пути. С момента своего создания БРИКС привлекал к себе пристальное внимание благодаря своей коллективной попытке развивать многосторонний мировой порядок, делая акцент на оспаривании доминирования Запада в международных институтах. Эти амбиции материализовались различными способами, в частности через создание альтернативных финансовых институтов, таких как Новый банк развития (НБР) и Соглашение БРИКС об условных резервах [Saran & Sharan 2012]. Создание этих институтов наглядно демонстрирует усилия БРИКС по снижению зависимости от Всемирного банка и МВФ, в которых доминируют западные страны. Новый банк развития и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций уже завершили свое формирование и составили портфолио из масштабных проектов [Andronova, Shelepov 2019]. Содействуя сотрудничеству по линии Юг–Юг, НБР сделал акцент на развитии инфраструктуры, тем самым позиционируя БРИКС как ключевого игрока в глобальном ландшафте финансирования развития [Horewell 2020].

Ключевым компонентом влияния БРИКС стало содействие Глобальному Югу по различным вопросам — от реформы многосторонней торговой системы до климатической политики. Потребность в более эгалитарных структурах глобального управления была представлена как единая позиция БРИКС в ходе ежегодных саммитов и совместных заявлений. Ученые утверждают, что коалиция изменила дискурс о финансировании развития, настаивая на реформах торговой системы, которая в текущем виде часто ставит в невыгодное положение страны с развивающейся экономикой [Beeson, Zeng 2018]. Вместе с тем члены БРИКС активно выступают за климатическую справедливость и подчеркивают необходимость более

справедливой финансовой поддержки со стороны развитых экономик, чтобы помочь развивающимся странам достичь климатических целей [Shen & Zou 2024]. Несмотря на эти успехи, некоторые ученые утверждают, что эффективность инициатив БРИКС все еще ограничена, поскольку его члены по-прежнему зависят от западных институтов в вопросах финансовых и торговых норм.

В обширной литературе также указываются серьезные проблемы, стоящие перед БРИКС, в первую очередь из-за экономического и политического разнообразия стран-участниц. Это разнообразие порождает внутренние противоречия, которые часто осложняют усилия блока по выработке согласованной политики. Например, структурные различия в экономиках стран (Бразилия является экспортером основных ресурсов, Китай — промышленным и производственным центром, Россия зависит от экспорта энергоносителей, а Индия ориентирована на сферу услуг) создают напряженность в вопросах экономической координации [Stuenkel 2015]. Любые расхождения в экономической политике препятствуют принятию коллективных решений, прежде всего в таких секторах, как торговая политика и тарифы, поскольку в таком контексте у каждого члена могут превалировать различные национальные интересы. Различные уровни экономической взаимозависимости между членами БРИКС еще больше осложняют координацию экономической политики, особенно в тех секторах, где их экспорт конкурирует на мировых рынках [Nye 2013].

Кроме того, определенные трудности создают политические и идеологические различия внутри БРИКС. Например, Россия и Китай с относительно более авторитарной системой управления часто идеологически отличаются от стран-членов, имеющих демократическую политическую систему, таких как Бразилия, Индия и ЮАР. Этот контраст затрудняет способность БРИКС представлять единую политическую позицию, особенно по вопросам международной безопасности и прав человека, где авторитарные и демократические ценности могут вступать в конфликт [Cooper 2016]. Эти идеологические различия часто ослабляют процесс принятия решений в группе и снижают доверие к БРИКС как к единому голосу Глобального Юга.

Идея расширения БРИКС вызывает растущий интерес среди ученых, которые утверждают, что расширение группы несет в себе как возможности, так и потенциальные недостатки. Некоторые наблюдатели полагают, что включение в группу новых государств может повысить легитимность БРИКС, сделав ее более всеобъемлющим представителем Глобального Юга и тем самым усилив ее международные позиции [Norwell 2020]. Так, добавив в клуб новых членов, БРИКС может расширить свое влияние в ООН или ВТО. Рост числа членов может усилить возможности БРИКС по продвижению реформ в различных областях, таких как торговля, климатическая политика и финансирование развития.

С другой стороны, расширение БРИКС вызывает опасения по поводу его сплоченности и операционной эффективности. Поскольку группа и так уже отличается значительной неоднородностью, критики утверждают, что расширение может усугубить существующие проблемы блока, такие как идеологические и экономические расхождения, что может затормозить прогресс в реализации коллектив-

ных инициатив [Kornegay & Bohler-Muller 2021]. Кроме того, предполагается, что усложнение процесса принятия решений может помешать БРИКС действовать сплоченной группой по острым глобальным вопросам, тем самым ослабляя его влияние на мировой арене.

Хотя эта обширная литература дает представление об успехах, проблемах и дискуссиях по поводу роста и возможного влияния БРИКС, существует заметный пробел в исследованиях расширения БРИКС и его конкретного влияния на ключевые области сотрудничества внутри блока. Некоторые исследования пытались проанализировать расширение БРИКС, но до сих пор не было проведено ни одного эмпирического исследования, которое бы изучало, как добавление новых членов повлияет на экономический рост, тенденции торговли и инвестиционные потоки, политическую сплоченность и совместные действия по глобальным вопросам, таким как изменение климата, безопасность и финансирование развития. Кроме того, отсутствует литература о возможных долгосрочных последствиях расширения БРИКС для институциональной эффективности и способности служить противовесом мировому порядку, в котором доминирует Запад. Восполнение этих пробелов может помочь нам понять, сможет ли расширение БРИКС изменить глобальный порядок в ближайшие десятилетия.

3. Теоретическая основа

Теоретическая рамка — это линза для понимания феномена БРИКС. Три доминирующие теоретические концепции, а именно реализм, либерализм и конструктивизм, обеспечивают разные углы зрения для изучения расширения БРИКС и его последствий для глобального порядка. Эти теории предлагают важные рамки для понимания устремлений, динамики и потенциального влияния роста блока на глобальное регулирование. Реализм рассматривает расширение БРИКС как стратегический маневр, направленный на создание противовеса западной мощи, в частности влиянию США и других стран «Группы семи». Ученые-реалисты утверждают, что БРИКС представляет собой платформу, позволяющую его членам объединить свое влияние на мировой арене, способствуя формированию многополярного мирового порядка, который может компенсировать доминирование Запада в таких институтах, как Международный валютный фонд (МВФ) и Всемирный банк [Beeson, Zeng 2018; Varela, Delgado 2019]. С этой точки зрения расширение БРИКС помогает блоку стать более уверенным выразителем интересов Глобального Юга, тем самым давая силу бросить вызов Западу.

Либерализм, напротив, подчеркивает способность БРИКС содействовать сотрудничеству и взаимозависимости между его членами, тем самым внося вклад в глобальную стабильность. Либеральные теоретики утверждают, что международные институты и альянсы, подобные БРИКС, служат платформами для коллективного решения проблем, способствуя торговле, экономическому росту и достижению общих целей развития [Keohane & Nye 1977]. Для представителей либерализма расширение БРИКС — это возможность укрепить экономическое сотрудничество, либерализовать торговлю и мобилизовать ресурсы для развития инфраструктуры.

Либералы считают, что расширение членства может повысить способность БРИКС поддерживать глобальную экономическую стабильность, способствовать инклюзивному росту и создать основу для взаимодействия с другими многосторонними институтами.

Конструктивистские теории добавляют другое измерение, фокусируясь на роли общих идентичностей, норм и ценностей в рамках БРИКС. Конструктивисты считают, что БРИКС — это не просто стратегический или экономический альянс, а блок, сформированный коллективной идентичностью стран с развивающейся экономикой, выступающих за более справедливый мировой порядок [Van Tulder et al. 2016]. Конструктивисты считают, что расширение БРИКС включает в себя более широкий спектр культурных и политических ценностей, повышая легитимность и представительность блока на мировой арене [Jones 2024]. Однако они также предупреждают, что разнообразие политического и экономического положения стран БРИКС может привести к конфликтам идентичностей, что потребует постоянных переговоров об общих ценностях для поддержания единства [Cooper 2016].

В совокупности эти теоретические точки зрения демонстрируют сложность расширения БРИКС. Реалистическая точка зрения подчеркивает стратегические цели блока. Либеральные идеи подчеркивают экономическую взаимозависимость, а конструктивистские делают акцент на общей идентичности и необходимости реформирования глобального регулирования. Каждая точка зрения вносит свой вклад в комплексное понимание БРИКС как развивающейся коалиции, имеющей как возможности, так и проблемы в связи с расширением состава участников.

3.1. Методология исследования

В исследовании используется как количественный, так и качественный анализ для оценки потенциального влияния расширения БРИКС на экономическое сотрудничество, инвестиционные потоки, торговые тенденции, политическую сплоченность и глобальное влияние. Для отслеживания эволюции БРИКС и прогнозирования последствий расширения применяется метод лонгитюдного исследования. В исследовании рассматривается исторический рост БРИКС и предполагаемая траектория будущего путем оценки как экономических, так и политических показателей. Такой подход, основанный на смешанных методах, позволил дать всестороннюю интерпретацию влияния расширения на внутреннюю сплоченность БРИКС и ее позиционирование на мировой арене.

Процесс сбора данных включает как количественные, так и качественные методы. В количественном плане экономические показатели и данные о торговле собираются из вторичных источников, включая Всемирный банк, МВФ и торговые базы данных ООН, для оценки торговых потоков внутри БРИКС, темпов роста ВВП, прямых иностранных инвестиций (ПИИ) и экономической взаимозависимости между членами БРИКС и потенциальными новыми участниками. Для качественного анализа изучается содержание деклараций саммитов БРИКС, политических документов и официальных заявлений, чтобы оценить политическое соответствие и тематическую направленность коалиции с течением времени. Кроме того, из

различных источников СМИ собираются мнения ученых, политиков и экспертов по международным отношениям из стран БРИКС и потенциальных членов, чтобы получить нюансы политических и идеологических аспектов расширения.

3.1.1. Анализ данных

При анализе собранных данных использовались как качественные, так и количественные методы. Тематический анализ используется для качественных данных, чтобы выявить важные закономерности и инсайты из собранных мнений. Такой подход позволяет выявить повторяющиеся темы и концепции, связанные с идеологической согласованностью, политической сплоченностью и трудностями принятия решений, что способствует более глубокому пониманию последствий расширения БРИКС. Одновременно с этим количественный анализ данных рассматривает объемы торговли, инвестиционные потоки и показатели роста в рамках БРИКС, используя такие статистические методы, как анализ трендов и корреляционный анализ. Эти статистические методы позволили выявить важные тенденции и взаимосвязи, которые легли в основу выводов исследования об экономической динамике в рамках блока.

3.1.2. Ограничения

Исследование столкнулось с ограничениями, связанными с потенциальными несоответствиями в наличии данных по всем странам БРИКС и потенциальным новым членам, особенно с учетом различий в структуре экономики и управления каждой страны. Это ограничение признается, а результаты интерпретируются с осторожностью, чтобы учесть возможные изменения в будущей динамике международных отношений.

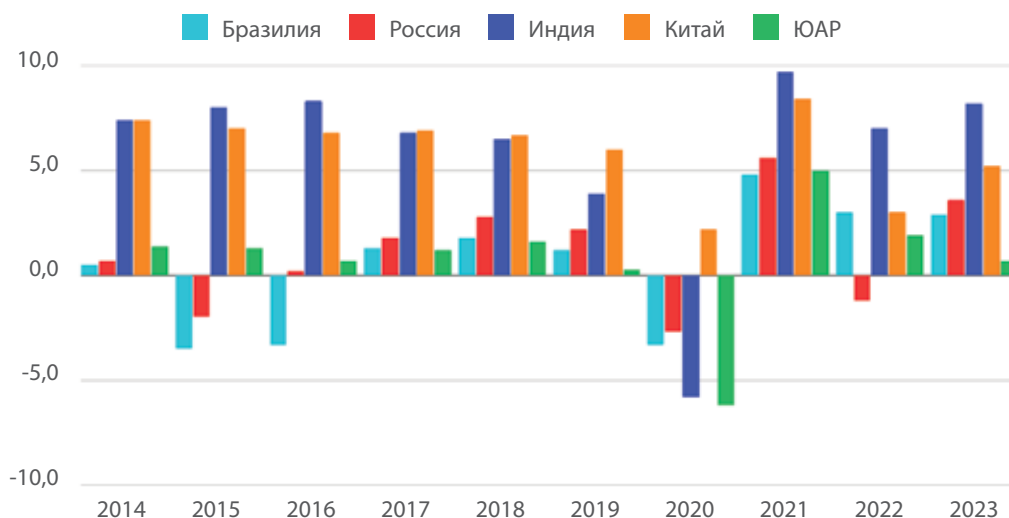
4. Экономический анализ БРИКС: количественные наблюдения

4.1. Траектория роста стран БРИКС

Траектория экономического роста БРИКС играет ключевую роль в дискуссиях об экономических и геополитических сдвигах, учитывая потенциал коалиции влиять на глобальные структуры. С момента своего образования БРИКС превратился из слабого объединения в сплоченную группу с существенным влиянием, чему способствовали высокие темпы экономического роста и развитие поддерживающих институциональных механизмов [Stuenkel 2015]. В начале экономического подъема коалиции лидировали Китай и Индия, темпы роста которых превышали 10% и 7–8% соответственно, а Бразилия и Россия извлекали выгоду из больших объемов экспорта сырьевых товаров, хотя и с большей волатильностью из-за зависимости от глобальной конъюнктуры [Norwell 2020]. Экономическое восхождение БРИКС позволило ему выступать за проведение более масштабных реформ в таких институтах, как МВФ и Всемирный банк, чтобы отразить свое растущее влияние [Robinson 2015].

Экономический рост БРИКС также характеризуется существенным разнообразием: Китай и Индия развивают технологии и услуги, в то время как Россия по-прежнему зависит от энергетики, а Бразилия от сельского хозяйства. Такое разнообразие способствует развитию глобальной торговли, но создает проблемы для согласованности политики, особенно с учетом быстрого роста Китая, превращающего его в ведущую экономику блока [Pant 2013]. Такие институциональные вехи, как Новый банк развития (НБР) и Соглашение об условных резервах, были созданы для обеспечения финансовой независимости от западных институтов, поддержки сотрудничества Юг–Юг и предоставления антикризисных фондов для членов БРИКС [Stuenkel 2015; Acharya 2017]. Однако внутренние политические разногласия и внешние кризисы, такие как пандемия COVID-19, неравномерно повлияли на членов организации: Бразилия и ЮАР столкнулись с застоем, в то время как Индия и Китай продемонстрировали высокую устойчивость [Cooper 2016; Beeson, Zeng 2018; Varela, Delgado 2019]. Расширение БРИКС может поменять траекторию его экономического развития, потенциально укрепить его глобальное положение, но создаст риск для сплоченности и сложности в принятии решений [Narlikar 2020].

Рисунок 1. Темпы роста реального ВВП (ППС) в странах БРИКС в период 2014–2024 гг. в %

Источник: [BRICS' Joint Statistics Publication 2024] и данные Всемирного банка, доступные на сайте <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG>

Страны БРИКС демонстрируют различные траектории роста ВВП в период с 2014 по 2023 г. (см. рисунок 1 на с. 63), выделяя как периоды устойчивости, так и периоды уязвимости, что позволяет выявить важные закономерности и препятствия, повлиявшие на экономический путь каждой страны-участницы. Хотя и Китай, и Индия переживали спады, связанные со структурными и внешними факторами, они, как правило, демонстрируют наиболее динамичное и наиболее последовательное

развитие. Рост экономики Китая происходил даже в ковидный период. Этот рост снизился с 7,4% в 2014 г. до 2,2% в 2020 г. Однако во время пандемии экономика Китая оказалась достаточно устойчивой по сравнению с экономиками западных стран. Китай резко восстановился благодаря жестким мерам контроля над эпидемией и активной фискальной политике. В 2023 г. Китай достиг темпов прироста ВВП на 5,2%, выполнив годовой план и подчеркнув свою роль последовательного экономического лидера в рамках БРИКС [Global Times 2023].

Индия оставалась страной с самыми высокими темпами роста экономики среди стран БРИКС — в среднем более 6% до того, как пандемия охватила весь мир. Экономические реформы, демографический дивиденд и усилия по развитию инфраструктуры способствовали экономическому росту. Пандемия COVID-19 привела к сокращению экономики на 5,8% в 2020/21 финансовом году. Тем не менее она быстро восстановилась, показав рост на 9,1% в 2021/22 г. и сохранив высокие темпы роста на уровне 7,2% в 2022/23 г. Эти показатели свидетельствуют об адаптивности ориентированной на услуги и диверсифицированной индийской экономики [PIB 2023].

В то же время в России, ЮАР и Бразилии наблюдается менее устойчивая динамика роста. Экономика Бразилии испытывала значительные колебания на протяжении всего периода с 2014 по 2023 г. При скромном росте в 2014 г. (0,5%) она столкнулась с экономическим спадом в 2015 и 2016 гг. (-3,5% и -3,3% соответственно). На снижение ВВП в основном повлияли политические потрясения, спад на сырьевых рынках и фискальные дисбалансы. Хотя с 2017 г. в стране наблюдалось мягкое восстановление, а в 2018 г. рост составил 1,8%, экономические последствия COVID-19 вызвали новый шок, что привело к сокращению экономики на 3,3% в 2020 г. Постковидное восстановление шло быстрыми темпами, поддерживая рост на уровне 4,8% (2021) и около 2,9% в 2023 г. [Carvalho et al. 2023]. Однако колеблющийся рост вызвал необходимость проведения радикальных реформ в бразильской экономике.

На траекторию роста российской экономики одинаково влияли как внешние, так и внутренние факторы. Падение экономического роста с 0,7% в 2014 до -2,0% в 2015 г. было обусловлено колебаниями мировых цен на нефть и введенными санкциями после усиления геополитической напряженности в отношениях с западными странами. Рост был замечен с 2016 (0,2%) по 2019 г. (2,2%), однако COVID-19 привел к экономическому спаду (-2,7%). Российская экономика восстановилась в 2021 г. с темпами роста 5,6%, за которым последовал новый спад — на 2,1% в 2022 г. на фоне вооруженного конфликта на Украине [World Bank 2023].

Росту ЮАР в рассматриваемый период мешали структурные экономические проблемы, такие как высокий уровень безработицы, политическая неопределенность и зависимость от экспорта сырьевых товаров. До пандемии рост ВВП составлял 1,6% в 2018 г., а в 2020 г. ВВП упал на 6,2%. Восстановление было медленным, и рост оставался ниже 2% в 2022 и 2023 гг., что свидетельствует о сохраняющихся экономических проблемах.

Эти тенденции подчеркивают главную задачу БРИКС — сохранение внутренней сплоченности на фоне различий в экономической структуре и степени внешней зависимости, а также важность стабильной политической и экономической политики для поддержания устойчивых траекторий роста [Acharya 2017]. Эти данные

подчеркивают мощь Китая и Индии по сравнению с неустойчивостью Бразилии, России и ЮАР. Они также указывают на потенциал роста в рамках БРИКС и в то же время подчеркивают проблемы, которые может принести расширение, учитывая уже существующие экономические диспропорции внутри блока

В целом расхождения показывают, насколько сложно БРИКС достичь экономического единства. Хотя Китай и Индия продолжают развиваться быстрыми темпами, экономическая нестабильность ЮАР, Бразилии и России подчеркивает, насколько сложно выработать согласованную экономическую политику в рамках альянса, учитывая различные экономические основы и внешние факторы, с которыми сталкивается каждая страна. Хотя БРИКС по-прежнему является мощным экономическим блоком, внутренние экономические диспропорции могут ограничить его способность выступать в качестве сплоченного противовеса западным экономическим союзам, если он захочет сделать это в будущем [World Bank 2023].

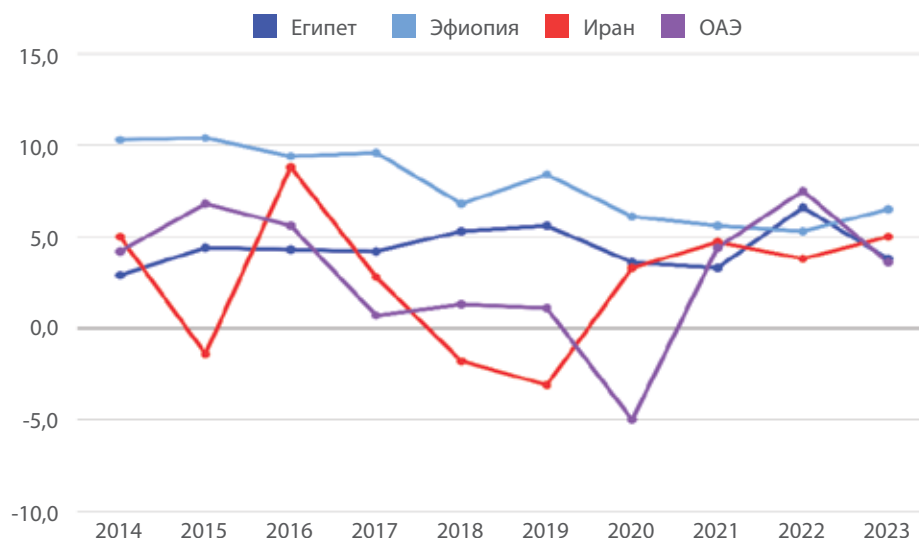
4.1.1. Новые члены — новые траектории

Включение в БРИКС новых стран — Египта, Эфиопии, Ирана и Объединенных Арабских Эмиратов — придает альянсу новое измерение. Эти новые участники представляют различные экономики — от ресурсодобывающих (Иран, ОАЭ) до аграрных и производственных (Эфиопия, Египет). Сравнительный ВВП (см. рисунок 2 на с. 66) дает четкое представление об экономических отношениях БРИКС с новыми участниками за последнее десятилетие. Траектории их роста демонстрируют существенные различия, но экономики дополняют экономики действующих членов БРИКС и снижают риски, связанные с неожиданностями в конкретных секторах.

Египет демонстрирует устойчивые темпы роста на протяжении многих лет: от 2,9% в 2014 г. до 6,6% в 2022 г. Резкое сокращение показателя было вызвано лишь пандемией COVID-19. Однако ему удалось сохранить стабильный рост, составляющий в среднем 3,5% в течение десятилетия. Такие стабильные показатели отражают устойчивость и силу страны в условиях глобальных и региональных экономических реалий. Относительно стабильный рост Египта отражает результаты его экономических реформ, направленных на создание благоприятной среды для инвестиций, в первую очередь в инфраструктуру, что сделало его одной из ведущих экономик Африки [Kornegay & Bohler-Muller 2021].

Эфиопия смогла сохранить высокие темпы экономического роста, составляющие в среднем от 7 до 10% в течение большинства лет, что позволило ей стать одной из самых быстрорастущих экономик Африки. Такие высокие темпы роста обусловлены модернизацией сельского хозяйства, значительными инвестициями в инфраструктуру и стратегическим расположением Эфиопии на Африканском роге — ключевом пункте торговли, важном для региональной стабильности. Несмотря на эти тенденции, в последние годы темпы роста Эфиопии снизились на 5,3%, что является следствием внутренних противоречий, международных потрясений и экономического давления. Несмотря на то что размер экономики Эфиопии намного меньше, чем у ее партнеров по БРИКС, тот путь роста, который переживает страна, позволил Эфиопии стать редким примером динамичного роста в Африке.

Рисунок 2. Темпы роста ВВП (ППС) в Египте, Эфиопии, Иране и ОАЭ в 2014–2023гг. в %

Источник: [BRICS Joint Statistics Publication 2024] и данные Всемирного банка, доступные на сайте: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG>.

История роста Ирана характеризуется высокой волатильностью, влияющей на темпы роста, которые варьировали с -3,1% в 2019 г. до 8,8% в 2016 г. Природные ресурсы Ирана, особенно нефть и газ, служат основой его экономики [Reuters 2024]. Однако это происходит в условиях санкций и геополитической борьбы. Интеграция Ирана в БРИКС не только повышает энергетическую безопасность альянса, но и усиливает его геополитическое влияние на Ближнем Востоке, предоставляя возможность как БРИКС, так и Ирану сдерживать гегемонию Запада в регионе.

По сравнению с другими членами БРИКС ОАЭ демонстрируют относительно рациональный и стабильный рост. Заметный пик роста пришелся на 2022 г. (7,5%), но также наблюдалось замедление темпов роста до -5% в 2020 г. во время пандемии COVID-19. Так как ОАЭ — крупный экспортер нефти, а также международный центр логистики, инноваций и финансов, их экономическая активность тесно связана с глобальными экономическими циклами и энергетическими рынками.

На пять членов-основателей БРИКС в совокупности приходится около 35% мирового ВВП — больше, чем 30% у «Группы семи». С добавлением Египта, Эфиопии, Ирана и ОАЭ на БРИКС приходится более 37% мирового ВВП, что значительно увеличивает его глобальное экономическое влияние. Вклад новых участников в мировую экономику составляет около 1,51%: ВВП Египта — 477 млрд долл., Эфиопии — 164 млрд долл., Ирана — 359 млрд долл., ОАЭ — 508 млрд долл. (по данным МВФ, 2024). Поскольку на долю БРИКС приходится почти половина населения планеты и значительная часть мировой торговли и ресурсов, это расширение не только увеличивает вклад группы в мировую ВВП, но и повышает ее демографический и геополитический вес. Кроме того, БРИКС становится важнейшим игроком в перестройке глобального экономического и политического порядка.

В сравнении экономический рост в странах-основательницах БРИКС умеренный и более устойчивый благодаря более широкой экономической базе, в то время как небольшие экономики, такие как Эфиопия, демонстрируют более быстрый, но потенциально менее устойчивый рост. Этот сценарий роста показывает, что БРИКС может обладать долгосрочным потенциалом роста, но при этом испытывает трудности с проведением согласованной политики из-за своей высокой разнородности. Напротив, такие страны, как Египет и ОАЭ, хотя и меньшие по размеру, могут выиграть от целенаправленных экономических реформ и усилий по обеспечению региональной стабильности, которые позиционируют их как потенциально важных игроков в расширенном БРИКС [Horewell 2020].

4.2. Потоки инвестиций

Инвестиции в страны БРИКС значительно выросли за последнее десятилетие, что свидетельствует о растущем влиянии альянса и увеличивающейся экономической взаимозависимости внутри него. За этот период БРИКС принял значительный объем прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в широкий спектр секторов. Благодаря экономическим реформам, широкой потребительской базе и отраслевым преимуществам каждая страна БРИКС внесла свой вклад в формирование коллективного инвестиционного ландшафта блока [UNCTAD 2023]. Изменения в инвестиционных потоках мира превратили БРИКС в глобальную экономическую силу, что также дало БРИКС возможность укрепить сотрудничество внутри объединения и снизить зависимость от Запада.

4.2.1. Рост прямых иностранных инвестиций и его движущие силы

Устойчивый рост прямых иностранных инвестиций в странах БРИКС свидетельствует об их растущей привлекательности для глобальных инвесторов. Объем прямых иностранных инвестиций вырос с 300 млрд долл. в 2013 г. до примерно 540 млрд долл. в 2023 г. [UNCTAD 2023]. Такое расширение объясняется несколькими причинами, включая огромную емкость потребительского рынка, различия в экономических системах и конкурентные преимущества в разных отраслях. Крупнейшая экономика БРИКС, Китай, получила значительные выгоды от притока ПИИ, особенно в промышленный и технологический сектора. Транснациональные компании привлекает возможность создания производственных мощностей в Китае благодаря обширному внутреннему рынку и мощному производственному потенциалу, что стимулирует промышленный рост и обеспечивает постоянный экономический прогресс Китая [World Bank 2023]. Аналогичным образом Индия испытала значительный приток ПИИ. Благодаря политическим реформам, которые привели к либерализации ключевых секторов и упростили ведение бизнеса, Индия стала основным направлением для иностранных инвесторов, особенно в сфере информационных технологий и фармацевтики, где Индия играет важную роль в глобальных цепочках поставок [UNCTAD 2023].

Бразилия и Россия также привлекают потоки прямых иностранных инвестиций. Интерес к Бразилии для инвесторов во многом определяется ее мощным сельскохозяйственным и энергетическим секторами. Бразилия стала ключевым экспортером сои, сахарного тростника и этанола, особенно в Китай и Индию, поскольку спрос на эти ресурсы растет [Valdes 2022]. Напротив, в России наблюдаются постоянные инвестиции в природные ресурсы и энергетику, которые остаются важными столпами ее экономики. Российский экспорт энергоносителей в Китай и Индию подчеркивает ее функцию поставщика энергоносителей для стран БРИКС, особенно после того, как западные санкции привели к смещению торговых потоков [EIA 2023]. Потоки ПИИ в ЮАР, хотя и меньшие по своим объемам, сосредоточены на горнодобыче, обрабатывающей промышленности и сфере услуг, а ее стратегическое положение и развитая инфраструктура служат значительным притяжением для иностранных инвесторов [AUC/OECD 2022].

4.2.2. Исходящие ПИИ и расширяющееся влияние БРИКС

Объем исходящих ПИИ из стран БРИКС вырос примерно со 150 млрд долл. в 2013 г. до 250 млрд долл. в 2023 г., что отражает стратегическую цель БРИКС по расширению своего экономического присутствия в мире [UNCTAD 2023]. Двумя основными источниками этих исходящих ПИИ являются Китай и Индия, причем китайские инвестиции тесно связаны с инициативой «Пояса и Пути». Создание инфраструктуры в Азии, Африке и Латинской Америке — главная цель китайских инвестиций в рамках данной инициативы, объем которых по всему миру превышает 300 млрд долл. Таким образом, создается сеть торговых маршрутов, которые улучшают доступ Китая к ресурсам и торговые связи [World Bank 2023]. Индия также увеличила объем внешних ПИИ, сосредоточившись на соседних странах и африканских рынках, где она вкладывает средства в технологии, фармацевтику и возобновляемые источники энергии. Растущая внешняя торговля укрепляет способность Индии поддерживать свой экономический рост и тем самым укреплять свое региональное лидерство.

4.2.3. Тенденции в области ПИИ в новых членах БРИКС

Присоединение новых членов к группировке БРИКС, безусловно, расширило инвестиционный потенциал блока — благодаря появлению дополнительных ресурсов, стратегических торговых путей и новых рынков. Эти новые рынки открывают широкие возможности в таких секторах, как энергетика, инфраструктура и финансы, что соответствует целям БРИКС по стимулированию устойчивого и самостоятельного экономического роста. В то время как Египет и Эфиопия получили значительные ПИИ в производство и инфраструктуру благодаря своему стратегическому расположению и потребностям развития, ОАЭ с их передовыми финансовыми услугами и приверженностью к возобновляемым источникам энергии могут дать блоку значительный капитал и финансовые ресурсы.

В совокупности новые члены активизируют стремление БРИКС к инвестициям в различные сектора. Они поддерживают способность группы к диверсифици-

рованному, но устойчивому росту. Объединяя ресурсы и разрабатывая благоприятную для инвестиций политику, расширенный БРИКС стремится усилить свои коллективные позиции в мировой торговле и привлечь инвестиции, укрепляющие региональные связи [World Bank 2023]. Каждая из этих стран обладает уникальными преимуществами, что способствует общей привлекательности блока для ПИИ в энергетику, производство, инфраструктуру.

Иран

Несмотря на то что международные санкции сдерживают приток ПИИ в Иран, в 2022 г. страна привлекла около 1,5 млрд долл., продемонстрировав рост 5% по сравнению с предыдущими годами [Tehran Times 2023]. Природные богатства Ирана, в частности нефть, газ и другие минеральные ресурсы, обеспечивают значительный потенциал для ПИИ в случае ослабления санкций. На Ближнем Востоке Иран занимает четвертое место по приему иностранных инвестиций, уступая лишь Саудовской Аравии, Оману и Бахрейну. Еще одним аргументом в пользу Ирана является его стратегическое географическое положение. Иран обеспечивает доступ к ближневосточным и азиатским рынкам, что привлекает иностранных инвесторов.

Египет

Приток ПИИ в Египет неуклонно растет, и в 2022 г. страна получила около 9 млрд долл. США, что на 5% больше, чем в предыдущем году [UNCTAD 2023]. Стратегическое положение Египта и процесс реформирования экономики страны способствуют привлечению иностранных инвесторов, особенно в энергетику, инфраструктуру и обрабатывающую промышленность. Экономическая зона Суэцкого канала привлекает значительные инвестиции, поскольку остается важнейшим центром глобальной торговли и логистики [World Bank 2023].

Эфиопия

Быстрая индустриализация Эфиопии и большой потребительский рынок привели к значительному росту ПИИ, которые в 2022/23 финансовом году достигли 3,6 млрд долл. США [Ethiopian Herald 2023]. Инвестиции направлялись в основном в обрабатывающую промышленность (текстиль и одежда), сельское хозяйство и инфраструктуру. Развитие индустриальных парков, быстрая индустриализация и крупный потребительский рынок оживили этот рост, сделав Эфиопию все более привлекательным направлением для иностранных инвесторов.

Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ)

Будучи региональным инвестиционным центром, ОАЭ продолжают оставаться одним из ведущих направлений ПИИ на Ближнем Востоке: в 2022 г. приток ПИИ достиг 20,7 млрд долл. [World Bank 2023]. Стратегическое расположение ОАЭ, развитая инфраструктура и благоприятная для бизнеса политика привлекают ПИИ в недвижимость, туризм, финансы и технологии. Проактивная политика, стабильная экономика и благоприятная среда делают страну привлекательной для инвестиций.

4.2.4. Влияние расширения БРИКС на тенденции ПИИ

Расширение блока может повлиять на тенденции ПИИ по-разному. Во-первых, присоединение новых государств усиливает региональную и отраслевую диверсификацию БРИКС. Новые страны обладают значительными ресурсами и доступом к стратегическим торговым маршрутам. Например, ОАЭ поставляют в группу нефть и природный газ, а Египет контролирует Суэцкий канал, что обеспечивает альянсу важное стратегическое преимущество. Такое географическое и отраслевое расширение, вероятно, привлечет потоки ПИИ в такие сектора, как энергетика, логистика и инфраструктура, которые имеют решающее значение для укрепления торговых связей на Ближнем Востоке, в Африке и Азии [World Bank 2023]. Общая привлекательность блока повышается благодаря такой диверсификации, которая привлекает глобальных инвесторов, стремящихся снизить риски, связанные с инвестициями в один сектор или один регион.

Во-вторых, поскольку некоторые из крупнейших экспортеров энергоресурсов в мире теперь входят в расширенную группу БРИКС, инвестиции в инфраструктуру и энергетику усиливаются. Это повышает шансы на увеличение притока прямых иностранных инвестиций в энергетический сектор, особенно в таких странах, как Китай и Индия. Таким образом, эти страны смогут обеспечить себе более стабильный и прямой доступ к жизненно важным ресурсам. Возобновляемые источники энергии и устойчивая инфраструктура — другие области, в которых поток ПИИ, вероятно, будет расти, поскольку ОАЭ сместили акцент в своих инвестициях в сторону «зеленой» энергетики, что соответствует мировым тенденциям. Банки развития БРИКС и инициативы по улучшению внутриблокового сообщения будут способствовать инвестициям в инфраструктуру, особенно в Эфиопии и Египте, и стимулировать ПИИ в крупные инфраструктурные проекты [UNCTAD 2023].

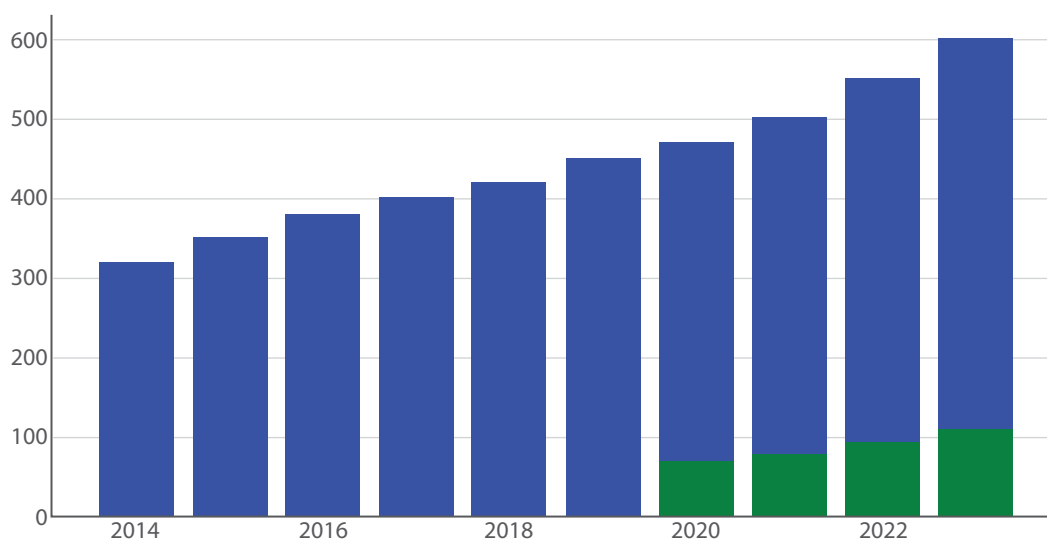
В-третьих, включение ОАЭ позволит направить потенциальные ПИИ по незападным каналам, что снизит зависимость БРИКС от западной финансовой системы, поскольку ОАЭ являются одним из крупнейших посредников в торговле через недолларовые валюты. Это увеличит способность группы осуществлять торговлю и инвестиции в местных валютах и тем самым снизит зависимость от доллара США. Инвесторы, желающие избежать волатильности валют, связанных с долларом США, могут счесть БРИКС привлекательным объектом для инвестиций, что будет способствовать увеличению потоков ПИИ внутри блока и в проекты, связанные с БРИКС, по всему миру [Tehran Times 2023]. Такая диверсификация валют может стабилизировать тенденции ПИИ и создать новые возможности для капитала на развивающихся рынках.

Одним словом, расширение БРИКС способно не только изменить тенденции ПИИ за счет увеличения отраслевого разнообразия, стимулирования инвестиций в энергетику и инфраструктуру, но и предложить альтернативу финансовым системам, в которых доминируют западные страны. Такая трансформация повышает привлекательность БРИКС для глобальных инвесторов, а также способствует достижению цели коалиции — стать самодостаточным, дифференцированным союзом, способным изменить направления глобальных инвестиционных потоков.

4.3. Либерализация торговли

Торговля играет ключевую роль в развитии БРИКС. Торговля между странами БРИКС демонстрирует постоянный рост, отражая растущую экономическую взаимозависимость и совместные усилия группы в области стимулирования торговли. Приведенный ниже график (см. рисунок 3 на с. 71) показывает, что вклад стран, ставших в 2024 г. новыми членами БРИКС, в объем торговли расширенного БРИКС, в последние годы рос. Такое постоянное развитие можно объяснить укреплением экономических связей, развитием торговой инфраструктуры и политикой, направленной на снижение торговых барьеров в рамках БРИКС. Зависимость от доллара США снизилась, а торговые потоки стали более беспрепятственными благодаря усилиям по проведению расчетов в национальных валютах внутри БРИКС. О растущем значении блока в международных торговых сетях свидетельствует увеличение объемов торговли.

Рисунок 3. Объем торговли между странами БРИКС (синий цвет) и вклад новых членов (зеленый цвет, данные с 2020 г.) в период 2014–2023 гг., млрд долл. США

Источник: [BRICS Joint Statistics Publication 2024] и данные Всемирного банка, доступные на сайте: <https://data.worldbank.org/country/>.

Постоянному росту объемов торговли БРИКС способствовало несколько факторов, которые объясняются взаимодополняющим характером экономик стран объединения. Каждая страна — член БРИКС специализируется на секторах, которые удовлетворяют основные потребности всего блока. Китай, являясь второй по величине экономикой мира, активно сотрудничает со своими партнерами по БРИКС, поставляя электронику, машины и текстиль, а также импортируя

энергоносители, минеральные ресурсы и сельскохозяйственные товары из Бразилии, России и ЮАР. Объем торговли Китая с Бразилией к 2022 г. достиг 140 млрд долл., в основном за счет импорта соевых бобов и железной руды для обеспечения промышленных нужд [World Bank 2023; IMF 2023]. Бразилия в основном экспортирует в Китай сельскохозяйственные товары, такие как соя и сахарный тростник. В 2022 г. объем ее сельскохозяйственного экспорта в Китай превысил 50 млрд долл. Кроме того, энергетические ресурсы Бразилии, такие как этанол и нефть, способствуют стабильности торговли внутри блока, в частности за счет экспорта в Индию, что еще больше укрепляет экономическую устойчивость БРИКС [Valdes 2022].

За счет своих преимуществ в области цифровых технологий, фармацевтики и ИТ-услуг Индия усиливает свое влияние в БРИКС. Благодаря экспорту фармацевтической продукции на сумму 25 млрд долл. в 2022 г. Индия позиционируется как крупный поставщик медицинских услуг в страны БРИКС и за их пределы. В то же время огромные энергетические запасы России подчеркивают ее значение как основного поставщика энергоресурсов, о чем свидетельствуют поставки нефти в Китай на сумму 40 млрд долл. только в 2023 г. Экспортируя жизненно важные минералы, такие как золото и платина, ЮАР дополняет эту синергию и обеспечивает Китай и Индию жизненно важными ресурсами для промышленного производства. К 2023 г. объем экспорта ЮАР только в Китай оценивался примерно в 20 млрд долл., что еще раз подчеркивает стратегическую взаимодополняемость экономик стран БРИКС в поддержке экономического роста и снижении зависимости от западных рынков [EIA 2023].

Включение Ирана, Египта, Эфиопии и ОАЭ в группу БРИКС еще больше ускорило рост объемов торговли. Расширение добавляет стратегическую ценность экономическому влиянию группы. Если вернуться к данным за 2020 г., то за этот год новые члены внесли в объем торговли БРИКС около 70 млрд долл. США. Рост торговли Ирана с БРИКС, особенно с Индией и Китаем, обусловлен во многом нефтяными ресурсами Ирана. В 2022/23 финансовом году объем торговли Ирана с БРИКС составил около 38,43 млрд долл., при этом Китай был крупнейшим торговым партнером — 30,32 млрд долл., за ним следовала Индия — 4,99 млрд долл. [Gulf Today 2023].

Что касается ОАЭ, то они в значительной степени зарекомендовали себя как глобальный логистический хаб, направляющий потоки товаров внутри и за пределы стран — членов БРИКС, что способствует расширению каналов глобальной торговли. В 2024 г. объем ненефтяной торговли ОАЭ достиг рекордных трех триллионов дирхамов (817 млрд долл.), что на 14,6% больше, чем в предыдущем году [Reuters 2025]. ОАЭ увеличивают инвестиции в торговую инфраструктуру, тем самым укрепляя свое экономическое партнерство со странами БРИКС.

Коллективный вклад новых членов в торговлю в период с 2020 по 2023 г. составляет около 355 млрд долл. США. Это значительное увеличение общего объема торговли БРИКС: новые члены подчеркивают экономическую ценность и геополитическое влияние объединения. Эта интеграция соответствует более широким целям БРИКС, направленным на повышение торговой устойчивости, диверсифи-

кацию экономической базы и создание новой сети торговых потоков, которая может служить альтернативой торговым системам с доминированием Запада [BRICS Joint Statistical Publication 2023]. Расширение БРИКС также имеет стратегическое значение и для самих новых членов. Ниже подробно рассматриваются ключевые факторы торговли для каждого нового члена.

Иран

Являясь одним из крупнейших производителей природного газа и нефти в мире, Иран становится важнейшим энергетическим партнером для стран БРИКС (особенно для Китая), чей ежегодный экспорт сырой нефти составляет более 14 млрд долл. США. Несмотря на западные санкции, Иран поддерживает активные торговые потоки со странами БРИКС, обходя эти ограничения с помощью недолларовых операций, укрепляя экономические связи и торговую стабильность [EIA 2022]. Стратегическое положение Ирана также повышает его ценность, поскольку ожидается, что члены БРИКС, такие как Индия, увеличат импорт энергоносителей из Ирана, чтобы снизить зависимость от контролируемых Западом источников нефти. Это объединяется с более масштабными целями БРИКС, заключающимися в укреплении экономической независимости внутри блока.

Египет

Контроль Египта над Суэцким каналом, через который проходит около 12% мировой торговли, дает БРИКС ключевое логистическое преимущество, сокращая время транзита между Азией, Африкой и Европой [UNCTAD 2022]. Стратегические преимущества Египта соответствуют концепции БРИКС, направленной на повышение доступности рынков. Страны-участницы могут отказаться от более длинных маршрутов и оптимизировать расходы на доставку. Это способствует более плавным торговым потокам между континентами. Кроме того, большая потребительская база Египта, насчитывающая более 104 млн человек и ВВП в размере около 400 млрд долл. США, открывает странам БРИКС доступ к растущему рынку и соответствует цели БРИКС по поддержке устойчивой индустриализации и регионального развития [World Bank 2023].

Эфиопия

Эфиопия, являющаяся воротами в Восточную Африку, предлагает странам БРИКС доступ к быстро индустриализирующейся экономике и важнейшему потребительскому рынку с населением около 125 млн человек. Страны БРИКС, привлекаемые стабильным экономическим ростом темпами в среднем 8–10% в год до 2020 г., стремятся инвестировать в Эфиопию, особенно в такие отрасли, как энергетика, горнодобывающая промышленность, сельское хозяйство и производство [Mekonnen 2024], что открывает для БРИКС путь в Африку. Укрепление торговых отношений со странами БРИКС открывает Эфиопии доступ к более крупным рынкам для экспорта, что позволяет увеличить объемы торговли и потенциальный экономический рост [Mekonnen 2024].

ОАЭ

Диверсифицированная экономика ОАЭ, оцениваемая более чем в 500 млрд долл. США, обеспечивает значительную силу для БРИКС, объединяя богатство энергетическими ресурсами с сильными секторами финансов, логистики и реэкспорта, благодаря своему стратегическому положению в качестве моста между Азией, Африкой и Ближним Востоком. Будучи одним из важнейших финансовых и логистических хабов, ОАЭ укрепляют торговый и инвестиционный потенциал БРИКС. Порт Джабаль-Али, один из самых загруженных портов мира, упрощает торговлю внутри БРИКС, предоставляя эффективные каналы реэкспорта, тем самым расширяя логистическую сеть БРИКС и способствуя повышению эффективности торговли между странами-членами [World Bank 2023].

Используя энергетические и ресурсные богатства Ирана и ОАЭ, а также стратегические торговые пути Египта и стремительную индустриализацию Эфиопии, БРИКС может усилить свое коллективное экономическое влияние и снизить зависимость от торговых сетей, в которых доминирует Запад. Такое расширение позиционирует БРИКС как важный глобальный экономический блок, способный содействовать формированию более многополярной структуры мировой торговли.

4.4. Политическая сплоченность и мотивы расширения БРИКС

Новые мотивы, рост культурного и идеологического разнообразия, а также стратегические последствия делают расширение поворотным моментом для БРИКС. Расширение БРИКС способствует росту настроений на Глобальном Юге в пользу создания платформы, которая уравнивает доминирование Запада в глобальных институтах. Это дает БРИКС возможность продвигать интересы Глобального Юга на международном уровне. Как заявил министр иностранных дел России Сергей Лавров (2024), привлечение широкого круга развивающихся стран к сотрудничеству с БРИКС «будет способствовать дальнейшей консолидации усилий мирового большинства по решению общих проблем в общих интересах» [Spanger 2024]. Это расширение, как считает министр иностранных дел Бразилии Мауро Виейра (2023), «подчеркивает стремление блока служить противовесом структурам, в которых доминирует Запад [EFE 2023].

Расширение, однако, сопровождается усилением идеологического разнообразия внутри БРИКС: новые страны имеют различные политические системы, от демократий до более централизованных режимов. Президент Франции Макрон утверждает, что такое идеологическое разнообразие может осложнить достижение консенсуса между членами БРИКС, поскольку разница в политических моделях может сопровождаться противоречиями во взглядах на такие вопросы, как права человека, управление и экономическая политика [Curtis 2024]. Такие ученые, как Нарликар [Narlikar 2020], предупреждают, что эти внутренние разногласия могут помешать способности БРИКС функционировать как единый блок, что потенциально может привести к застою в политике, если консенсус по ключевым вопросам окажется недостижимым. Эта проблема потребует от БРИКС разработки надежных

рамков для уравнивания этих идеологических разногласий и обеспечения того, чтобы решения группы отражали коллективные интересы всех ее членов.

Расширение БРИКС за счет включения важнейших стран Ближнего Востока и Африки — это стратегический шаг, который может бросить вызов традиционному доминированию западных альянсов и потенциально изменить динамику мирового порядка [The Wire 2023]. Неудивительно, что расширение БРИКС вызывает опасения у западных лидеров. Например, по мнению президента Франции Макрона, «расширение блока БРИКС, состоящего из крупнейших развивающихся экономик мира, также создает риск “фрагментации мира”», как он заявил во время конференции послов на 15-м саммите БРИКС [Sputnik News 2023].

Однако геополитические аналитики предупреждают, что стратегическое соперничество между членами БРИКС, особенно между Китаем и Индией, может осложнить усилия по выработке единой геополитической позиции [Stuenkel 2023]. Одной из самых острых проблем для расширенного БРИКС является сплоченность. По мере усиления силового противостояния между Индией и Китаем малые государства могут столкнуться с давлением, вынуждающим их присоединиться к одной из них, что может привести к маргинализации их интересов и обострению внутренней напряженности внутри группы [Paul 2018]. Если такая асимметрия сохранится, это может привести к дисбалансу в принятии решений, когда малые государства будут чувствовать себя в стороне от обсуждений и принятия решений в группе. Чтобы справиться с этой проблемой, БРИКС необходимо создать систему управления, которая обеспечит справедливое представительство и будет учитывать интересы каждой страны-члена группы. Такие механизмы необходимы для поддержания единства альянса и предотвращения раскола, который может ослабить его эффективность на мировой арене. Глобальное регулирование — еще одна область, в которой расширение БРИКС ставит новые вопросы, поскольку оно сигнализирует о сдвиге в сторону многополярного миропорядка, где развивающиеся экономики имеют большее влияние. Создание Нового банка развития (НБР) показывает потенциал БРИКС по изменению институтов, в которых доминируют западные страны. НБР отвечает интересам и потребностям стран Глобального Юга. Расширение БРИКС может усилить влияние развивающихся рынков на формирование глобальной политики в области торговли, климата и развития, что в конечном итоге приведет к созданию более инклюзивной международной системы [Seiwert 2024]. Тем не менее альянс должен тщательно ориентироваться в своем идеологическом и экономическом разнообразии, чтобы оставаться сплоченной и конструктивной силой.

5. Результаты и дискуссия

Расширение БРИКС вводит альянс в новую фазу роста и сложности. Оно открывает перед группой как многообещающие возможности, так и грозные вызовы. В данном исследовании изучаются мотивы, побуждающие БРИКС к расширению, влияние идеологического разнообразия, геополитические последствия расширения БРИКС, проблемы, стоящие на пути достижения единства внутри блока, и потенциальное влияние на структуры глобального регулирования. Эти выводы

подчеркивают потенциал расширенного БРИКС в формировании многополярного мирового порядка, а также указывают на внутреннюю и внешнюю динамику, которая может осложнить достижение этой цели.

5.1. Мотивы экономической и стратегической экспансии

Расширение БРИКС, особенно за счет включения в него стран Ближнего Востока, отражает целенаправленный переход к более многополярному мировому порядку. Это расширение не просто уход от влияния Запада, а стратегическая диверсификация экономических, дипломатических и силовых партнерств [Janardhan, Naqqani 2024]. С добавлением новых членов в клуб БРИКС увеличивается коллективное экономическое богатство объединения. Объединив крупных экспортеров энергоресурсов, БРИКС создал новые стратегические возможности в мировой политике. Благодаря таким стратегическим активам, как Суэцкий канал, и расширению экономического разнообразия за счет финансовых ноу-хау ОАЭ, растущего производственного сектора Эфиопии и энергетических ресурсов Ирана, присоединение новых стран укрепляет ресурсную и торговую инфраструктуру БРИКС. Расширение членства удовлетворяет потребность в экономическом сотрудничестве между странами Глобального Юга. Оно снижает зависимость этих стран от западных рынков и бросает вызов устоявшимся глобальным экономическим структурам. Страны БРИКС строят партнерские отношения на основе равенства, открытости, сотрудничества и взаимной выгоды. Это соответствует тенденции к усилению демократии в международных отношениях и отвечает основным интересам Глобального Юга [China Daily 2024]. Добавив новых членов из Африки, Ближнего Востока и Азии, БРИКС укрепил свои позиции, чтобы усилить голоса стран с развивающейся экономикой, которые традиционно были маргинализированы в институтах, где доминировали западные страны.

5.2. Изменения в тенденциях ПИИ

Расширение БРИКС за счет новых членов превратило объединение в еще более привлекательное направление для глобальных инвестиций. Потоки ПИИ в страны БРИКС не только отражают растущее доверие международных инвесторов, но и увеличились с 300 млрд долл. в 2013 г. до 540 млрд долл. в 2023 г. Такое развитие событий является результатом расширения разнообразия стран БРИКС с точки зрения наличия ресурсов, отраслевых и географических преимуществ [UNCTAD 2023]. Китай и Индия продолжают оставаться основными получателями и инициаторами ПИИ, а китайская инициатива «Пояса и Пути» способствует усилению глобального влияния БРИКС на развивающихся рынках. Поскольку ОАЭ являются крупным мировым финансовым центром с развитой логистической сетью, недавнее их присоединение добавляет новые преимущества с точки зрения источников финансирования [World Bank 2023].

Все это стимулирует рост притока ПИИ в такие сектора, как развитие инфраструктуры, проекты «зеленой» энергетики и региональное развитие. Более того,

входящие в БРИКС ПИИ все чаще направляются в проекты по устойчивому развитию, что соответствует целям ОАЭ по трансформации инвестиционных стратегий в сторону инвестиций в возобновляемые источники энергии и устойчивую инфраструктуру. Этот сдвиг не только укрепляет сотрудничество внутри БРИКС в критически важных областях роста, но и позиционирует БРИКС как жизнеспособную альтернативу инвестиционному ландшафту под руководством Запада [EIA 2023].

5.3. Либерализация торговли

Расширенный БРИКС предвещает значительное увеличение объема торговли и возможностей для либерализации, усиливает экономическую взаимозависимость и дает блоку возможность создать отдельную сеть торговых потоков. Объем торговли БРИКС вырос примерно с 320 млрд долл. в 2014 г. до 600 млрд долл. к 2023 г., чему в значительной степени способствовали меры по снижению зависимости от доллара США и поощрению международных расчетов в национальных валютах [BRICS Joint Statistical Publication 2023]. Такой стремительный рост свидетельствует не только об усилении экономической интеграции внутри БРИКС, но и о стратегических императивах присоединения к блоку новых членов, поскольку каждый из них вносит свой особый вклад. Иран и ОАЭ, являясь крупными экспортерами нефти, вносят вклад в энергетическую безопасность БРИКС и облегчают торговлю с такими странами, как Китай и Индия, которые испытывают большие потребности в энергоносителях для подпитки своих промышленных секторов. Кроме того, контроль Египта над Суэцким каналом способствует повышению эффективности торговых маршрутов и снижению транспортных расходов, а также делает Египет важнейшим звеном между странами БРИКС и международными рынками. Либерализация торговли поддерживает устойчивую экономическую взаимозависимость между странами БРИКС, которые стремятся к свободе от традиционных систем, управляемых Западом. Эта задача крайне важна в условиях растущей геополитической напряженности и колебаний курсов валют, влияющих на мировые рынки. Развивая торговлю в национальных валютах и концентрируясь на важнейших ресурсах и отраслях, БРИКС строит более самодостаточный экономический блок.

5.4. Вызовы для сплоченности

Включение стран с различными политическими системами — от централизованных, управляемых государством экономик до демократических и рыночных систем — привело к значительному идеологическому разнообразию в БРИКС. Ученые утверждают, что, если члены группы не смогут прийти к консенсусу по спорным вопросам, блок может столкнуться с параличом политики, что может помешать росту и влиянию БРИКС. Например, Джим О'Нил, который в свое время придумал термин «БРИК», критикует группу за отсутствие сплоченности в альянсе. По его словам, соперничество между Китаем и Индией мешает эффективности группы. Без сотрудничества между ними БРИКС не сможет функционировать как единое

целое, способное бросить вызов существующим глобальным структурам (упоминается в [Faulconbridge 2024]).

Идеологическое разнообразие между членами, вероятно, будет препятствовать достижению консенсуса по таким вопросам, как права человека, политические вопросы и экономическая политика. В результате БРИКС будет сложно занять коллективную позицию в отношении многих глобальных вопросов. Например, в то время как одни страны-члены могут отдавать предпочтение экономической либерализации, другие могут делать упор на государственный контроль над ключевыми отраслями. Чтобы управлять этим разнообразием, БРИКС, возможно, придется разработать адаптивную структуру управления, которая позволит варьировать степень согласованности политики, учитывая при этом уникальные политические и экономические убеждения каждого члена. Это может означать разработку руководящих принципов принятия решений, в которых приоритет отдается консенсусу, но при этом допускается возможность отказа от участия в процессе в случае возникновения серьезных споров. Такая гибкость позволит БРИКС реализовывать инициативы, отвечающие коллективным интересам его членов, без препятствий в виде идеологических разногласий.

5.5. Геополитические последствия: расширение стратегического влияния

Присоединение новых членов, обладающих стратегическим географическим положением и ресурсным богатством, расширяет сферу влияния БРИКС в мире. Новые геополитические позиции позволяют БРИКС оказывать большее влияние на глобальные торговые пути и энергетические рынки. Однако БРИКС не напрямую хочет бросать вызов существующей системе управления, а желает реформировать существующие институты, чтобы сделать мировой порядок более справедливым, равноправным и демократичным [Ларионова 2018]. БРИКС действует на основе сотрудничества, стремясь сделать международную финансовую архитектуру и глобальное регулирование более представительными и отвечающими потребностям развивающихся экономик и рынков [Larionova, Shelepov 2022].

Но поскольку расширенный БРИКС предоставляет больше стратегических рычагов, он также создает сложности, связанные с региональным соперничеством. Такие ученые, как Stuenkel (2023), полагают, что геополитическая напряженность между крупными экономиками БРИКС, такими как Индия и Китай, может мешать сплоченности блока. Например, обеспокоенность Индии по поводу китайской инициативы «Пояса и Пути» и ее распространения на спорную территорию Кашмира уже привела к возникновению разногласий внутри блока. Индия рассматривает Китайско-пакистанский экономический коридор как посягательство на свой суверенитет и территориальную целостность и протестует против проекта. Она не участвовала в заседаниях форума «Пояс и Путь» в 2017, 2019 и 2023 гг. Это приводит к трениям внутри БРИКС. В то время как Индия продолжает выступать против «Пояса и Пути», Россия и ЮАР сохраняют нейтралитет, а Бразилия проявляет меньший интерес к проекту. На встречах БРИКС в Сямэне (2017) и Йоханнесбурге (2023) Индия

продолжала высказывать опасения, связанные с нарушением ее суверенитета. Индия также противодействовала «Поясу и Пути», создавая альтернативные проекты, такие как Экономический коридор Индия — Ближний Восток — Европа (ИМЕС) [Sharma 2019]. Чтобы смягчить эти противоречия, БРИКС, возможно, потребуется принять прагматичный подход, который сделает акцент на экономическом сотрудничестве, а не на политическом, сосредоточившись на общих целях в таких областях, как инфраструктура, торговля и устойчивое развитие. В конце концов, очевидно, что траектория развития группы будет зависеть от эффективного управления такими противоречиями, параллельно продвигая коллективное сотрудничество.

5.6. Последствия для глобального регулирования: на пути к многополярному миру

Расширение БРИКС имеет решающее значение для глобального регулирования, поскольку оно стремится предложить альтернативу МВФ и Всемирному банку. Создавая новые финансовые структуры, такие как Новый банк развития и Соглашение об условных резервах, поддерживая торговые расчеты в обход доллара США, БРИКС может снизить свою зависимость от западных финансовых систем, создав более устойчивый и самодостаточный экономический блок [IMF 2023]. Этот сдвиг в сторону многополярного мира соответствует интересам многих развивающихся стран, которые рассматривают БРИКС как платформу для оспаривания гегемонии Запада в международных институтах [Seiwert 2024]. Однако для достижения этой цели БРИКС должен преодолеть свои внутренние проблемы и выступить единым фронтом. Влияние блока на глобальное регулирование будет зависеть от того, насколько слаженно он будет действовать по таким общим для всего мира вопросам, как изменение климата, регулирование торговли и финансовая реформа. Если БРИКС удастся успешно справиться с идеологическим разнообразием и региональным соперничеством, у него появится потенциал для изменения глобального порядка путем продвижения политики, в которой приоритет отдается потребностям Глобального Юга.

6. Заключение и рекомендации

Расширившийся БРИКС теперь обладает повышенной экономической мощностью, объединяя жизненно важные ресурсы, стратегические торговые пути и финансовые центры, что соответствует цели блока по созданию более многополярного мирового порядка. Расширение БРИКС — это ответ на мнение, что западный международный порядок не в состоянии удовлетворить интересы стран с развивающейся экономикой. Включая новых членов, БРИКС стремится создать более инклюзивную структуру глобального регулирования, которая отражала бы экономический вес и перспективы развивающихся стран. Создав платформу, представляющую Глобальный Юг, БРИКС сможет лучше отстаивать инклюзивную и справедливую экономическую политику, в конечном итоге работая над созданием глобального порядка, в котором приоритет отдается потребностям развития недопредставленных стран.

Однако объединение стран с различными политическими идеологиями и экономическими приоритетами создает сложную динамику, которая потенциально может препятствовать сплочению БРИКС. Страны-члены с различиями в политических системах — от демократий до централизованных, управляемых государством экономик — станут определяющим вызовом для коллективной позиции БРИКС. Чтобы решить эту проблему, БРИКС необходимо разработать гибкую модель управления, учитывающую различные политические подходы и позволяющую принимать решения на основе консенсуса, уважая при этом уникальные политические системы каждого члена [Alden and le Pere 2023]. Создавая структуру, которая делает упор на достижение консенсуса в областях фундаментальных разногласий, БРИКС может смягчить паралич политики и сохранить единство. Кроме того, решение проблемы асимметрии власти между Китаем и Индией и недавно добавленными небольшими членами, такими как Эфиопия и Египет, имеет большое значение для укрепления чувства общей ответственности. Внедрение ротации руководящих ролей, как в случае с годовичным председательством в БРИКС, отраслевых комитетов, возглавляемых странами поменьше, и совместных процессов принятия решений может помочь сбалансировать различные интересы. Таким образом, можно избежать доминирования какого-либо одного члена в блоке и обеспечить, чтобы все голоса были услышаны и представлены.

Экономическое влияние расширенного БРИКС заметно по изменениям в структуре ПИИ и объемах торговли. Чтобы сохранить и продолжить далее этот рост, странам БРИКС необходимо проводить политику, поддерживающую устойчивые инвестиции и региональные связи. Содействие торговле в национальных валютах, как это уже наблюдается при увеличении числа сделок внутри БРИКС в обход доллара США, может снизить валютные риски и укрепить экономическую независимость.

С точки зрения геополитики расширенный БРИКС может стать мощной силой, способной конкурировать с влиянием Запада в области глобального регулирования, торговли и энергетики. Отдавая предпочтение экономическому сотрудничеству перед политическим и концентрируясь на общих целях в области инфраструктуры, торговли и устойчивого развития, БРИКС может укрепить единство [Stuenkel 2023]. Прагматичный подход путем создания каналов диалога, способствующих сотрудничеству и разрешению конфликтов между членами, может содействовать развитию политической сплоченности между ними. Кроме того, поддержание стратегических партнерских отношений со странами, не входящими в организацию, и региональными организациями будет способствовать расширению глобального влияния БРИКС и укреплению его приверженности многополярному миру.

Расширение БРИКС позволяет ему продвигать новый подход к глобальному регулированию, который противостоит существующей структуре, в которой доминирует Запад. Развивая альтернативные финансовые системы и механизмы управления, БРИКС может поддержать экономическую независимость развивающихся стран и снизить зависимость от традиционных западных институтов. Чтобы закрепить эти изменения, БРИКС должен способствовать развитию Нового банка развития и других финансовых инструментов, в которых приоритет отда-

ется потребностям Глобального Юга. Таким образом, блок сможет утвердиться в качестве легитимной альтернативы таким институтам, как МВФ и Всемирный банк, предоставив развивающимся экономикам возможность добиваться целей развития в соответствии с их уникальными потребностями и устремлениями [Sugihartono 2024].

Наконец, расширение БРИКС обладает огромным потенциалом для продвижения многополярного мира, стимулирования экономической устойчивости и отстаивания интересов Глобального Юга. Однако для достижения этих целей необходимо преодолеть внутренние трудности, связанные с идеологическим разнообразием, асимметрией власти и геополитическим соперничеством. Приняв гибкую, инклюзивную модель управления и сосредоточившись на общих экономических целях, БРИКС сможет справиться с этими сложностями и повысить свою роль в глобальном регулировании. Благодаря стратегическим усилиям и партнерству БРИКС может перестроить международную систему, способствуя формированию более инклюзивного и сбалансированного глобального порядка, в котором приоритет отдается интересам стран с формирующейся экономикой и развивающихся государств.

Библиография

- Ларионова М.В. «Группа двадцати», БРИКС и АТЭС в системе международных институтов. Хорошие новости для глобального управления // Вестник международных организаций. 2018. Т. 13. №1. С. 7–33. Режим доступа: <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2018-01-01>
- Acharya A. After Liberal Hegemony: The Advent of a Multiplex World Order // Ethics & International Affairs. 2017. Vol. 31. No 3. P. 271–285. Режим доступа: <https://doi.org/10.1017/S089267941700020X>
- Alden C., le Pere G. Southern multilateralism from IBSA to NDB: Synergies, continuities and regional options // Global Policy. 2023. Vol. 15. P. 389–397. Режим доступа: <https://doi.org/10.1111/1758-5899.13246>
- Andronova, I., Shelepov A. Potential for Strengthening the NDB's and AIIB's Role in the Global Financial System // International Organizations Research Journal. 2019. Vol. 14. No 1. P. 39–54. Режим доступа: <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2019-01-03>
- AUC/OECD. Africa's Development Dynamics 2022: Regional Value Chains for a Sustainable Recovery. AUC, Addis Ababa/ OECD Publishing, Paris, 2022. Режим доступа: <https://doi.org/10.1787/2e3b97fd-en>
- Beeson M., Zeng J. The BRICS and global governance: China's contradictory role // Third World Quarterly. 2018. Vol. 39. No 10. P. 1962–1978. Режим доступа: <https://doi.org/10.1080/01436597.2018.1438186>
- BRICS Joint Statistical Publication. BRICS: Annual Economic Trends. Shanghai: BRICS Secretariat, 2023.
- Carvalho C.E., Massaroli de Melo T., Daldegan W. Post-Covid Brazil and the new government: Economy and foreign policy // COVID-19: Its Impact on BRICS Economies / Iqbal B.A. (ed.) // BRICS Journal of Economics. Vol. 4. No 1. P. 97–116. Режим доступа: <https://doi.org/10.3897/brics-econ.4.e99448>
- China Daily. Why is BRICS so popular among Global South countries? 2024. Nov. 6. Режим доступа: https://www.idcpc.org.cn/english2023/opinion/202411/t20241108_165925.html
- Cooper A. F. The BRICS: A Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2016. Режим доступа: <https://doi.org/10.1093/actrade/9780198723394.001.0001>

Curtis J. The BRICS group: Overview and recent expansion. Research Briefing. 2024. Nov. 11. Режим доступа: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-10136/CBP-10136.pdf> (дата обращения 18 февраля 2025).

EFE. BRICS advocate multipolar order. 2023. June 1. Режим доступа: <https://efe.com/en/latest-news/2023-06-01/brics-advocate-multipolar-order/> (дата обращения 18 февраля 2025).

EIA. Energy Outlook: Global Trends. Washington, D.C.: U.S. Energy Information Administration, 2023.

Ethiopian Herald. Ethiopia's FDI inflow grows by 3.64% in 2022/23 fiscal year // Press.et. 2023. Sep. 8. Режим доступа: https://press.et/herald/?p=80748&utm_source=chatgpt.com (дата обращения 18 февраля 2025).

Faulconbridge G. Exclusive: BRICS is for the fairies until China and India get serious, 'Mr BRICS' says // Reuters. 2024. Oct. 23. Режим доступа: <https://www.reuters.com/world/brics-is-fairies-until-china-india-get-serious-mr-brics-says-2024-10-23/>

Global Times. China achieves 5.2% GDP growth in 2023, successfully meeting yearly target. 2023. Режим доступа: https://www.globaltimes.cn/page/202401/1305536.shtml?id=12&utm_source=chatgpt.com

Gulf Today. UAE, BRICS members' non-oil trade reaches Dhs555 billion in 2022 // Gulf Today. 2023. Aug. 25. Режим доступа: <https://www.gulftoday.ae/business/2023/08/25/uae-brics-members-non-oil> (дата обращения 18 февраля 2025).

Hopewell K. Breaking the WTO: How Emerging Powers Disrupted the Neoliberal Project. Stanford, CA: Stanford University Press, 2020. Режим доступа: <https://doi.org/10.1515/9781503600027>.

International Monetary Fund (IMF). World Economic Outlook database. Navigating Global Divergences. October 2023. Режим доступа: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2023/10/10/world-economic-outlook-october-2023>

International Monetary Fund (IMF). World Economic Outlook Database. 2024. Режим доступа: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO>

Janardhan N., Haqqani H. The Expansion of BRICS Signals Shift Away from the West, Not a Turn against It // The Hill. 2024. Oct. 28. Режим доступа: <https://thehill.com/opinion/international/4956421-the-expansion-of-brics-signals-shift-away-from-the-west-not-a-turn-against-it/>

Jones C. Clyve Jones (1944–2024) // Parliamentary History. 2024. Vol. 43. Issue 3. Режим доступа: <https://doi.org/10.1111/1750-0206.12761>

Keohane R. O., Nye J. S. Power and Interdependence: World Politics in Transition. Boston, MA: Little, Brown, 1977.

Kornegay F. A., Bohler-Muller N. Laying the BRICS of a New Global Order. Pretoria: HSRC Press, 2021.

Larionova M., Shelepov A. BRICS, G20 and global economic governance reform // International Political Science Review. 2022. Vol. 43. Issue 4. P. 512-530. Режим доступа: <https://doi.org/10.1177/01925121211035122>

Mekonnen W. Ethiopia and BRICS: Prospects and Challenges // Journal of Political Science and International Relations. 2024. Vol. 7. Issue 3. P. 59-74. Режим доступа: <https://doi.org/10.11648/j.jpsir.20240703.12>

Moch E. The Economic and Geopolitical Significance of the Brics Nations: A Comparative Analysis of Their Global Influence in the 21st Century // East African Journal of Business and Economics. 2024. Vol. 7. No 2. P. 86–100. Режим доступа: <https://doi.org/10.37284/eajbe.7.2.2310>

Narlikar A. *Poverty Narratives and Power Paradoxes in International Trade Negotiations and Beyond*. Cambridge: Cambridge University Press, 2020. Режим доступа: <https://doi.org/10.1017/9781108234191>

Nye J. S. BRICS Without Mortar // Project Syndicate. 2013. April 3. Режим доступа: <https://www.project-syndicate.org/commentary/why-brics-will-not-work-by-joseph-s-nye>

O'Neill J. *The Growth Map: Economic Opportunity in the BRICS and Beyond*. London: Penguin, 2020.

Paul T.V. When Balance of Power Meets Globalization: China, India, and the Small States of South Asia // *International Affairs*. 2018. Vol. 94. Issue 1. P. 141–156. Режим доступа: <https://doi.org/10.1177/0263395718779930>

Press Information Bureau (PIB). Indian economy exhibits resilience with strong growth performance. Government of India. 2023. June 30. Режим доступа: <https://pib.gov.in/PressReleasePage.aspx?PRID=1942795>

Reuters. Iran election hopefuls struggle to offer fix for economic woes. 2024. June 26, 2024. Режим доступа: https://www.reuters.com/world/middle-east/iran-election-hopefuls-struggle-offer-fix-economic-woes-2024-06-26/?utm_source=chatgpt.com

Reuters. UAE leans on trade deals for growth as non-oil trade jumps 15% in 2024. 2025. Feb. 5. Режим доступа: <https://www.reuters.com/world/middle-east/uae-leans-trade-deals-growth-non-oil-trade-jumps-15-2024-2025-02-05/> (дата обращения 18 февраля 2025).

Robinson W. I. *Global Capitalism and the Crisis of Humanity*. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. Режим доступа: <https://doi.org/10.1017/CBO9781107590250>

Saran S., Sharan V. Banking on BRICS to Deliver // *The Hindu*. 2012. Режим доступа: <https://www.thehindu.com/opinion/lead/banking-on-brics-to-deliver/article3248200.ece>

Seiwert E. Anti-Western or Non-Western? The Nuanced Geopolitics of BRICS // *The Diplomat*. 2024. Oct. 25. Режим доступа: <https://thediplomat.com/2024/10/anti-western-or-non-western-the-nuanced-geopolitics-of-brics/>

Sharma M. India's approach to China's Belt and Road Initiative—Opportunities and concerns // *The Chinese Journal of Global Governance*. Vol. 5. Issue 2. P. 136–157. doi:10.1163/23525207-12340041. Режим доступа: <https://brill.com/view/journals/cjgg/5/2/cjgg.5.issue-2.xml>

Shen Q., Zou X. Evolution of Cooperation among BRICS Countries in Global Climate Governance: From UNFCCC to the Paris Agreement // *MGIMO Review of International Relations*. 2024. Vol.17. No 1. P. 65–85. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2024-1-94-65-85>

Spanger H.-J. Longing for status: Russia celebrates its BRICS chairmanship // *BTI Blog*. 2024. Oct. 18. Режим доступа: <https://blog.bti-project.org/2024/10/18/longing-for-status-russia-celebrates-its-brics-chairmanship/> (дата обращения 18 октября 2024).

Sputnik News. Macron says BRICS expansion aimed at changing world order perceived as 'too Western' // *Sputnik Africa*. 2023. Aug. 28. Режим доступа: <https://en.sputniknews.africa/20230828/macron-says-brics-expansion-aimed-at-changing-world-order-perceived-as-too-western-1061697689.html>

Stuenkel O. *The BRICS and the Future of Global Order*. London: Lexington Books, 2015.

Stuenkel O. BRICS expansion would be a sign of China's growing influence, says Oliver Stuenkel // *The Economist*. 2023. Aug. 18. Режим доступа: <https://www.economist.com/by-invitation/2023/08/18/brics-expansion-would-be-a-sign-of-chinas-growing-influence-says-oliver-stuenkel>

- Sugihartono S. The Current Potential of BRICS in Challenging Western Hegemony // Infobrics.org. 2024. Aug. 30. Режим доступа: [https://infobrics.org/post/42093/news/civilbricsforum/news/bankbrics/Tehran Times. FDI inflow to Iran rises 5% in 2022: UNCTAD. 2023. July 2. Режим доступа: \[https://www.tehrantimes.com/news/486386/FDI-inflow-to-Iran-rises-5-in-2022-UNCTAD?utm_source=chatgpt.com.%20Accessed%20on%20February%2018,%202025\]\(https://www.tehrantimes.com/news/486386/FDI-inflow-to-Iran-rises-5-in-2022-UNCTAD?utm_source=chatgpt.com.%20Accessed%20on%20February%2018,%202025\).](https://infobrics.org/post/42093/news/civilbricsforum/news/bankbrics/Tehran%20Times.FDI%20inflow%20to%20Iran%20rises%205%20in%202022%20UNCTAD?utm_source=chatgpt.com.%20Accessed%20on%20February%2018,%202025)
- The Wire. BRICS expansion finalised as Egypt, Iran, Ethiopia, Argentina, Saudi and UAE invited to join // The Wire. 2023. Aug. 24. Режим доступа: <https://cms.thewire.in/world/diplomacy/brics-expansion-finalised-as-egypt-iran-ethiopia-argentina-saudi-and-uae-invited-to-join>
- UNCTAD. World Investment Report 2023. Geneva: United Nations Conference on Trade and Development, 2023.
- Valdes C. Brazil's Momentum as a Global Agricultural Supplier Faces Headwinds // Economic Research Service. 2022. Sept. 27. Режим доступа: <https://www.ers.usda.gov/amber-waves/2022/september/brazil-s-momentum-as-a-global-agricultural-supplier-faces-headwinds>.
- Van Tulder R., Carneiro J., Gonzalez-Perez M.A. "Introduction to This Volume: What Makes BRIC Multinationals Special?" // The Challenge of Bric Multinationals (Progress in International Business Research. Vol. 11). Emerald Group Publishing Limited, Leeds. P. 41–57. Режим доступа: <https://doi.org/10.1108/S1745-886220160000011005>.
- Varela A. H., Delgado R. G. M. The BRICS in the Contemporary Global Order: Objectives, Capabilities, and Limitations // Otoritas: Jurnal Ilmu Pemerintahan. 2019. Vol. 9. No 2. Режим доступа: <https://doi.org/10.26618/ojip.v9i2.2106>
- World Bank. World Development Indicators. Washington, D.C.: World Bank, 2023.

Международная торговля в период «слоубализации»: некоторые тренды

Сапир Е.В., Васильченко А.Д.

Сапир Елена Владимировна — д.э.н., профессор, заведующая кафедрой мировой экономики и статистики Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова.

Scopus Author ID: 56529364900

ORCID: 0000-0002-2754-0985

Васильченко Александр Дмитриевич — младший научный сотрудник Института Европы РАН, аспирант кафедры мировой экономики и статистики Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова.

Scopus Author ID: 57219454963

ORCID: 0000-0002-4904-1562

Для цитирования: Сапир Е.В., Васильченко А.Д. Международная торговля в период «слоубализации»: некоторые тренды // Современная мировая экономика. 2024. Том 2. №4(8). EDN: MJOIUO

DOI: <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2024-2-4-85-105>

Ключевые слова: международная торговля, глобальные цепочки стоимости, слоубализация, вертикальная специализация, сервитизация, Индустрия 4.0.

Аннотация

В настоящей статье представлены результаты сравнительного анализа глобальных трендов мировой торговли в период после мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. Особое внимание было обращено на баланс макро-регионов в международной торговле, их самообеспеченность в поставках промежуточной продукции, а также растущую роль услуг в трансформации архитектуры экономической глобализации на современном этапе. Основу методологии исследования составили количественные индикаторы торговой открытости, географической концентрации и участия в глобальных цепочках стоимости. В результате было выявлено, что в период после 2009 г. открытость международной торговле в Азии снижалась, в Северной Америке оставалась на предкризисном уровне, в Европе увеличивалась; при этом Азия сместила Европу с позиции крупнейшего по объемам товарного

товарного экспорта макрорегиона. Азия и Северная Америка в указанный период укрепляли региональный компонент цепочек стоимости, тогда как Европа повышала зависимость от внешних промежуточных поставок. Определено, что международная торговля услугами после 2009 г. по-прежнему демонстрировала рост в абсолютном и относительном выражении. Китай и Индия опережающим темпом встраивались в «услуги» сегменты цепочек стоимости, укрепляя свой вес по отношению к развитым странам. Как представляется, потенциал роста международной торговли услугами далек от исчерпания. Именно этот сектор может выступить локомотивом будущей волны экономической глобализации.

Введение

В последние десятилетия в мировой экономике наблюдаются разнонаправленные тенденции развития межстранового товарообмена и кооперации. Особое внимание исследователей привлекают две из них: «гиперглобализация» и «слоубализация». Под гиперглобализацией в литературе понимают процесс ускоренного уплотнения торговых и производственных связей между странами и регионами мира, сопровождаемый опережающим ростом объемов экспорта по отношению к ВВП, повышением степени взаимосвязанности стран в глобальных цепочках стоимости (далее — ГЦС), а также усилением влияния многонациональных компаний (далее — МНК) [Antràs 2020]. В свою очередь, слоубализация выражается в замедлении развития устоявшихся и практическом отсутствии формирования новых торгово-экономических связей между странами [Linsi 2021]. Зачастую в смысловое наполнение данного термина включаются также процессы усиления протекционизма и повышения автономности национальной экономики [Benabed, Moncea 2024]. В Отчете Европейского парламента за 2020 г. слоубализация рассматривается в контексте пяти аспектов: торговля товарами и услугами, открытая финансовая система, углубление неравенства, туризм и миграция, цифровизация экономики и общества [Koponen et al. 2020]. Между тем во многих трудах «слоубализация» трактуется равнозначно «деглобализации» или «фрагментации». По нашему мнению, последние две категории отражают качественно иные процессы. Деглобализация как процесс, обратный глобализации, представляет собой ослабление единства и целостности мировой хозяйственной системы за счет усиления регионального и локального торгово-экономического, инвестиционного, валютно-финансового, инфраструктурного и иного хозяйственного сотрудничества стран. Фрагментация, в свою очередь, предполагает формирование обособленных территориальных экономических образований на фоне разрыва торгово-экономических связей между основными субъектами мировой экономики. Как будет показано далее в работе, на текущий момент имеется недостаточно свидетельств в пользу деглобализации или фрагментации в мировой экономике.

Периодом гиперглобализации принято считать конец XX — начало XXI в. Объем мирового экспорта за 25 лет вырос с 5 до 16 трлн долл. США, его доля в мировом

ВВП увеличилась с 16 до 25% [UNCTAD Stat]. В этот период мирохозяйственные связи претерпевали трансформацию в условиях т.н. «второго разделения», а именно одновременного снижения издержек контроля и координации [Baldwin 2016]. В период 1995–2007 гг. стоимость хранения информации в компьютере снизилась с 5 млн долл. до 20 тыс. долл. за терабайт¹. Благодаря технологическим новшествам многонациональные фирмы получили возможность проведения широкой политики аутсорсинга, что придало существенный импульс торговле промежуточной продукцией. За аналогичный период экспорт полуфабрикатов развитых стран вырос примерно с 300 млн долл. до порядка 1,5 трлн долл. [UNCTAD Stat]. Между тем стоит признать, что разверстка глобальных цепочек стоимости на этом этапе происходила в форме сцепки плотных региональных производственных сетей; связи между макрорегионами были критическими, но не доминирующими [Stephenson 2013].

Однако, как отмечают эксперты, конечной точкой эпохи гиперглобализации стал мировой финансовый кризис 2008–2009 гг. Коллапс банковской системы США породил «цунами» расходящихся разрушительных потоков, больно затронувших реальный сектор экономики большинства стран мира. Столь громогласный шок в мировой экономике разрушил иллюзии о беспредельной мультипликации благ экономической глобализации. Как крупные компании, так и национальные правительства оказались поставлены перед необходимостью пересмотра приоритетов сотрудничества с зарубежными партнерами. Совокупной формой мер реагирования на внешние шоки стала политика реиндустриализации экономики [Capello, Cerisola 2023], которая выразилась в решоринге производства и укреплении собственной ресурсной и технологической базы развитых стран в критических секторах. Государства и бизнес стремились снизить зависимость от иностранных контрагентов или же «упростить» и «сжать» торгово-кооперационные связи в целях ограничения каналов распространения кризисных явлений. Дополнительным стимулом к решорингу стало снижение затрат в западных странах на выполнение операций, ранее перенесенных в страны Юго-Восточной Азии, в результате автоматизации и технологического развития.

Между тем сам по себе кризис 2008–2009 гг. не являлся единственным драйвером замедления процессов экономической глобализации. Так, рост позиций Китая в мировом хозяйстве все в большей степени обеспечивался внутренними источниками, что отражалось в росте среднего уровня оплаты труда в стране. Если в 2010 г. разрыв в величине показателя между Китаем и США составлял около 7 раз, то к настоящему времени он сократился примерно до 3 раз². В посткризисный период вложения в НИОКР по отношению к ВВП в КНР выросли на 1 п.п. (с 1,5 до 2,5%); китайские корпорации сегодня получают порядка 10 млрд долл. годовых поступлений за использование объектов интеллектуальной собственности, что в 10 раз

¹ Our world in data. Historical price of computer memory and storage. Режим доступа: <https://ourworldindata.org/grapher/historical-cost-of-computer-memory-and-storage> (дата обращения: 23 ноября 2024).

² The Conference Board. The Conference Board International Labor Comparisons. Режим доступа: <https://www.conference-board.org/ilcprogram/index.cfm> (дата обращения: 20 декабря 2024).

выше уровня 2010 г.³ В сложившихся условиях выгоды от аутсорсинга производства развитых стран в Китай сошли на нет; более того, многонациональный бизнес США и Европы столкнулся с вызовом технологической конкуренции со стороны Поднебесной. Таким образом, модель торгово-производственной глобализации «factory China» де-факто канула в Лету.

Тем не менее, как представляется, более глубокие причины снижения темпов экономической глобализации лежат в исчерпании организационно-технологического потенциала глобальной экспансии в отраслях материального производства. Производственная фрагментация в таких секторах, как автомобилестроение или электроника, достигла своих естественных пределов, когда дальнейшее дробление отдельных операций становится затруднительным [Brakman, van Marrewijk 2022]. Ресурс географической экспансии материального производства также существенно сократился. Многозвенная архитектура ГЦС периода гиперглобализации, обслуживаемая разветвленной сетью международной морской логистики, оказалась нежизнеспособной в условиях перебоев цепочек поставок. К примеру, удорожание морских перевозок в 2020 г., по оценкам ЮНКТАД⁴, привело к годовому росту среднемировых цен на потребительские товары на 1,7%, на промежуточные — на 3,3%. Наконец, существенная технологическая конвергенция в мировой экономике периода гиперглобализации могла, в логике «закона убывающей торговли» Торренса [Torrens 1821], явиться причиной увеличения доли неторгуемых товаров в ВВП стран мира.

В то же время есть основания полагать, что слобализация мирового хозяйства является не предисловием деглобализации и фрагментации, а закономерным процессом развития глобализации, который являет качественную трансформацию ее основных механизмов. Целью настоящей статьи является сравнительный анализ глобальных трендов мировой торговли после кризиса 2008–2009 гг. и выявление растущей роли услуг в трансформации архитектуры экономической глобализации на современном этапе.

Обзор литературы

В современных научных трудах проблеме развития международной торговли и глобальных цепочек стоимости в период после мирового финансового кризиса уделяется пристальное внимание. Критическому анализу подвергаются аспекты ребалансировки роли ключевых игроков в мировой экономике, а также потенциальные драйверы дальнейшего развития торгово-экономического сотрудничества между странами.

Как отмечает В.Г. Варнавский [Варнавский 2024], в посткризисный период динамика международной торговли вошла в рассинхронизацию с мировым ВВП, который демонстрировал устойчивый рост до кризиса пандемии COVID-19. Этот

³ World Development Indicators. Режим доступа: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=2&Topic=14#> (дата обращения: 04 ноября 2024).

⁴ UNCTAD. Review of Maritime Transport 2021. Режим доступа: https://unctad.org/system/files/official-document/rmt2021_en_0.pdf (дата обращения: 15 декабря 2023).

феномен, по мнению автора, объясняет рост конкуренции на мировых товарных рынках и последующее усиление торгового протекционизма. Варнавский также указывает на достижение международной торговлей некоего «стационарного состояния» и исчерпание потенциала ее дальнейшего роста. Вместе с тем во второй декаде XXI в. ярко выраженной стала проблема торговых дисбалансов между странами и регионами мира. С 2010 г. совокупный среднегодовой мировой дефицит по счету текущих операций составлял около 1,2 трлн долл. [UNCTAD Stat]. Особенно наглядно эта тенденция прослеживается в Европе [Giovanetti et al. 2023]. Экономики региона в период после 2009 г. в сумме имели существенный дефицит в торговле с Китаем как по потребительским (около 120 млрд долл. в год), так и, что особенно важно, по капитальным товарам, для которых среднегодовой дефицит вырос с 60 млрд долл. в 2009 г. до 120 млрд долл. в 2021 г. [UNCTAD Stat]. А.В. Холопов [Холопов 2022] выделяет следующие причины нарастания торговых дисбалансов: крен в сторону потребительских расходов как драйвера роста ВВП США, рост склонности к отложенному потреблению на фоне старения населения планеты, а также возникший вследствие недостаточной емкости финансовых рынков в развивающихся странах глобальный излишек сбережений (global savings glut).

В период после кризиса 2008–2009 гг. усилились процессы регионализации потоков готовой и промежуточной продукции. Ал.А. Мальцев [Мальцев 2024] в своем труде замечает, что в последние годы отечественное производство готовой продукции в США существенно опережает ее импорт из азиатских стран с традиционно низкими производственными издержками. Между тем, по мнению автора, решоринг все же не стал *modus operandi* развитых экономик на современном этапе; процессы разветвления лоскутов экономической глобализации происходят в новых формах, хотя «решоризируемые» экономики ускоряют порочный круг сжатия цепочек стоимости.

На ограниченный характер замыкания торгово-производственных связей на современном этапе указывает также исследование специалистов МВФ [Gopinath et al. 2024]. Согласно расчетам, интенсивность торговли между политическими блоками в настоящий момент снижается по отношению к внутриблоковой торговле, однако масштаб ослабления пока несопоставим с периодом холодной войны. Как замечают авторы доклада, геоэкономическая фрагментация ни на текущем этапе, ни в прошлом не побуждала процессы деглобализации. При этом природа этого умозрительного противоречия различна. Фрагментация середины XX в. манифестировала себя через региональную экономическую фрагментацию в пределах политических блоков; впоследствии международная торговля претерпела стремительный скачок с вступлением стран Восточной Европы в мировое хозяйство. Сегодня же ситуация выглядит иначе. Относительная устойчивость торговли в глобальном масштабе обеспечивается т.н. «странами-коннекторами», обеспечивающими перетоки добавленной стоимости. Оба примера доказывают превалирование центристских сил в мировом хозяйстве, что не способствует реализации стратегий локализации.

Достаточно резкая критика освещения процессов регионализации глобальных цепочек стоимости представлена в работе Б. Тхакур-Вейголда и С. Мироудо

[Thakur-Weigold, Miroudot 2024]. Авторы последовательно оспаривают тезис, что зарубежный сорсинг снижает устойчивость цепочки стоимости. Линия аргументации строится вокруг эмпирических данных, согласно которым в периоды кризисов быстрее восстанавливаться и адаптироваться к новым вызовам удавалось тем экономикам, которые имели широкую сеть торговых связей, митигирующую негативный шок. Как отмечают исследователи, глобальные цепочки стоимости в последние десятилетия стали настолько сложны и наполнены уникальными специфичными для отдельных стран технологиями, что локализация основных звеньев цепи сегодня выглядит нереализуемой ни для одной страны. Именно поэтому, заключают авторы, решоринг затрагивает в основном только сборочные заводы; при этом имеет место лишь перераспределение рисков между участками цепочки стоимости, а не их купирование.

Между тем подобное представление об устойчивости международной торговли имеет обратную сторону медали. Так, эксперты отмечают рост удельного веса т.н. «уязвимых товаров» с низкой эластичностью замещения и высокой степенью географической концентрации поставок. По данным Борина, Манчини и Тальони [Borin et al. 2021], фармацевтика и производство компьютеров наиболее подвержены риску сокращения предложения уязвимых товаров. Кроме того, согласно оцененной модели, участие в ГЦС снижает негативные последствия шоков национальной экономики и торговли готовой продукцией, однако повышает зависимость от перебоев производственно-кооперационных связей, которые могут каскадным образом распространяться на другие сектора экономики. Краеугольное положение Китая в системе поставок уязвимых товаров освещается в работе Р. Болдуина [Baldwin et al. 2023]. Исходя из значений предложенного автором индекса зависимости от внешнего импорта, зависимость промышленности США от поставок из Китая после 2009 г. выросла примерно в 1,5 раза, аналогичная зависимость Германии и Японии увеличилась вдвое.

Возрастание рисков ГЦС в материальных отраслях экономики приводит также к разбалансировке моделей интеграционного взаимодействия в отдельных макро-регионах. Так, странам Евросоюза удастся эффективно снижать зависимость от внешних критических поставок за счет стратегий функциональной диверсификации национальных экономик. При этом данные стратегии реализуются в условиях низкой межстрановой координации, что подрывает устойчивость экономической интеграции [Coveri, Zanfei 2023].

Таким образом, авторы в большинстве своем сходятся во мнении, что экономическая глобализация далека от своего завершения. Звучат также мнения, что текущая слоубализация является лишь частным явлением, которое не повлияет на долгосрочные тенденции [Roudometof 2024]. Современный этап экономической глобализации, вероятно, является периодом ее трансформации. Как справедливо отмечает Э. Марвази [Marvasi 2023], «в глобализации нового типа принцип эффективности все больше будет уступать приоритетам устойчивости и безопасности в условиях, когда бизнесу придется выстраивать прочные связи с партнерами из надежных стран». Между тем доминирующий в литературе дискурс тяготеет к оценке торговли и ГЦС с позиции материальных потоков. Вероятно, новая волна

торгово-экономического сотрудничества между странами будет пролегать в качественно иных плоскостях мирового хозяйства. В настоящей работе предпринимается попытка проследить некоторые перспективные точки развития будущей экономической глобализации.

Методология

В целях ответа на исследовательский вопрос авторами был применен ряд количественных методов, отражающих структурные диспропорции участия стран и регионов мира в международной торговле и глобальных цепочках стоимости.

Вначале рассчитываются базовые показатели обращенности укрупненных регионов мира — Азии, Европы и Северной Америки — к внешней торговле товарами. Оценивается доля региона в мировом товарном экспорте, а также показатель экспортной квоты (формула 1), отражающий значимость зарубежного спроса для формирования национального дохода.

$$Q_i = \frac{X_i}{GDP_i} \times 100\% \quad (1)$$

Где i — некоторый укрупненный регион, Q_i — товарная экспортная квота, X_i — товарный экспорт, GDP_i — ВВП. Показатель принимает значения от 0 до 100, где 100 соответствует абсолютной зависимости национального дохода страны от зарубежного спроса.

Далее в работе оцениваются индикаторы результативности мобилизации трудовых ресурсов для укрепления позиций региона в международной торговле. В частности, изучается отношение доли региона в международной торговле к его доле в населении планеты. Значение показателя выше единицы указывает на то, что регион более эффективно использует рабочую силу для наращивания торговых связей, чем в среднем все страны мира, и наоборот.

Особое внимание в работе обращается на показатели участия стран и укрупненных регионов мира в глобальных цепочках стоимости. На уровне макрорегионов оценивается изменение вклада добавленной стоимости других регионов в стоимость его товарного экспорта (формула 2). Положительные значения индикатора свидетельствуют об укреплении зависимости региональной экономики от промежуточных поставок из-за рубежа, и наоборот.

$$I_{ji} = \left(\frac{VA_{ji}}{X_{i_1}} - \frac{VA_{j_0}}{X_{i_0}} \right) \times 100 \quad (2)$$

Где i — регион-экспортер, j — регион происхождения добавленной стоимости, VA_{ji} — добавленная стоимость j в товарном экспорте i , X_{i_1} — товарный экспорт i .

Аналогичный анализ проводится и на страновом уровне в пределах отдельных укрупненных регионов. Исследуется реконфигурация региональных цепочек стоимости, усиление или ослабление межстрановых производственных связей.

Для пяти крупнейших экономик мира по ВВП в текущих ценах на 2023 г., а именно Китая, США, Индии, Германии и Японии, оценивается изменение поло-

жения в ГЦС в разрезе отдельных секторов. С этой целью изучается динамика индекса вертикальной специализации [Hummels et al. 2001] (формула 3), что позволяет понять, в каких отраслях материального и нематериального производства страна более активно вовлечена в кооперационные связи с третьими странами.

$$VS_i^p = \frac{1}{X_i^p} A_i^M L_i X_i \quad (3)$$

Где VS_i^p — показатель вертикальной специализации страны i в секторе p , X_i^p — экспорт сектора p страны i , A_i^M — матрица технических коэффициентов импорта страны i , L_i — матрица Леонтьева для внутренних производственных связей страны i , X_i — совокупный экспорт (товары и услуги) страны i . Показатель принимает значения в интервале от 0 до 1, где рост свидетельствует о повышении зависимости страны от импорта для производства экспортируемых товаров и услуг.

На заключительном этапе исследования изучаются актуальные аспекты международной торговли услугами. В частности, так же оценивается показатель экспортной квоты, отражающий вклад экспорта услуг в ВВП региона. Затем анализируется степень концентрации стран-экспортеров в международной торговле услугами на основе индекса Херфиндала — Хиршмана (формула 4). Предполагается, что рост географической концентрации свидетельствует о доминировании ограниченного числа стран, сокращая возможности для участия прочих игроков и развития дополнительных торгово-кооперационных связей.

$$HH = \sum_{i=1}^I \left(\frac{X_i}{X} \right)^2 \quad (4)$$

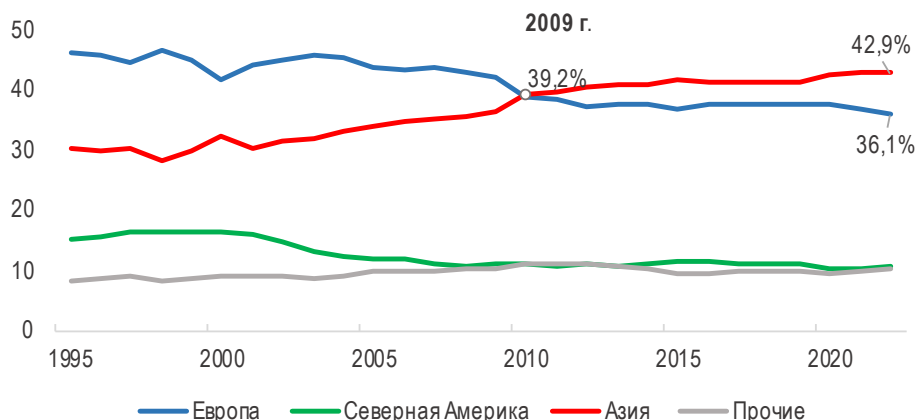
Где HH — индекс Херфиндала — Хиршмана, X_i — экспорт страны i товаров (услуг), X — общемировой экспорт товаров (услуг).

Наконец, проводится оценка доли добавленной стоимости деловых услуг (НИ-ОКР, инжиниринг и т.п.) в стоимости товарного экспорта укрупненных регионов. Согласно гипотезе, в условиях разворачивания технологий Индустрии 4.0, применения автоматизированных и цифровых решений стоимость готовых изделий все больше включает в себя издержки оказания производственных услуг, обслуживающих производство и выполняющих специфические операции (например, роботы-манипуляторы).

Результаты

После мирового финансового кризиса в мировой торговле товарами произошла смена лидирующего региона: позиции Европы потеснила Азия, прежде всего за счет Китая (см. рисунок 1 на с. 93). В 2009 г. доли регионов в мировом товарном экспорте были практически равны (по 39%), однако в последние годы доля Азии превышает долю Европы примерно на 7 п.п. Участие Северной Америки в международной торговле товарами продолжает оставаться ограниченным, что свидетельствует об устойчиво высокой роли внутреннего потребления в ВВП региона.

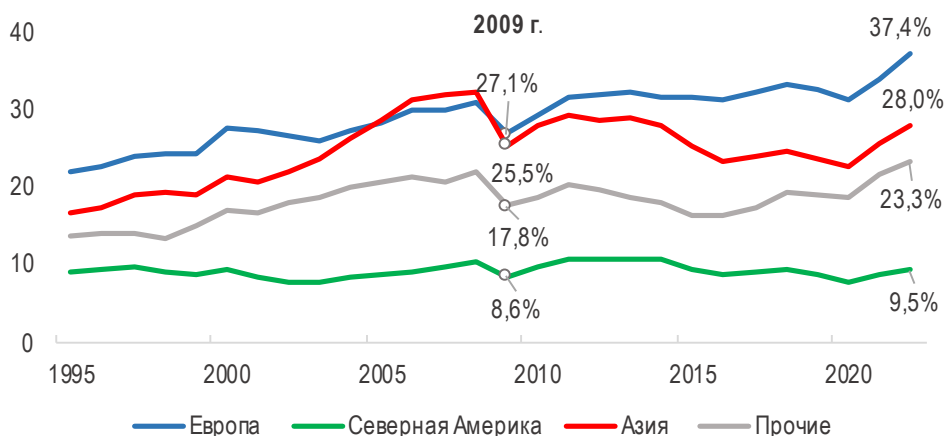
Рисунок 1. Доля региона в мировом товарном экспорте, %

Источник: составлено авторами по данным UNCTAD Stat.

Говоря про тенденцию слобализации, многие эксперты зачастую апеллируют к показателю экспортной квоты, который в расчете для общемирового экспорта после 2009 г. стагнирует. При этом в разрезе отдельных регионов мира можно заметить, что тогда как для Азии показатель снижается после бурного роста 1995–2009 гг., отношение совокупного экспорта стран Европы к ВВП растет темпом, сопоставимым с периодом гиперглобализации (см. рисунок 2 на с. 93). Динамика показателя для Азии может быть связана с повышением внутреннего спроса в Китае, а также ускоренным ростом национальных инвестиций. Помимо этого, китайская экономика попала в т.н. «ловушку среднего дохода», а экспортируемая продукция КНР утратила прежнюю конкурентоспособность на международном рынке. ВВП Европы, в свою очередь, все в большей степени зависит от внешних рынков сбыта, свидетельствуя о недостаточной емкости региональной экономики.

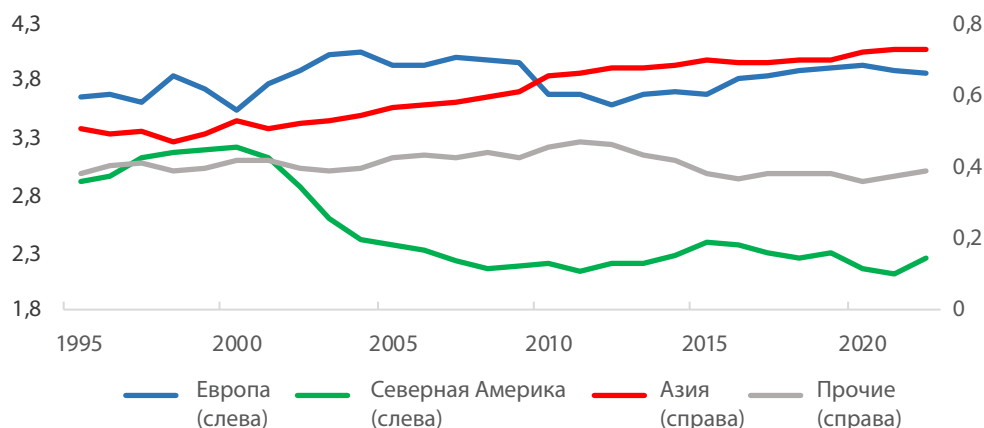
Рисунок 2. Доля товарного экспорта в ВВП по регионам мира, %

Источник: составлено авторами по данным UNCTAD Stat.

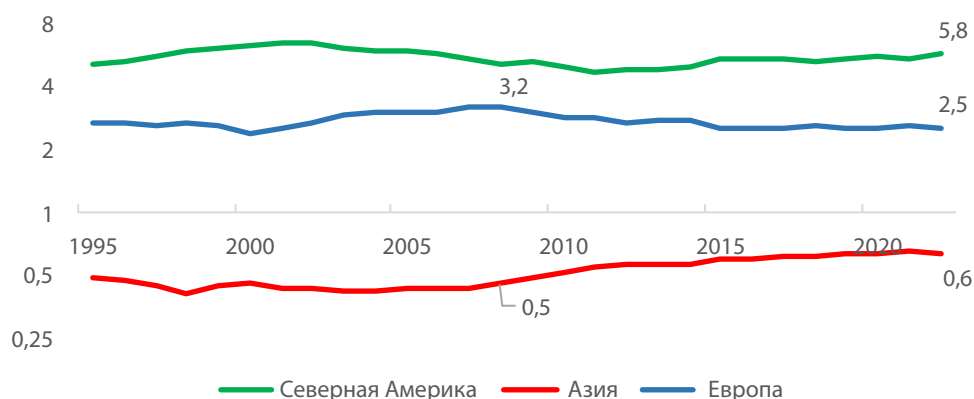
Характерно, что на протяжении всего периода наблюдения, в том числе после 2009 г., отношение удельного веса Азиатского региона в мировом товарном экспорте к его весу в населении планеты стабильно растет и приближается к единице (см. рисунок 3 на с. 96). В случае Китая подобный тренд может также объясняться сокращением рождаемости в последние десятилетия. При этом аналогичный показатель для Европы находится на значительно более высоком уровне: вклад региона в мировой товарный экспорт примерно в 4 раза выше, чем вклад в население планеты.

Рисунок 3. Отношение доли региона в мировом товарном экспорте к доле региона в населении планеты

Источник: составлено авторами по данным UNCTAD Stat.

Рисунок 4. Отношение доли региона в мировом ВВП к доле региона в населении планеты

Источник: составлено авторами по данным UNCTAD Stat.

В разрезе мирового ВВП ситуация выглядит несколько иначе. Тогда как вклад США и Европы в ВВП мира на порядок превышает их вклад в население мира (в 5,8 и 2,5 раза соответственно), доля Азии в мировом ВВП составляет чуть более

половины ее доли в населении планеты (см. рисунок 4 на с. 94). Однако положительная динамика показателя для Азии (+20%) указывает на повышение эффективности использования трудовых ресурсов региона для создания добавленной стоимости. Негативная тенденция отмечается в Европе: в период 2009–2021 гг. отношение доли в мировом ВВП к доле в населении мира для региона снизилось на 22%, свидетельствуя о снижении совокупной конкурентоспособности европейской экономики.

Структурные сдвиги в глобальных цепочках стоимости после мирового финансового кризиса также имеют региональную специфику (см. таблицу 1 на с. 95). В период гиперглобализации в Азии, Европе и Северной Америке наблюдалось снижение регионального компонента добавленной стоимости товарного экспорта. Иными словами, каждый из регионов выстраивал интенсивные кооперационные связи с другими регионами мира. Однако в период слобализации в Азии и Северной Америке возобладала тенденция ускоренного роста отечественной добавленной стоимости по отношению к иностранной. Следовательно, регионы увеличивали самообеспеченность в производстве экспортируемых товаров. В то же время Европа в период 2007–2019 гг. продолжала наращивать внешний компонент добавленной стоимости экспорта, укрепляя зависимость от зарубежных поставщиков.

Таблица 1. Прирост добавленной стоимости в экспорте регионов мира, п.п.

Регион происхождения добавленной стоимости	Регион-экспортер					
	Восточная и Юго-Восточная Азия		Европа		Северная Америка	
	1995–2007	2007–2019	1995–2007	2007–2019	1995–2007	2007–2019
Африка	0,1	-0,1	0,1	0,0	0,1	-0,2
Восточная и Юго-Восточная Азия	-4,9	2,1	0,8	1,1	0,1	-0,1
Европа	0,9	-0,7	-2,7	-2,2	0,5	-0,6
Северная Америка	0,0	-0,6	0,5	1,1	-1,9	1,7
Южная и Центральная Америка	0,5	-0,1	0,1	0,1	0,2	-0,1
Прочие страны	3,4	-0,6	1,3	0,1	1,0	-0,8

Источник: составлено авторами по данным OECD TiVA.

В страновом разрезе прослеживаются более детальные грани трансформации потоков добавленной стоимости в мире (см. таблицу 2 на с. 96). В период 1995–2007 гг. страны Европы активно наращивали промежуточные закупки из стран-партнеров по региону; особенно заметно региональный компонент добавленной стоимости увеличивался в экспорте Германии, Испании и России. После кризиса 2008–2009 гг. вклад стран региона в товарный экспорт стагнировал или даже снижался для большинства указанных экономик Европы; исключение составили Нидерланды и отчасти Россия. Уместно сделать вывод, что потенциал европейских цепочек стоимости для наращивания регионального экспорта в период слобализации был фактически исчерпан.

Развитие региональных цепочек стоимости в Азии и Северной Америке в пост-кризисный период происходило по-другому. Отмечается ослабление позиций Японии в качестве поставщика промежуточной продукции для экспорта Южной Кореи и Китая: вклад японской добавленной стоимости в экспорт данных стран сократился за период 2007–2019 гг. на 21 и 8% соответственно. При этом сама Япония также сократила объем кооперационных связей с Южной Кореей, увеличив при этом зависимость от Китая. Производственные отношения Китая и Южной Кореи в период глобализации укреплялись сравнительно высокими темпами. В Северной Америке разрыва кооперационных связей не наблюдается ни в одной паре стран. Тогда как связи США и Канады явно стагнируют, Мексика и США пропорционально увеличивают взаимообмен добавленной стоимостью.

Таблица 2. Прирост добавленной стоимости в экспорте стран в отдельных регионах мира, раз

1995–2007 гг.							
Страна происхождения	Франция	Германия	Италия	Нидерланды	Испания	Великобритания	Россия
Франция	1,88	2,76	1,87	1,37	2,55	1,65	3,83
Германия	2,28	2,21	2,42	1,38	3,19	1,94	5,47
Италия	2,32	2,78	1,88	1,48	3,1	1,95	4,18
Нидерланды	1,89	2,77	2,23	1,84	2,66	1,85	4,07
Испания	3,1	3,8	3,4	1,95	2,59	2,84	4,31
Великобритания	2,24	3,62	2,53	2,41	3	2,28	5,29
Россия	5,46	7,46	4,26	4,5	7,43	4,62	4,18
2007–2019 гг.							
Страна происхождения	Франция	Германия	Италия	Нидерланды	Испания	Великобритания	Россия
Франция	1,11	1,04	0,88	1,32	1,04	1,01	1,33
Германия	1,07	1,18	0,92	1,69	0,94	0,99	1,05
Италия	0,89	1,02	1,02	1,61	0,79	0,81	1,18
Нидерланды	1,2	1,28	0,99	1,25	1,24	0,93	1,3
Испания	1,13	1,26	1,07	1,65	1,27	1,02	1,45
Великобритания	0,99	0,92	0,62	1,48	0,87	1,06	0,99
Россия	0,95	1,28	1,16	2,07	0,67	0,78	1,33
1995–2007 гг.							
Страна происхождения	Япония	Южная Корея	Китай	Страна происхождения	Канада	Мексика	США
Япония	1,5	2,32	8,81	Канада	2,38	5,33	2,74
Южная Корея	3,84	2,63	13,92	Мексика	2,66	3,15	3,64
Китай	12,15	12,65	7,93	США	1,57	2,39	1,93
2007–2019 гг.							
Страна происхождения	Япония	Южная Корея	Китай	Страна происхождения	Канада	Мексика	США
Япония	1,11	0,79	0,92	Канада	1,08	1,28	1,02

Южная Корея	0,96	1,52	1,47	Мексика	1,86	1,65	1,4
Китай	1,59	2,26	2,37	США	1,26	1,59	1,52

Источник: составлено авторами по данным OECD TiVA.

На сегодняшний день участие крупнейших экономик мира в ГЦС имеет специфические черты. Германия как локомотив европейской промышленности весьма несущественно зависит от зарубежных промежуточных поставок в секторах материального производства, в том числе в машиностроении. При этом поставка деловых услуг страны, прежде всего НИОКР, обеспечивается иностранными партнерами. Япония на порядок сильнее, чем Германия, зависима от иностранных партнеров в производственных секторах, особенно в транспортном машиностроении. Индия практически не участвует в ГЦС в реальных секторах экономики, тогда как в сфере услуг страна тесно сотрудничает с зарубежными поставщиками. Профиль участия США в ГЦС несколько схож с Германией: страна также активно встроена в международные кооперационные связи в сфере услуг НИОКР, инжиниринга и консалтинга. Особняком стоит Китай, зависимость которого от глобальных цепочек стоимости в относительном выражении сегодня является наивысшей среди упомянутых стран. Наибольшая встроенность в кооперационные связи с третьими странами отмечается в секторах химической продукции и электроники, а также в деловых услугах. Поставка финансовых услуг китайскими банками и прочими организациями также обеспечивается иностранными партнерами. Что характерно, бурно развивающийся сектор транспортного машиностроения страны демонстрирует высокую степень самообеспеченности.

Таблица 3. Показатель вертикальной специализации отдельных стран по выбранным отраслям, %, 2023 г.

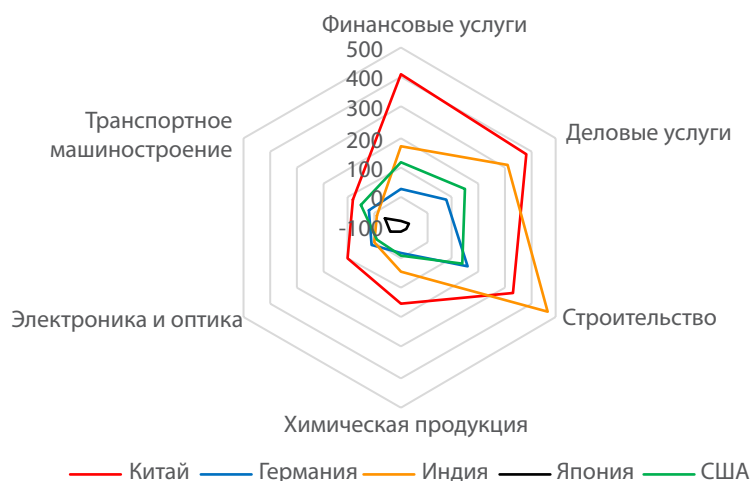
Сектор	Китай	Германия	Индия	Япония	США
Химическая продукция	12,77	1,49	5,81	4,38	3,65
Строительство	0,93	2,99	5,33	0,87	0,71
Электроника и оптика	16,76	1,43	0,81	4,96	1,26
Финансовые услуги	8,63	3,48	6,23	3,75	5,53
Деловые услуги	10,73	17,53	2,95	8,12	18,80
Транспортное машиностроение	4,11	2,69	0,87	7,30	1,96

Источник: составлено авторами по данным ADB MRIO 2023.

За период, прошедший после мирового финансового кризиса, характер участия пяти упомянутых экономик в ГЦС претерпел изменения (см. рисунок 5 на с. 98). В частности, укрепление вертикальной специализации наиболее отличимо в сфере услуг. Китай интегрировался в кооперационные связи в финансовом секторе и услугах для бизнеса. Существенное укрепление позиций в ГЦС отмечается для Индии в строительном секторе. США и Германия также развивали внешние коо-

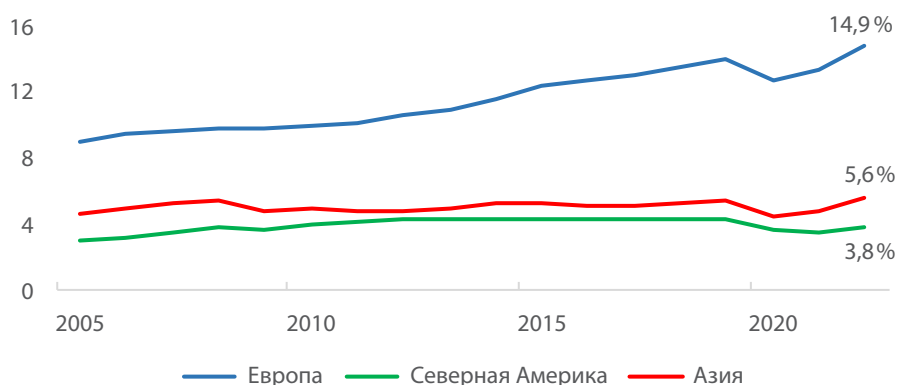
перационные связи в отраслях нематериального производства, однако динамика была на порядок ниже, чем для Китая и Индии. Между тем в промышленных секторах США и Германия поддерживали баланс кооперационных связей с зарубежными партнерами. Примечателен случай Японии. Страна, исторически эксплуатировавшая преимущества глобального рынка промежуточных товаров и услуг, перешла к фактическому свертыванию внешних производственных связей во всех упомянутых отраслях. Тем не менее в целом налицо тенденция к разворачиванию ГЦС в нематериальном секторе мировой экономики, активно поддерживаемая и балансируемая развивающимися странами.

Рисунок 5. Изменение показателя вертикальной специализации отдельных стран по выбранным отраслям (2011–2023 гг., %)

Источник: составлено авторами по данным ADB MRIO 2011, 2023.

Рисунок 6. Доля экспорта услуг в ВВП региона, %

Источник: составлено авторами по данным UNCTAD Stat.

Действительно, сектор услуг играет особую роль в современной международной торговле и цепочках стоимости. В отличие от товарного производства, потенциал расширения межстранового сотрудничества в этом секторе сохраняется на высоком уровне. Для Азии и Северной Америки доля экспорта услуг в ВВП остается сравнительно низкой, тогда как в Европе этот показатель стабильно растет (см. рисунок 6 на с. 98). Более того, после мирового финансового кризиса вклад экспорта услуг в валовой продукт стран Европы растет более быстрыми темпами, чем ранее. Следовательно, применительно к международной торговле услугами тезис о слобализации, вероятно, не может быть применим.

Отдельно обращает на себя тот факт, что баланс веса основных стран-поставщиков услуг в мировой экономике остается стабильным на протяжении последних двух деkad, о чем свидетельствует динамика индекса Херфиндаля — Хиршмана (см. рисунок 7 на с. 99). В международной торговле товарами после кризиса 2008–2009 гг. наблюдается устойчивый рост концентрации экспортеров, что свидетельствует о формировании ограниченного числа центров силы и сосредоточении основных выгод от внешней торговли в его руках. В то же время распределение долей экспортеров услуг в международной торговле остается неизменным, указывая на отсутствие явных лидеров и более пропорциональное распределение выгод.

Рисунок 7. Индекс Херфиндаля — Хиршмана мирового экспорта товаров и услуг в разрезе стран-экспортеров, 1960–2022 гг.

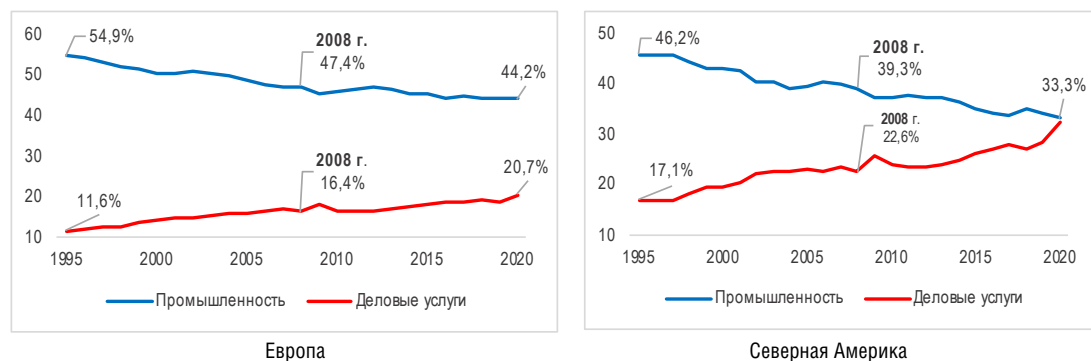

Источник: составлено авторами по данным UNCTAD Stat.

Усиление позиций нематериальных секторов в мировой экономике прослеживается не только в разрезе международной торговли услугами. Все возрастающая доля добавленной стоимости классических товаров приходится на такие сферы, как НИОКР, инжиниринг, а также ИКТ, т.е. происходит «сервитизация» товарного экспорта [Кондратьев и др. 2021]. Кроме того, высокотехнологичные товары сегодня содержат существенную долю программного обеспечения, которая поставляется пользователю совместно с товаром и представляет впоследствии ценность для

конечного пользователя; это явление получило в литературе термин «сервитификация». На рисунке 8 на с. 100 представлена статистика, характеризующая доли добавленной стоимости товарного экспорта Европы и Северной Америки, формируемые за счет промышленного сектора и деловых (промежуточных) услуг. Как можно заметить, в Европе и Северной Америке в последние десятилетия наблюдается устойчивая конвергенция вклада промышленности и промежуточных услуг в стоимость экспортируемых товаров. Сегодня порядка 20% товарного экспорта Европы обеспечивается нематериальным производством; для Северной Америки показатель еще выше — 33% — и практически эквивалентен добавленной стоимости обрабатывающих производств.

Рисунок 8. Вклад региональной промышленности и деловых услуг в стоимость товарного экспорта региона, %

Источник: составлено авторами по данным OECD TiVA.

Обсуждение

Полученные результаты позволяют заметить определенную тенденцию к замедлению темпов глобализации в части международной торговли товарами. П. Кругман в качестве одной из причин подобного замедления видит снижение доли товаров в мировом потреблении по мере роста уровня доходов в мире [Krugman 2023]. В заочную полемику с Кругманом вступил Болдуин [Baldwin et al. 2024], который полагает, что торгово-экономическая глобализация не ограничивается торговлей товарами. По его мнению, «глобализация будет существовать до тех пор, пока не исчезнет возможность арбитража на межстрановых различиях в стоимости факторов производства». Действительно, межстрановой арбитраж в производственном секторе сократился, свидетельством чему является также снижение межрегиональных потоков ПИИ и повышение региональной ориентации товаропотоков. Тем не менее наличие подобного арбитража Болдуин видит в секторе услуг, оказание которых осуществляется сегодня различными странами при существенно различных издержках.

Безусловно, темпы роста удельного веса экспорта услуг в мировой торговле и ВВП не демонстрируют значений, сравнимых с темпами роста торговли товарами в период «гиперглобализации». Однако на текущий момент сектор услуг и их «ло-

гистики» не претерпел трансформаций, сопоставимых с производственным сектором в конце предыдущего столетия. Как отмечает Кругман, с 1947 г. по настоящее время производительность труда в секторе услуг в мире возросла в 2,5 раза, тогда как в производственном секторе — в 5,5 раза. Сегодня подавляющая доля услуг все еще оказывается при физическом присутствии людей, инфраструктура международной поставки многих услуг не развита, а уровень юридических ограничений на их поставку все еще высокий. Тем не менее важно понимать, что торговля услугами в последние 15 лет не ограничивается «традиционными» транспортными услугами и поездками; в мировом экспорте услуг существенно возросла доля «современных» услуг, прежде всего деловых, телекоммуникационных и финансовых, — примерно до 70%. В деловых услугах, составляющих основную долю «современных» услуг, наблюдается уверенный рост «промежуточных» услуг, поставляемых между фирмами различных юрисдикций.

Услуги цифровых секторов экономики все в большей степени обеспечивают стоимость готовых изделий. За период после мирового финансового кризиса удельный вес промежуточных услуг в мировом товарном экспорте вырос практически вдвое [Blázquez et al. 2023]. На современном этапе торговля подобными услугами носит более равномерно распределенный характер, чем торговля товарами, в которой основные потоки сосредоточены в треугольнике «США — Германия — Китай». Поставка промежуточных услуг сегодня осуществляется на таких международных площадках, как платформы фриланса (Upwork, Fiver), международные фирмы, занимающиеся аутсорсингом бизнес-процессов, а также центры общего обслуживания.

Как представляется, эксплуатация международного арбитража в секторе услуг находится на начальной стадии. Ее усиление и соответствующее развертывание очередной волны глобализации будет происходить по мере того, как будут снижаться юридические ограничения на международную торговлю услугами, а также будет расти производительность труда в секторе. По обоим направлениям потенциал для усиления международной торговли промежуточными услугами представляется существенным. Индекс ограничений в международной торговле услугами, публикуемый ОЭСР, по-прежнему остается на высоком уровне; за период 2014–2023 гг. наиболее значимых успехов в либерализации достигли Бразилия, Индия и Казахстан, страны Европы, Восточной Азии и Северной Америки сохраняют высокие барьеры для торговли услугами⁵. По данным ОЭСР, международная либерализация торговли услугами в долгосрочной перспективе может привести к ее росту на 6–16% в целом, 20–37% в сфере коммерческого банкинга, 7–22% в сфере юридических услуг, 6–20% в сфере бухгалтерского учета, 5–17% в сфере инжиниринга.

В свою очередь, рост производительности труда в секторе промежуточных услуг напрямую связан с трансформацией глобальных цепочек стоимости за счет технологий Индустрии 4.0: цифровизации, автоматизации и аддитивного производства. За счет внедрения цифровых технологий низкодоходные услуги логистики и дистрибуции будут стандартизированы, при этом повысится «сервитизация» самого процесса производства, а также возрастет приоритет НИОКР и данных о потреби-

⁵ OECD. Services Trade Restrictiveness Index. Режим доступа: <https://www.oecd.org/en/topics/services-trade-restrictiveness-index.html> (дата обращения: 03 декабря 2024).

телях, благодаря чему добавленная стоимость услуг НИОКР, маркетинга и послепродажного обслуживания будет возрастать. Значимое влияние на конфигурацию ГЦС и объем торговли услугами в мире окажут цифровизация производства и интернет вещей, проявляющиеся в замещении рабочей силы производственными и управленческими роботами. Базовый рост производительности труда, вызванный автоматизацией, приведет к повышению добавленной стоимости, создаваемой на всех участках ГЦС. Кроме того, в условиях взаимосвязи цифровизации и автоматизации на базе искусственного интеллекта ожидается внедрение робототехники и в сегмент высокодоходных деловых услуг. Внедрение технологии аддитивного производства в форме 3D-печати позволит реализовать технологию «массовой кастомизации», что приведет к повышению добавленной стоимости, создаваемой на стадии маркетинга и послепродажного обслуживания. Помимо этого, технология 3D-печати основана на постоянной разработке новых виртуальных дизайнов готовых изделий, что обуславливает повышение доли добавленной стоимости услуг НИОКР в ГЦС.

Таким образом, именно «промежуточные» услуги в ближайшем будущем могут составить «ядро» новой волны торгово-экономической глобализации. В условиях технологической трансформации глобальных цепочек стоимости сектор услуг начинает претерпевать период ускоренного роста производительности труда. Кроме того, в последние годы задача снижения барьеров в международной торговле услугами стала одной из приоритетных для международных институтов развития. Вероятно, равномерная структура международной торговли промежуточными услугами сегодняшнего дня уступит позиции новому «треугольнику» основных стран-поставщиков подобных услуг. Участниками нового «треугольника», вероятно, станут те страны, которые смогут достичь наибольших успехов во внедрении технологий Индустрии 4.0 в глобальные цепочки стоимости. На конфигурацию «треугольника» также может повлиять секторальный прогресс либерализации международной торговли услугами. Вместе с тем определенный прогноз дать достаточно сложно, поскольку сегодня обнаруживают себя две равноправные, но разнонаправленные тенденции. С одной стороны, наблюдаются процессы декаплинга, связанные с последствиями торговых войн, санкций и регионального обособления групп стран. В дополнение к торговому противостоянию США и Китая последних десяти лет сегодня обостряются противоречия по линии ЕС — США; в Европе все активнее звучат призывы к повышению самообеспеченности экономики региона⁶. Последним событием на этом фронте стало заявление президента США Д. Трампа на первом заседании кабинета администрации о планах по введению беспрецедентных 25-процентных пошлин на импорт всех товаров из Евросоюза⁷. С другой стороны, по мнению ряда исследователей,

⁶ Портанский П.А. Марио Драги вновь призывает Европу к решительным действиям // ИМЭМО РАН. Официальный сайт. 2025. Режим доступа: <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/mario-draghi-renews-call-for-decisive-action-in-europe> (дата обращения: 23 февраля 2025).

⁷ The White House. Remarks by President Trump before cabinet meeting. February 26, 2025. Режим доступа: <https://www.whitehouse.gov/remarks/2025/02/remarks-by-president-trump-before-cabinet-meeting/> (дата обращения: 27 февраля 2025).

все более проявляет себя тенденция экономического сближения национальных производственных систем, обусловленная универсальным и трансграничным характером современных, в первую очередь цифровых, технологий производства и управления [Загашвили 2022].

Заключение

Проведенный в работе анализ позволил получить следующие выводы качественного характера.

Во-первых, Азия сместила Европу с позиции крупнейшего региона-экспортера, притом что основным драйвером роста ее экономики стало внутреннее потребление. Странам Азиатского региона также удастся повышать эффективность мобилизации трудовых ресурсов для укрепления позиций в международной торговле.

Во-вторых, в период слобализации укреплялся региональный компонент цепочек стоимости в Азии и Северной Америке. Европа, напротив, увеличивала зависимость от внешних промежуточных поставок.

В-третьих, после 2009 г. развивающиеся страны, прежде всего Китай и Индия, опережающими темпами встраивались в глобальные цепочки стоимости, особенно интенсивно в секторах нематериального производства. Присутствие в ГЦС некогда ведущего центра компетенций — Японии — в посткризисный период сократилось.

Наконец, в-четвертых, тогда как торговля и цепочки стоимости в реальном секторе претерпевали сжатие и торможение, наблюдалось активное развертывание международного обмена услугами. В Европе ставка на сектор услуг выглядит особенно ярко. Последние годы торговля услугами в мировой экономике распределена между странами более равномерно, чем торговля товарами. На деловые и цифровые услуги сегодня приходится порядка трети добавленной стоимости товарного экспорта развитых стран.

Резюмируя, траектории развития торговли и ГЦС в материальных и нематериальных секторах экономики имеют характерную специфику. Тезис о слобализации, применимый к реальным секторам, не имеет отношения к сектору услуг. В условиях развертывания инфраструктуры Индустрии 4.0 можно ожидать укрепления позиций ИКТ и телекоммуникационных услуг в основных звеньях цепочек стоимости. При этом тенденция технологического разделения, которая последние годы определяет взаимодействие Запада и Китая, а также стремление стран к технологической независимости ускорят перебалансировку как межстранового, так и межрегионального сотрудничества в большинстве секторов непродовственной сферы.

Библиография

Варнавский В.Г. Мировая торговля: долгосрочные тренды и структурные сдвиги // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68. № 1. С. 51-18.

Загашвили В. С. Экономическая глобализация и региональная интеграция в постковидную эпоху // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 4. С. 5-13.

Кондратьев В. Б., Кедрова Г. В., Попов В. В. Сервитизация промышленности: новая реальность // *Мировая экономика и международные отношения*. 2021. Т. 65. № 8. С. 22-30.

Мальцев А. А. «Регионализация» глобальных цепочек создания стоимости: офшоризация или решоризация? // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2024. № 4. С. 7-25.

Холопов А.В. Глобальные дисбалансы: эволюция подходов // *Мировая экономика и международные отношения*. 2022. Т. 66. №9. С. 19-28.

Antràs P. De-globalisation? Global value chains in the post-COVID-19 age (No. w28115). National Bureau of Economic Research. 2020. Режим доступа: https://www.nber.org/system/files/working_papers/w28115/w28115

Asian Development Bank. Regional Input-Output Tables. Режим доступа: <https://www.adb.org/what-we-do/data/regional-input-output-tables> (дата обращения: 10 октября 2024).

Baldwin R. The great convergence: Information technology and the new globalization. Harvard University Press, 2016.

Baldwin R., Freeman R., Theodorakopoulos A. Deconstructing deglobalization: the future of trade is in intermediate services // *Asian Economic Policy Review*. 2024. Vol. 19. No 1. P. 18-37.

Baldwin R., Freeman R., Theodorakopoulos A. Hidden exposure: measuring US supply chain reliance (No. w31820). National Bureau of Economic Research. 2023.

Benabed A., Moncea M. Slowbalization: Rising Trends for the Global Economy and Business // *Proceedings of the International Conference on Business Excellence*. Vol. 18. No 1. P. 283-294.

Blázquez L., Díaz-Mora C., González-Díaz B. Slowbalisation or a “New” type of GVC participation? The role of digital services // *Journal of Industrial and Business Economics*. 2023. Vol. 50. No 1. P. 121-147.

Borin A., Mancini M., Taglioni D. Economic Consequences of Trade and Global Value Chain Integration: A Measurement Perspective. 2021. Policy Research Working Paper; No. 9785. Washington, DC: World Bank, 2021. Режим доступа: <http://documents.worldbank.org/curated/en/476361632831927312/Economic-Consequences-of-Trade-and-Global-Value-Chain-Integration-A-Measurement-Perspective>

Brakman S., van Marrewijk C. Tasks, occupations and slowbalisation: on the limits of fragmentation // *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. 2022. Vol. 15. Issue 2. P. 407-436.

Capello R., Cerisola S. Regional reindustrialization patterns and productivity growth in Europe // *Regional Studies*. 2023. Vol. 57. Issue 1. P. 1-12.

Coveri A., Zanfei A. The virtues and limits of specialization in global value chains: analysis and policy implications // *Journal of Industrial and Business Economics*. 2023. Vol. 50. Issue 1. P. 73-90.

Giovanetti G., Marvasi E., Ricchiuti G. The future of global value chains and International trade: an EU perspective // *Italian Economic Journal*. 2023. Vol. 9. No 3. P. 851–867. Режим доступа: <https://doi.org/10.1007/s40797-023-00252-4>

Gopinath G., Gourinchas P. O., Presbitero A. F., Topalova P. Changing global linkages: A new Cold War? IMF Working Papers. 2024. Issue 076.

Historical price of computer memory and storage. Our world in data. Режим доступа: <https://ourworldindata.org/grapher/historical-cost-of-computer-memory-and-storage> (дата обращения: 23 ноября 2024).

Hummels D., Ishii J., Yi K.-M. The nature and growth of vertical specialization in world trade // *Journal of International Economics*. Elsevier. Vol. 54. Issue 1. P. 75-96. June 2001.

Kononenko V. et al. Slowing down or changing track? Understanding the dynamics of “Slowbalisation”. European Parliamentary Research Service, 2020.

Krugman P. Technology and Globalization in the Very Long Run. Stone Center on Socio-Economic Inequality. 2023. Working Paper Series, No. 63.

Linsi L. Speeding up “slowbalization”: The political economy of global production before and after COVID-19 // Global Perspectives. 2021. Vol. 2. No 1.

Marvasi E. Global Value Chain resilience and reshoring during Covid-19: challenges in a post-Covid world // Inequality, Geography and Global Value Chains (pp. 231-262). Cham: Springer International Publishing, 2023.

OECD Data Explorer. Trade in Value Added. Режим доступа: <https://www.oecd.org/en/topics/sub-issues/trade-in-value-added.html> (дата обращения: 16 ноября 2024).

Roudometof V. How should we think about globalization in a post-globalization era? // Dialogues in Sociology. 2024. [Online first].

Stephenson S. Global value chains: the new reality of international trade. Geneva: ICTSD & WEF, 2013.

Thakur-Weigold B., Miroudot S. Supply chain myths in the resilience and deglobalization narrative: consequences for policy // Journal of International Business Policy. 2024. Vol. 7. No 1. P. 99-111.

The Conference Board. The Conference Board International Labor Comparisons. Режим доступа: <https://www.conference-board.org/ilcprogram/index.cfm> (дата обращения: 20 декабря 2024).

Torrens R. An Essay on the Production of Wealth: With an Appendix, in which the Principles of Political Economy are Applied to the Actual Circumstances of this Country. Longman, Hurst, Rees, Orme, and Brown, 1821.

UNCTAD Stat. Merchandise trade matrix, annual | Режим доступа: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/dataviewer/US.TradeMatrix> (дата обращения: 02 ноября 2024).

UNCTAD. Review of Maritime Transport 2021 Режим доступа: https://unctad.org/system/files/official-document/rmt2021_en_0.pdf (дата обращения: 15 декабря 2023).

World Development Indicators. Режим доступа: <https://databank.worldbank.org/reports.aspx?source=2&Topic=14#> (дата обращения: 04 ноября 2024).

Анализ и оценка критического импорта Армении через призму продовольственной безопасности

Восканян М.А., Айрапетян В.Л.

Восканян Мариам Амбарцумовна — д.э.н., доцент, заведующая кафедрой экономики и финансов Российско-Армянского университета (Ереван, Армения).

ORCID: 0000-0002-5417-6648

Айрапетян Виктория Леонидовна — к.э.н., доцент кафедры экономики и финансов Российско-Армянского университета (Ереван, Армения).

ORCID: 0009-0001-7371-5643

Для цитирования: Восканян М.А., Айрапетян В.Л. Анализ и оценка критического импорта Армении через призму продовольственной безопасности // Современная мировая экономика. Том 2. 2024. №4(8). EDN: OUSAUU

DOI: <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2024-2-4-106-123>

Ключевые слова: экономическая безопасность, продовольственная безопасность, критический импорт, развивающаяся экономика, Армения.

Данное исследование опубликовано в рамках научного исследования Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации (ВАВТ Минэкономразвития России).

Аннотация

В условиях развития современной глобальной экономики и с учетом неопределенности, которая усиливается с каждым годом, на первый план во многих странах выходят вопросы национальной безопасности в целом и продовольственной безопасности в частности. Продовольственная безопасность напрямую связана с импортом и его стоимостью по части продуктов питания. Развивающиеся экономики в этом отношении находятся в более уязвимом положении, чем развитые. Целью исследования является оценка продовольственной безопасности Республики Армения в контексте структуры критического импорта продовольствия и путей его сокращения. По итогам анализа продемонстрировано, что Армения находится

в высокой степени зависимости от импорта продуктов питания, что снижает уровень ее продовольственной безопасности и негативно влияет на общую экономическую безопасность страны.

Страна нуждается в пересмотре политики по обеспечению продовольственной безопасности Армении в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

1. Введение: постановка проблемы

Проблематика продовольственной безопасности часто рассматривается в связке с критическим импортом и вообще импортом товаров, которые необходимы любой экономике. В то же время на современном этапе развития глобальной экономики невозможно существование малых открытых экономик без существенной доли импортируемых товаров на внутренних рынках сбыта. На фоне жесткой конкурентной среды на глобальных товарных рынках возможности производителей из малых открытых экономик конкурировать по цене всегда будут ограничены невозможностью пользоваться преимуществами эффекта масштаба. Большая часть стран со средним и низким уровнем дохода сегодня импортирует продукты питания, что доказано многими эмпирическими исследованиями [Valdés and Foster 2012; Stuckler et al. 2012; Andrew et al. 2022], а также самой практикой этих стран.

Такой тренд во многом обусловлен также доминированием транснациональных компаний на глобальных товарных рынках, в том числе и рынке продовольственных товаров [Stuckler and Nestle 2012; Allen 2020; Plahe et al. 2013], что, в свою очередь, во многом является следствием либерализации торговли и отказа от принципов протекционизма на уровне национальных экономик [Kearney 2010; Friel, Hattersley et al. 2013; Friel, Labonte et al. 2013].

Среди факторов, снизивших продовольственную безопасность во многих странах мира, можно отметить сокращение производства в экономике на фоне быстро растущего сектора услуг; высокий уровень конкуренции на глобальных рынках, сокращение доли сельского хозяйства в структуре ВВП практически во всех странах мира и многие другие факторы [Thaman 1982; Hughes and Lawrence 2005; Thow and Snowdon 2010; Farrell et al. 2019]. Наиболее остро эта проблема стоит в развивающихся экономиках, которые, по сути, сегодня являются ключевыми импортерами продовольствия в глобальной экономике [Valdés and Foster 2012].

Экономическая и продовольственная безопасность подразумевают самодостаточность внутреннего производства по части обеспечения продуктов питания. Вместе с тем в условиях высокой турбулентности в глобальной экономике на первый план выходят вопросы, связанные с проблемами выживания в условиях неопределенности, к которым можно отнести и задачу по обеспечению продовольственной безопасности. Для малой открытой экономики полное выполнение этой задачи недостижимо. Однако политика по повышению уровня продовольственной безопасности, безусловно, должна находиться в приоритете для любой малой открытой экономики. В частности, одним из путей достижения этой цели может являться политика по

импортозамещению критически важных с точки зрения продовольственной безопасности товаров [Nassir 2019; Sedova, Ananiev & Ananieva 2018]. Для Армении это актуально в наивысшей степени, что обуславливает выбор темы нашего исследования.

В литературе можно встретить множество исследований, посвященных продовольственной безопасности в контексте развития агропромышленного сектора в экономике, в первую очередь с позиций импортозамещения, в том числе на постсоветском пространстве. Так, в частности, Алтухов, Дрокин и Журавлев [Altukhov, Drokin, Zhuravlyov 2015] в своей работе делают большой акцент на стратегии развития сельского хозяйства с целью импортозамещения продовольственных товаров. В таком же русле изучают проблему продовольственной безопасности Примо Брага [Primo Braga 2006] и Зобов и др. [Zobov et al. 2017]. Многие работы рассматривают упомянутую проблематику под ракурсом расширения внутреннего потребления отечественных товаров [Annunziata & Vecchio 2013; Cardozo, Barreiro & Huenchuñir 2008; Langrell et al. 2015].

Проблема обеспечения продовольственной безопасности в контексте зависимости от импорта продовольственной продукции безусловно заслуживает отдельного изучения, что и было сделано в рамках данного исследования на примере Республики Армения (РА).

2. Продовольственная безопасность в Армении

Обеспечение продовольственной безопасности является одной из важнейших составляющих экономической безопасности страны. Политика в сфере продовольственной безопасности представляет собой комплекс правовых, организационных, материально-технических и иных мер, направленных на обеспечение необходимого качества и достаточного количества продуктов питания, безопасных для здоровья и доступных каждому члену общества, включая наиболее уязвимые слои населения, которые могут быть ими употреблены в любое время и в любой ситуации, в том числе во время чрезвычайных ситуаций и военного положения. Продовольственная безопасность страны обеспечивается главным образом за счет развития сельского хозяйства, производства продуктов питания и систем импорта продовольствия.

Продовольственная безопасность предполагает, что население в любой момент времени имеет физический и экономический доступ к достаточному количеству безопасной пищи хорошего качества, необходимой для активного здорового образа жизни¹. В соответствии с Документом о реформе Комитета по всемирной продовольственной безопасности (КВПБ) основами продовольственной безопасности являются:

- Наличие (продовольствия),
- Доступ,
- Использование,
- Стабильность².

¹ Rome Declaration on World Food Security and the Plan of Actions in Reference to the World Meeting on the Highest Level Concerned with Food Problems. Режим доступа: <https://www.fao.org/3/w3613e/w3613e00.htm>

² UNO Food and Agriculture Organization [Electronic resource]. Режим доступа: <http://www.fao.org/about/ru>

В условиях современных трендов глобальной экономики продовольственная безопасность Армении выступает на первый план. В целях обеспечения системы продовольственной безопасности в стране принят ряд нормативно-правовых актов, среди которых можно выделить:

- Закон РА «Об обеспечении продовольственной безопасности»,
- «Стратегию национальной безопасности Республики Армения»,
- «Концепцию обеспечения продовольственной безопасности Республики Армения»,
- «Стратегию устойчивого развития села и сельского хозяйства Республики Армения на 2010–2020 годы»,
- «Программу мер, вытекающих из Концепции продовольственной безопасности Республики Армения на 2017–2021 годы», утвержденную протокольным решением Правительства Республики Армения №48 от 1 декабря 2016 года, и др.

Основным показателем, определяющим продовольственную безопасность страны, является уровень продовольственного самообеспечения.

Анализ данных национального продовольственного баланса Республики Армения показывает, что в пересчете на энергетическую ценность уровень самообеспечения жизненно важными продуктами питания, по данным 2022–2023 гг., в среднем составил около 50,5%. В Армении достаточно высокий уровень самообеспеченности по картофелю, овощным культурам, фруктам, винограду, мясу баранины и козлятины, яйцам, рыбе, выше среднего уровень самообеспеченности по говядине и свинине, молоку и молочным продуктам. Однако по пшенице, зернобобовым культурам, растительному маслу, мясу птицы уровень самообеспеченности находится на очень низком уровне (см. таблицу 1 на с. 110).

Даже поверхностный анализ данных динамики по товарам первой необходимости позволяет сделать неутешительные выводы. По многим товарам наблюдается не только низкий показатель, но также и тренд к снижению. Так, уровень самообеспечения пшеницей снизился с 33,2% в 2017 г. до 27,9% в 2023 г. Такая же тенденция по снижению наблюдается для зернобобовых культур (с 49,7% в 2017 г. до 35,2% в 2023 г.), растительного масла (в 2023 г. уровень самообеспечения дошел до 0%), сахара (с 65,2% в 2017 г. до 42,8%), свинины (с 58% до 48% в 2023 г.). Помимо отмеченных товаров, уровень самообеспечения по курятине также низок и составляет по состоянию на 2023 г. всего 25,4%.

В международной практике состояние продовольственной безопасности стран оценивается глобальным индексом продовольственной безопасности, который состоит из трех компонентов: наличие, доступность, качество и безопасность продуктов питания, каждый из которых, в свою очередь, формируется несколькими факторами. По состоянию на 2022 г. глобальный индекс продовольственной безопасности Армении³ составил 5,31 (при максимуме среди всех стран на уровне 7,90), в том числе 6,0 по наличию продовольствия, 4,49 по доступности и 4,42 по качеству и безопасности.

³ https://analytics.dkv.global/Global_Food_Security_Report_Q2_2022/Analytical_Study.pdf

Таблица 1. Уровень самообеспечения продовольственными товарами первой необходимости, %

	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Пшеница	33,2	31,5	30,7	24,4	23,2	24,4	27,9
Картофель	102,6	102,6	101,1	101,0	101,7	98,4	99,2
Овощи, бахчевые	102,5	104,7	104	103,9	105,6	102	97,4
Фрукты	109,7	108,9	100,5	98,2	114,4	102	103,1
Зернобобовые культуры	49,7	38,6	38,2	37,3	37,3	26	35,2
Растительное масло	4,3	2,2	1,5	0,9	0,6	0,1	0
Сахар	65,2	68,6	73	38	33,9	91,2	42,8
Яйцо	98,2	99,5	100	100,3	98,8	99,2	98,8
Молоко	91,2	86,8	84,3	82	87,7	83,4	80,2
Говядина	91,5	89,2	90,4	87,3	92,2	89,9	90,7
Свинина	58	53,3	55,5	45,1	53,3	47,3	48
Баранина и козлятина	138,9	128,6	113,8	100,4	100,4	100,4	106,1
Куриятина	22,5	26,6	21,7	23,9	26,7	22,3	25,4
Рыба	101,8	109	113,1	143,7	144,7	148	136,8

Источник: база данных Национальной статистической службы Республики Армения <https://armstat.am/ru/>

Продовольственная безопасность каждой страны считается обеспеченной, если уровень развития экономики гарантирует физическую и экономическую доступность, качество и безопасность продуктов питания, отвечающих нормам здравоохранения для населения. Для обеспечения доступности продуктов питания основными стратегическими направлениями продовольственной безопасности является увеличение расходов на питание в общих затратах, увеличение валового внутреннего продукта на душу населения, тарифное регулирование импорта сельскохозяйственной продукции, снижение уровня бедности, обеспечение продовольственной доступности и полноценного питания различных слоев населения и т.д.

Для обеспечения доступа к продовольствию основными стратегическими направлениями продовольственной безопасности являются: наличие достаточных продовольственных запасов и государственного резерва жизненно важных продуктов питания, предотвращение возможных продовольственных кризисов в чрезвычайных ситуациях, сбалансированное территориальное развитие, наличие необходимой инфраструктуры для нормального функционирования цепочки создания стоимости продуктов питания, производства, хранения и реализации продуктов питания, снижение потерь, происходящих вдоль цепочки, увеличение расходов государства в сфере сельского хозяйства и т.д.

Для обеспечения качества и безопасности пищевых продуктов основными стратегическими направлениями продовольственной безопасности являются: существование стандартов сельскохозяйственной продукции, внедрение стандартов и систем качества и безопасности пищевых продуктов, а также мониторинг и контроль их

обеспечения, совершенствование фитосанитарных и ветеринарно-санитарных условий, наличие национальной стратегии питания, направленной на диверсификацию используемых продуктов питания и обеспечение через пищу белков, витаминов и микроэлементов, необходимых для жизнедеятельности организма и т.д.

Перечисленные направления стратегии продовольственной безопасности Республики Армения могли бы быть включены в новую стратегию и перечень мер по обеспечению продовольственной безопасности Республики Армения, над которыми на данный момент со стороны Министерства экономики Армении ведется работа.

3. Критерии определения критического импорта с точки зрения продовольственной безопасности

В условиях геополитической нестабильности в региональном и глобальном масштабе, усиления и расширения санкций на поставку товаров и оказание услуг со стороны различных стран вопросы определения критических групп товаров становятся все более актуальными.

В современной литературе широко рассматриваются экономические факторы, обуславливающие этот феномен. В работе «Принципы экономической безопасности» Р. Осса [Ossa 2023] говорит о том, что правительства вынуждены искать пути снижения зависимости стран от внешних шоков, находящих свое отражение в нарушениях функционирования глобальных цепочек поставок. Автор отмечает, что 19% мирового экспорта приходится на bottleneck продукцию, поставки которой осуществляются ограниченным числом экспортеров, но при этом на которую приходится большая доля рынка. За последние два десятилетия доля такой продукции удвоилась, что позволяет предположить, что глобальные цепочки поставок со временем стали менее диверсифицированными. По мнению Осса, снижение уровня диверсификации поставок свидетельствует о наличии значимых невозвратных издержек при формировании глобальных цепочек создания стоимости: предприятиям дорого обходится поиск подходящего иностранного поставщика, координация производственных процессов и построение доверительных отношений, поэтому они вынуждены рационализировать свои глобальные стратегии снабжения. Анализируя макроэкономические аспекты, автор отмечает, что специализация на уровне страны является естественным результатом действия сил сравнительного преимущества и классическим источником выгод от торговли. Торговля выгодна именно потому, что она обеспечивает доступ к критически важным продуктам, для которых трудно найти внутренние заменители. Согласно расчетам Осса, 10% наиболее важных продуктов обеспечивают 90% выгод от торговли.

Определение групп товаров, критически важных для экономического развития страны, в последние годы стало одним из основных императивов политики многих государств. Согласно докладу Департамента бизнеса и торговли правительства Великобритании⁴, представленному в январе 2024 г., под критическим импортом

⁴ Critical Imports and Supply Chains Strategy. January 2024. UK Government, Department for Business and Trade. Режим доступа: <https://assets.publishing.service.gov.uk/media/65a6a1c1867cd800135ae971/critical-imports-and-supply-chains-strategy.pdf> (дата обращения: 28.04.2024).

следует понимать ввоз в страну товаров, которые имеют определяющее значение для безопасности и социально-экономического развития страны. В первую очередь это относится к товарам, которые необходимы для работы определенных секторов критической национальной инфраструктуры (транспортной, энергетической и т.д.), а также являются основой обеспечения национальной экономической безопасности. Авторы доклада определяют критические товары как товары, в случае перебоев в поставках которых существует высокая вероятность умеренного или катастрофического вредного воздействия на: а) основные услуги; б) жизнедеятельность населения, включая продовольствие, лекарства и оказание медицинской помощи пациентам; в) экономику (стратегический сектор экономики или экономику в целом, включая те отрасли, которые имеют ключевое значение); г) национальную безопасность, включая функционирование государства и поддержание общественного порядка.

Правительство Японии в 2022 г. разработало руководящие принципы определения стратегически важных товаров, производители которых получают государственную поддержку в рамках инициативы в области экономической безопасности по защите цепочек поставок чипов, медицинских товаров и других ключевых товаров⁵. В мае этого же года в Японии был принят закон об экономической безопасности, определяющий шаги правительства по обеспечению поставок важнейших товаров. В руководящих принципах представлены условия определения критически важных товаров или технологий: товар необходим для выживания людей, товар в настоящее время чрезмерно зависит от внешних поставок, товар уязвим к перебоям в поставках и нуждается в мерах по обеспечению стабильных поставок. К таким товарам были отнесены, в том числе, продовольствие, полупроводники, медицинская продукция и редкоземельные металлы (например, на Тайвань приходится 90% мирового производства чипов, используемых в смартфонах; Китай поставляет 60% редкоземельных металлов, используемых Японией, в результате чего важнейшие компоненты множества технологий остаются уязвимыми из-за геополитических рисков).

В США в рамках президентской программы⁶, направленной на снижение затрат американских семей, заявлено о введении около 30 новых мер по укреплению цепочек поставок, имеющих решающее значение для экономической и национальной безопасности США. Эти меры направлены на обеспечение стабильных поставок критических товаров в промышленности, сельском хозяйстве (продовольствие) и т.д.

Большое внимание во многих странах уделяется вопросам поставок критических минеральных ресурсов, которые обеспечивают основу для промышленного

⁵ Japan sets guidelines for protecting critical supply chains. Режим доступа: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/Supply-Chain/Japan-sets-guidelines-for-protecting-critical-supply-chains> (дата обращения: 28.04.2024).

⁶ FACT SHEET: President Biden Announces New Actions to Strengthen America's Supply Chains, Lower Costs for Families, and Secure Key Sectors. Режим доступа: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2023/11/27/fact-sheet-president-biden-announces-new-actions-to-strengthen-americas-supply-chains-lower-costs-for-families-and-secure-key-sectors/> (дата обращения: 28.04.2024).

развития стран. Глобальные экономические и технологические изменения приводят к долгосрочному увеличению спроса на критически важные минералы. Согласно данным Международного торгового центра⁷, в период с 4-го квартала 2019 по 2-й квартал 2023 г. экспорт критических минералов увеличился на 46%, в то время как объемы мировой торговли всеми продуктами возросли на 20% за этот период. Увеличение экспорта критических минералов наблюдалось во всех регионах мира: в Азии (+63%), Европе (+40%), Тихоокеанском регионе (+42%), Америке (+38%) и Африке (+36%).

Вопросы обеспечения стабильности поставок критических товаров, особенно продовольствия, актуальны как для развитых, так и развивающихся стран [Dou Shiquan, Xu Deyi 2023; Vivoda, Matthews 2023; Eurostat 2024]. Согласно «Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации» (от 30.01.2010), «для оценки состояния продовольственной безопасности в качестве критерия определяется удельный вес отечественной... продукции и продовольствия в общем объеме товарных ресурсов... имеющий пороговые значения в отношении: зерна — не менее 95%; сахара — не менее 80%; растительного масла — не менее 80%; мяса и мясопродуктов (в пересчете на мясо) — не менее 85%; молока и молокопродуктов (в пересчете на молоко) — не менее 90%; рыбной продукции — не менее 80%; картофеля — не менее 95%; соли пищевой — не менее 85%».

Таким образом, можно определить критические товары как товары,

- которые в конкретной стране не производятся или производятся в количестве, недостаточном для удовлетворения внутреннего спроса на них,
- нарушение или прекращение поставок которых окажет серьезное (катастрофическое) влияние на экономическую и в целом национальную безопасность страны.

К основным группам критических товаров следует относить прежде всего продовольствие, лекарственные средства, товары, необходимые для функционирования промышленности (полупроводники, критические минералы, редкоземельные металлы и т.д.).

Анализ географической структуры мирового экспорта основных групп продовольственных товаров (см. рисунок 1 на с. 114) позволяет подтвердить актуальность выводов Осса. Группами товаров с наиболее выраженным эффектом «узкого горлышка» (bottleneck) в 2023 г. стали:

12. Масличные семена и плоды; прочие семена, плоды и зерно; лекарственные растения... — на три страны экспортера-лидера пришлось 64% мирового экспорта;
10. Злаки — 5 стран-лидеров поставили на мировой рынок 46% мирового объема, 10 стран — 70%;
02. Мясо и пищевые мясные субпродукты и 04. Молочная продукция; яйца птиц; мед натуральный; пищевые продукты животного происхождения... — 10 стран-лидеров обеспечивают 69% мирового экспорта по каждой товарной группе.

⁷ Trade in Critical Minerals. Режим доступа: <https://tradebriefs.intracen.org/2023/9/spotlight> (дата обращения: 28.04.2024).

В целом из 19 товарных групп, относящихся, согласно Гармонизированной системе, к продовольственным товарам, в 13 группах более 60% мировых поставок обеспечивается десятью странами. Приведенные данные являются дополнительным фактом, обуславливающим отнесение продовольствия к критически важным товарам.

Рисунок 1. Экспорт продовольственных товаров на мировом рынке согласно Гармонизированной системе⁸, группы стран-лидеров: топ-3 (3 ведущих места в мировом экспорте), топ-5 (5 ведущих мест), топ-10 (10 ведущих мест), % от мирового экспорта, 2023 г.

Источник: база данных Международного торгового центра.

Обеспечение непрерывного импорта критических товаров является одной из составляющих экономической и в целом национальной безопасности страны. В современной литературе единая категоризация критических товаров, применимая для анализа устойчивости экономик различных стран к нарушениям глобальных цепочек поставок, отсутствует, поскольку в каждой стране на государственном уровне формируются ключевые параметры и индикаторы экономической безопасности, зависящие от тех вызовов, которые стоят перед ней, и сложившихся условий ее участия в международных и региональных экономических и политических процессах. Вместе с тем продовольственные товары всегда рассматриваются в качестве критических.

⁸ What is the Harmonized System (HS)? Режим доступа: <https://www.wcoomd.org/en/topics/nomenclature/overview.aspx> (дата обращения: 07.03.2024).

4. Критический импорт Армении с точки зрения продовольственной безопасности

Для выявления критических продовольственных товаров и оценки их доступности на армянском рынке в рамках данного исследования в соответствии с указанными выше критериями будет проведен анализ товарных и географических структур внешнеторгового сальдо и импорта Республики Армения с целью изучения динамики поставок на внутренний рынок РА и определения товарных групп,

- по которым наблюдается отрицательное сальдо внешнеторгового баланса,
- которые постоянно присутствуют в импорте РА,
- которые характеризуются высоким уровнем концентрации поставщиков (индекс Херфиндаля),
- по которым индекс проникновения импорта имеет максимальные значения.

Для оценки уровня концентрации импортных поставок применяют индекс Херфиндаля, который рассчитывается как сумма квадратов доли каждой страны, поставляющей конкретный товар на выбранный рынок. Индекс Херфиндаля может принимать значения от 0 до 1. Значения, близкие к 0, свидетельствуют о высокой степени диверсификации поставщиков, а значения, близкие к 1, демонстрируют высокую степень концентрации (вплоть до единственного поставщика-монополиста). Согласно оценкам Международного торгового центра, индексы Херфиндаля в диапазоне от 0,1 до 0,18 – умеренно концентрированные, а индексы выше 0,18 – концентрированные.

Следует отметить высокий уровень концентрации поставок указанных товарных групп (см. таблицу 2 на с. 115). Индекс Херфиндаля по поставкам в Армению отдельных товаров в 2023 г. составлял:

- по злакам – 0,84; основной поставщик – РФ (93% всех поставок по группе);
- по растительному маслу – 0,98%; основной поставщик – РФ (98%);
- по бобам сушеным – 0,57; основной поставщик – РФ (74%);
- по свинине – 0,56; основной поставщик – Бразилия (70%);
- по мясу птицы – 0,22; основные поставщики – РФ, Украина, Бразилия, США.

Таблица 2. Уровень концентрации импортных поставок продовольственных товаров (индекс Херфиндаля), РА, 2023 г.

Товарная группа		Индекс Херфиндаля
'02	Мясо и пищевые мясные субпродукты	0,2
'03	Рыба и ракообразные, моллюски и прочие водные беспозвоночные	0,15
'04	Молочная продукция; яйца птиц; мед натуральный; пищевые продукты животного происхождения...	0,14
'05	Продукты животного происхождения, в другом месте не поименованные или не включенные	0,4
'06	Живые деревья и другие растения; луковицы, корни и прочие аналогичные части растений...	0,2

Товарная группа		Индекс Херфиндаля
'07	Овощи и некоторые съедобные корнеплоды и клубнеплоды	0,29
'08	Съедобные фрукты и орехи; кожура цитрусовых плодов или корки дынь	0,14
'09	Кофе, чай, мате, или парагвайский чай, и пряности	0,3
'10	Злаки	0,84
'11	Продукция мукомольно-крупяной промышленности; солод; крахмалы; инулин; пшеничная клейковина	0,78
'12	Масличные семена и плоды; прочие семена, плоды и зерно; лекарственные растения...	0,14
'15	Жиры и масла животного или растительного происхождения и продукты их расщепления...	0,6
'16	Готовые продукты из мяса, рыбы или ракообразных, моллюсков или прочих водных беспозвоночных	0,34
'17	Сахар и кондитерские изделия из сахара	0,34
'18	Какао и продукты из него	0,24
'19	Готовые продукты из зерна злаков, муки, крахмала или молока; мучные кондитерские изделия	0,26
'20	Продукты переработки овощей, фруктов, орехов или прочих частей растений	0,16
'21	Разные пищевые продукты	0,22
'22	Алкогольные и безалкогольные напитки и уксус	0,18
'23	Остатки и отходы пищевой промышленности; готовые корма для животных	0,13

Источник: база данных Международного торгового центра.

Среди поставок переработанных продуктов питания с высоким уровнем концентрации импортных поставок на армянский рынок следует выделить товарные группы:

11. Продукция мукомольно-крупяной промышленности; солод; крахмалы; инулин; пшеничная клейковина: основной поставщик — РФ (78% всего импорта по группе);
05. Продукты животного происхождения, в другом месте не поименованные или не включенные — подгруппа 0505. Шкурки и прочие части птиц с перьями или пухом, перья и части перьев (с подрезанными или неподрезанными краями) (индекс Херфиндаля — 0,89): основной поставщик — Италия;
17. Сахар и кондитерские изделия из сахара: основные поставщики — РФ (51%) и Бразилия (28%);
16. Готовые продукты из мяса, рыбы или ракообразных, моллюсков или прочих водных беспозвоночных: основные поставщики — РФ (52%), Канада (24%);
09. Кофе, чай, мате, или парагвайский чай, и пряности: основной поставщик — Индонезия (53%).

Таблица 3 (с. 117) демонстрирует объемы производства и внешней торговли продукцией пищевой промышленности РА.

Таблица 3. Производство и внешняя торговля продукцией пищевой промышленности, РА, млн долл. США

Код	Наименование товара	2022 год				2023 год			
		Баланс	Экс-порт	Им-порт	Произ-водство	Баланс	Экс-порт	Им-порт	Произ-водство
	Продовольственные потребительские товары	-381	857	1238	2137	-412	715	1127	2349
	Продукты питания	-671,9	496,8	1168,7	1630	-701	338	1039	1787
02	Мясо и пищевые мясные субпродукты	-102,8	1,8	104,6		-102	6	108	
03	Рыба и ракообразные, моллюски и прочие водные беспозвоночные	98,0	119,4	21,3		37	54	17	
04	Молочная продукция; яйца птиц; мед натуральный; пищ. прод. животного происхождения	-82,0	32,7	114,6		-70	24	94	
05	Продукты животного происхождения, в другом месте не поименованные...	-11,7	0,2	11,9		-13	1	15	
07	Овощи и некоторые съедобные корнеплоды и клубнеплоды	30,4	71,8	41,4		18	50	32	
08	Съедобные фрукты и орехи; кожура цитрусовых плодов или корки дынь	-38,4	62,5	100,9		-48	49	97	
09	Кофе, чай, мате, пряности	-28,3	23,6	51,9		-35	22	57	
10	Злаки	-148,5	0,7	149,3		-91	0	91	
11	Продукция мукомольно-крупяной промышленности; солод; крахмалы; инулин	-23,9	0,3	24,2		-18	1	19	
12	Масличные семена и плоды; прочие семена, плоды и зерно; лекарственные растения	-17,4	3,6	21,0		-18	3	21	
15	Жиры и масла животного или растительного происхождения и продукты их расщепления	-98,0	7,5	105,6		-65	2	66	
16	Готовые продукты из мяса, рыбы или ракообразных, моллюсков или прочих	-10,2	11,0	21,2		-8	10	18	
17	Сахар и кондитерские изделия из сахара	-60,5	2,5	63,1		-62	2	64	
18	Какао и продукты из него	-47,2	22,9	70,2		-51	21	71	
19	Готовые продукты из зерна злаков, муки, крахмала или молока; мучные конд. изделия	-55,7	5,7	61,4		-60	5	64	
20	Продукты переработки овощей, фруктов, орехов или прочих частей растений	37,9	84,4	46,5		2	55	54	
21	Разные пищевые продукты	-37,3	20,6	57,9		-47	20	67	
23	Остатки и отходы пищевой пром.; готовые корма для животных	-76,1	25,6	101,7		-70	14	84	
	Напитки	291,2	360,0	68,8	507	289	377	88	562
22	Алкогольные и безалкогольные напитки и уксус	291,2	360,0	68,8		289	377	88	

Источник: базы данных Международного торгового центра, Статистической службы РА, Евразийской экономической комиссии.

Пищевая промышленность представляет собой наиболее успешный сектор армянской экономики. Несмотря на отрицательное сальдо внешней торговли по потребительским продовольственным товарам, объем внутреннего производства в 2023 г. составил почти 2,4 млрд долл. США (на 10% больше значения 2022 г.). По продуктам питания также наблюдается отрицательный внешнеторговый баланс, но отечественное производство превышает импорт в 1,7 раза. По напиткам Армения имела положительное сальдо торгового баланса, при этом объем производства напитков в 2023 г. был более чем в 6 раз больше объемов импорта.

5. «Критичность» импорта отдельных товарных групп для Армении на основе Индекса проникновения импорта

Индекс проникновения импорта (Import penetration ratio) является наиболее часто используемым показателем для оценки степени обеспечения внутреннего спроса импортом. Он рассчитывается как:

$$\text{Индекс проникновения импорта} = \frac{\text{Импорт}}{\text{Внутренний спрос}}.$$

Поскольку величина внутреннего спроса определяется как:

$$\text{Внутренний спрос} = \text{ВВП} - \text{Экспорт} + \text{Импорт},$$

то расчет индекса проникновения импорта можно представить в виде формулы:

$$\text{Индекс проникновения импорта} = \frac{\text{Импорт}}{\text{ВВП} - \text{Экспорт} + \text{Импорт}}.$$

Эксперты ОЭСР отмечают, что значения индекса проникновения импорта зависят от размера экономик рассматриваемых стран: большие экономики обычно имеют низкие значения, малые экономики — высокие⁹. Индекс проникновения импорта также рассчитывается и для отдельных отраслей / секторов экономики, в этом случае вместо ВВП используется объем производства продукции по отрасли/сектору (см., например, [Fronczek 2017]).

Индекс может принимать значения от 0 до 1. Значения, близкие к 0, свидетельствуют о практически полном удовлетворении внутреннего спроса за счет внутреннего производства, значения, близкие к 1, — о зависимости от импортных поставок данного товара.

Согласно проведенным расчетам (таблица 4 на с. 119), индекс проникновения импорта по продовольственным товарам в РА за наблюдаемый период имел в 2023 г. следующие средние значения: по продуктам питания — 0,41, по напиткам — 0,32. Рассматривая этот индекс в динамике за 2022–2023 гг., наблюдаем понижение значения индекса по продуктам питания, что обусловлено снижением объемов импорта и одновременным ростом объемов внутреннего производства по данной товарной группе.

⁹ Import penetration // https://stats.oecd.org/oecdstat_metadata/ShowMetadata.aspx?Dataset=CSP6&Coords=%5BSUB%5D.%5BIMPENET%5D&Lang=en

Таблица 4. Индекс проникновения импорта, РА

Наименование группы товаров	2022 год	2023 год
продовольственные потребительские товары	0,49	0,41
продукты питания	0,51	0,42
напитки	0,32	0,32

Источник: рассчитано авторами на основе данных Международного торгового центра, Статистической службы РА, Евразийской экономической комиссии.

По продовольственным товарам в Армении наблюдаются минимальные значения индекса проникновения импорта по сравнению с другими товарными группами. В целом для армянской экономики характерны высокие значения индекса проникновения импорта: от 0,9 и выше. Это говорит о том, что в целом экономика РА зависит от импорта практически всех товарных групп. Поскольку Армения представляет собой малую экономику, то такие результаты можно обосновать ограниченными размерами экономики, отсутствием возможностей для использования эффекта масштаба и т.д.

6. Потенциал поставок продовольственных товаров в Армению из стран ЕАЭС

Участие Армении в ЕАЭС (с 2015 г.), а также длительные и обширные экономические отношения с Российской Федерацией обусловили высокие показатели сотрудничества РА со странами Евразийского экономического союза по всем направлениям: от торговли и инвестиций до туризма и образования. РФ является основным внешнеторговым партнером РА в целом.

На страны ЕАЭС приходится существенная часть поставок продовольственных товаров в РА, причем по отдельным товарным группам доля стран Евразийского экономического союза превышает 90%. По многим товарным группам высока доля РФ в общих поставках в Армению, как это было видно из предыдущего анализа.

В импорте продовольственных товаров в Армению доля стран ЕАЭС в 2023 г. составила 40% (см. таблицу 5 на с. 120), причем по отдельным группам показатель был выше 90%: «10. Злаки и 11. Продукция мукомольно-крупяной промышленности; солод; крахмалы; инулин; пшеничная клейковина». Большая роль стран ЕАЭС прослеживается в поставках в Армению продукции товарных групп «16. Готовые продукты из мяса, рыбы или ракообразных, моллюсков или прочих водных беспозвоночных (56%), 17. Сахар и кондитерские изделия из сахара» (52%) и др.

В таблице 5 (с. 120) не представлена товарная группа «22. Алкогольные и безалкогольные напитки и уксус», поскольку это единственная группа среди продовольственных, по которой Армения имеет положительное внешнеторговое сальдо не только с другими странами ЕАЭС, но и с миром в целом.

Таблица 5. Доля стран ЕАЭС в импорте продовольственных товаров в РА, %, 2023 г.

Товарная группа		%
ПРОДУКТЫ ПИТАНИЯ		40
02	Мясо и пищевые мясные субпродукты	32
04	Молочная продукция; яйца птиц; мед натуральный; пищевые продукты животного происхождения...	36
05	Продукты животного происхождения, в другом месте не поименованные или не включенные	3
06	Живые деревья и другие растения; луковицы, корни и прочие аналогичные части растений; срезанные	1
08	Съедобные фрукты и орехи; кожура цитрусовых плодов или корки дынь	1
09	Кофе, чай, мате, или парагвайский чай, и пряности	7
10	Злаки	92
11	Продукция мукомольно-крупяной промышленности; солод; крахмалы; инулин; пшеничная клейковина	91
12	Масличные семена и плоды; прочие семена, плоды и зерно; лекарственные растения	31
13	Шеллак природный неочищенный; камеди, смолы и прочие растительные соки и экстракты	1
14	Растительные материалы для изготовления плетеных изделий; прочие продукты растительного происхождения...	3
15	Жиры и масла животного или растительного происхождения и продукты их расщепления; готовые пищевые...	77
16	Готовые продукты из мяса, рыбы или ракообразных, моллюсков или прочих водных беспозвоночных	56
17	Сахар и кондитерские изделия из сахара	52
18	Какао и продукты из него	46
19	Готовые продукты из зерна злаков, муки, крахмала или молока; мучные кондитерские изделия	49
21	Разные пищевые продукты	45
23	Остатки и отходы пищевой промышленности; готовые корма для животных	19

Источник: рассчитано на основе данных Международного торгового центра.

Несмотря на такие высокие показатели участия поставщиков из ЕАЭС в импорте РА, с учетом геополитической ситуации в регионе и мире, нарушений цепочек поставок имеет смысл оценить возможности расширения поставок продовольственных товарных групп в Армению из стран Евразийского экономического союза.

С целью выявления продовольственных товарных групп, по которым страны ЕАЭС могут расширить свои поставки на армянский рынок, в работе по каждой товарной группе были рассчитаны такие показатели, как Индекс проникновения импорта и индекс Херфиндаля; сопоставлены объемы импорта в РА из стран ЕАЭС и мира в целом; проанализированы объемы экспорта стран ЕАЭС и их доли в мировой торговле; рассмотрены географические структуры импорта в РА и мирового импорта.

На основе результатов данного анализа были выделены товарные группы, по которым страны ЕАЭС могут расширить свои поставки продуктов питания на армянский рынок — в совокупности на 343 млн долл. США (таблица 6 на с. 121). Больше

всего могут возрасти поставки мясных продуктов — на 74 млн долл. США, кормов для животных — на 68 млн долл., молочной продукции и яиц — на 60 млн долл., какао-продуктов — на 38 млн долл., сахара и кондитерских изделий — на 30 млн долл.

Таблица 6. Потенциал расширения поставок из стран ЕАЭС на рынок РА, 2023 г., млн долл.

	Товарная группа	Импорт РА		Потенциал импорта в РА из ЕАЭС
		Всего	из ЕАЭС	
	ПРОДУКТЫ ПИТАНИЯ			343
02	Мясо и пищевые мясные субпродукты	108	34	74
04	Молочная продукция; яйца птиц; мед натуральный; пищевые продукты животн. происх. ...	94	34	60
10	Злаки	91	83	8
11	Продукция мукомольно-крупяной промышленности; солод; крахмалы; инулин; пшеничная клейковина	19	17	2
12	Масличные семена и плоды; прочие семена, плоды и зерно; лекарст. растения и растения для...	21	6	15
15	Жиры и масла животного или растительного происхождения и продукты их расщепления...	66	51	15
17	Сахар и кондитерские изделия из сахара	64	34	30
18	Какао и продукты из него	71	33	38
19	Готовые продукты из зерна злаков, муки, крахмала или молока; мучные кондитерские изделия	64	31	33
23	Остатки и отходы пищевой промышленности; готовые корма для животных	84	16	68

Источник: составлено и рассчитано авторами на основе базы данных Международного торгового центра.

Проведенный анализ внешнеторговых потоков РА в международном и евразийском направлениях позволяет предположить наличие возможностей создания кластеров на пространстве ЕАЭС с участием армянских производителей в сфере пищевой промышленности. В этой отрасли следует отметить высокую степень зависимости РА от импортных поставок переработанных продуктов питания. С учетом того, что обеспечение продовольственной безопасности является одной из основных составляющих экономической безопасности страны, расширение внутреннего производства переработанных продуктов питания в РА в рамках кооперации с поставщиками из стран ЕАЭС — один из возможных путей сотрудничества.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать выводы, важные для начала решения множества проблем по обеспечению продовольственной безопасности Армении.

Проблема обеспечения продовольственной безопасности для Армении весьма актуальна, в первую очередь в силу недостаточного производства сельскохозяй-

ственной продукции на внутреннем рынке. В частности, вторая арцахская война привела к потере территорий, которые в том числе обеспечивали производство многих сельскохозяйственных товаров, включая зерно.

Вместе с тем анализ импорта продовольственных товаров в Армению указывает на его сильную концентрацию как в географическом, так и в товарном плане, что также является угрозой продовольственной безопасности страны. С одной стороны, наблюдается высокая зависимость Армении от импорта практически всех товаров первой необходимости по линии продовольствия, а с другой — существенная географическая концентрация, которая также несет в себе определенные риски. Армении необходима и диверсификация торгового баланса в целом, но по части поставок продовольствия эту проблему можно отнести к сфере обеспечения экономической безопасности.

В этой связи представляется необходимым разработка стратегии обеспечения экономической безопасности Армении, и в частности анализ и оценка продовольственной безопасности страны, в том числе и для снижения зависимости от критического импорта, которая была выявлена в рамках данного исследования.

Библиография

- Allen L.N. Commercial determinants of global health // Handbook of Global Health / R. Haring et al. (eds.). Cham: Springer, 2020. P. 1–37.
- Altukhov A.I., Drokin V.V., Zhuravlyov A.S. Food Security and Import Substitution: Major Strategic Objectives of Contemporary Agricultural Policy // R-Economy – Elektronik Scientific Economic Journal. 2015. Vol. 1. Issue 3. P. 487–494.
- Andrew N.L., Allison E.H., Brewer T., Connell J., Eriksson H., Eurich J.G., Herrero M. Continuity and change in the contemporary Pacific food system // Global Food Secur. 2002. No 32. Article 100608.
- Annunziata A., Vecchio R. Functional Foods Market and Consumer Perspective // Current Nutrition & Food Science. 2013. Vol. 9. No 4. P. 260–270.
- Cardozo T., Barreiro E.J., Huenchuñir P. Functional foods. Reflexions of a scientist regarding a market in expansion // Rev SocQuímPerú. 2008. Vol. 74. No 2. P. 138–147.
- Dou Shiquan, Xu Deyi. The security of critical mineral supply chains // Mineral Economics. 2023. No 36. P. 401–412. Режим доступа: <https://doi.org/10.1007/s13563-022-00340-4>
- Eurostat. International trade in critical raw materials. 2024. Режим доступа: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=International_trade_in_critical_raw_materials (дата обращения: 28.04.2024).
- Farrell P., Thow A.W., Schuster S., Vizintin P., Negin J. Access to a nutritious diet in Samoa: local insights // Ecol. Food Nutr. 2019. P. 1–18.
- Friel S., Hattersley L., Snowdon W., Thow A.M., Lobstein T., Sanders D., Kelly B. Monitoring the impacts of trade agreements on food environments // Obesity Reviews. 2013. No 14. P. 120–134.
- Friel S., Labonte R., Sanders D. Measuring progress on diet-related NCDs: the need to address the causes of the causes // Lancet. 2013. Vol. 381. Issue 9870. P. 903–904.

- Fronczek M. Import penetration rate in view of a new concept of measuring foreign trade // *Argumenta Oeconomica*. 2017. No 38. P. 285–297. DOI: 10.15611/aoe.2017.1.11.
- Hughes R.G., Lawrence M. Globalisation, food and health in Pacific Island countries // *Asia Pac. J. Clin. Nutr.* 2005. Vol. 14. No 4. P. 298–305.
- Kearney J. Food consumption trends and drivers // *Phil. Trans. Biol. Sci.* 2010. No 365 (1554). P. 2793–2807.
- Langrell S.R.H., Ciaian P., Mary S., Paloma S.G. The role of The Eurasian wheat belt to regional and global food security. Technical Report by the Joint Research Centre the European Commission's inhouse science service, 2015.
- Nassir A.M. Volunteerism culture among AL-Muthanna University Students: An Anthropological Study // *Opción*. 2019. Vol. 35. No 21. P. 401–413.
- Ossa R. Pillars of Economic Security // *Finance & Development*. A Quarterly Publication of the International Monetary Fund. 2023. Vol. 60. No 2.
- Plahe J.K., Hawkes S., Ponnampertuma S. The corporate food regime and food sovereignty in the Pacific Islands // *Contemp. Pac.* 2013. P. 309–338.
- Primo Braga C.A. Import substitution industrialization in Latin America: Experience and lessons for the future. Paper presented at the Seminar in honor of Professor Werner Baer, held at the University of Illinois, Urbana-Champaign. 2006. Режим доступа: https://link.springer.com/chapter/10.1057/9780230297388_4 (дата обращения: 15.10.2019).
- Sedova N.V., Ananiev M.A., Ananieva O.M. The effect of Russia's in-progress import substitution strategy on its agri-food security // *Revista Espacios*. 2018. Vol. 39. No 45. P. 21.
- Stuckler D., Nestle M. Big food, food systems, and global health // *PLoS Med.* 2012. Vol. 9. No 6. Article e1001242.
- Thaman R.R. Deterioration of traditional food systems, increasing malnutrition and food dependency in the Pacific Islands // *Journal of Food and Nutrition*. 1982. Vol. 39. No 3. P. 109–121.
- Thow A.M., Garde A., Winters L.A., Johnson E., Mabhala A., Kingston P., Barlow P. Protecting noncommunicable disease prevention policy in trade and investment agreements // *Bull. World Health Organ.* 2022. Vol. 100. No 4. P. 268.
- Valdés W.F. Net Food-Importing Developing Countries: Who They Are, and Policy Options for Global Price Volatility. ICTSD Programme on Agricultural Trade and Sustainable Development. Geneva: ICTSD, 2012. P. 43.
- Vivoda V., Matthews R. “Friend-shoring” as a panacea to Western critical mineral supply chain vulnerabilities // *Mineral Economics*. 2023. Vol. 37. No 3. Режим доступа: <https://doi.org/10.1007/s13563-023-00402-1>
- Zobov A.M., Degtereva E.A., Chernova V.Yu., Starostin V.S., Golodova Zh.G. Analysis of the Agro Risks of Import Substitution of the Food Production // *Journal of Environmental Management and Tourism*. 2017. Vol. 8. No 3. P. 648–656.

Политика БРИКС в сфере интеллектуальной собственности: почему она необходима и как может выглядеть

А. Фриман

Алан Фриман — научный сотрудник Университета Гринвича (Великобритания) и Университета Манитобы (Канада).

DOI: <https://doi.org/10.17323/2949-5776-2024-2-4-124-137>

1. Введение

В этой статье мы исследуем вопрос независимой политики БРИКС в сфере интеллектуальной собственности. Под политикой я подразумеваю набор соглашений и законов, нацеленных на обеспечение взаимовыгодного обмена и использования технологических продуктов и продуктов творческой деятельности между странами и внутри них. Под независимостью я подразумеваю отсутствие ограничений, налагаемых существующими нормами регулирования на участников Всемирной торговой организации (ВТО) или Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС). По моему мнению, необходима новая общемировая система интеллектуальной собственности, которая со временем должна стать доминирующей в суверенных государствах. Зарождающиеся институты БРИКС обладают оптимальной позицией для формирования подобной системы и претворения в жизнь.

Чтобы избежать недопонимания, подчеркну: независимый не означает односторонний. Эта статья призвана стимулировать обсуждение принципов, решения о том, когда и как они могут быть реализованы, находятся в компетенции соответствующих политических институтов. Параллельно существует система мировой торговли, номинированная в долларах. В обоих случаях сейчас есть отличная возможность для альтернативы, которая пойдет на пользу всему человечеству. Но необходимые практические шаги должны быть выработаны странами с различными системами и интересами, которые, осознавая будущие выгоды, готовы будут внести свой вклад в выработку новой системы.

Таким образом, иная система в сфере интеллектуальной собственности так же важна и необходима, как и новая система торговли.

2. Интеллектуальная собственность и однополярный момент

1995 год стал решающим для формирования однополярного мира. Была создана ВТО как инкарнация идеала, основанного на правилах международного торгового порядка, которая получила превосходство над юрисдикциями национальных государств. Участие в этом порядке, называемом также вашингтонским консенсусом, стало краеугольным камнем внешней политики США, пока американские политики не стали отшатываться от последствий вступления в ВТО Китая.

Сейчас очевидно, что конструкция начала разрушаться вскоре после того, как была построена. Не будем останавливаться на причинах произошедшего, поскольку наше предложение не зависит от того, почему так случилось. Нам важно, что делать теперь. Остановимся только на одном пункте, который осознают в значительно меньшей степени, чем того требует история. Это создание параллельно с ВТО еще одной структуры, которая не была предусмотрена в 1947 г., — Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС).

Изначально, в 1970 г., ВОИС представляла собой неэффективную дискуссионную площадку всего с 23 участниками. В 1995 г. она трансформировалась во влиятельную многостороннюю организацию, «основанную на правилах», приблизительно с двумястами участниками. Организация была интегрирована в систему ВТО, но действовала как самостоятельный орган.

ВОИС кодифицировала и институционализировала практики, которые формировались на протяжении определенного времени. Но в отличие от ВТО, продолжателя Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ) 1947 г., ВОИС не реализовывала какие-либо ранее согласованные предложения — она создавала нечто новое. И это новое, по моему мнению, не менее важный элемент нынешнего миропорядка, чем доминирование доллара.

3. Как ВОИС определяет интеллектуальную собственность?

Глобальные мировые рынки существовали и раньше — например, на рубеже веков или, хотя с этим можно поспорить, в эпоху мировой торговой системы османов. Но когда история повторяется, она либо вводит новые элементы, либо трансформирует старые настолько, что они становятся полной противоположностью самим себе. Воссоздание мирового рынка повлекло за собой два новых явления в отношениях собственности: Генеральное соглашение по торговле услугами (ГАТС) и Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС), которые были призваны создать мировой рынок знаний.

ВОИС трансформировала понятие «расширение торговли» по сути в «ограничение торговли»¹. Изначально назначение интеллектуальной собственности состояло в распространении технологий и защите их создателей. Функция же ВОИС заключалась в ограничении распространения и защите владельцев. С этой целью она на-

¹ Изначально осознание этого противоречия возникло у Л. фон Мизеса, и австрийская школа экономической науки продолжает настаивать на нем на фундаментальных основаниях. См., например, [Wisuniewski 2020].

вязывает создателям права владельца и закрепляет их способность препятствовать использованию их технологий другими лицами. Она подчиняет неотъемлемое право человека на создание знаний монополии на их использование.

БРИКС нужно искать альтернативу, которая защитит создателей, будет продвигать распространение технологий и обеспечит доход тем, чье существование зависит от этой деятельности.

Как работает ВОИС? Она изменила способ торговли продуктами с «ментальным содержанием»².

- Она установила универсальный закон, который применялся в отношении всех стран, независимо от их национальных интересов или особенностей. Страны лишились права собственности на свои природные ресурсы — например, их сельскохозяйственные системы превратились в «продукт» фармацевтических компаний, — и они потеряли право использовать свои ресурсы на благо собственного народа. Это привело к скандальным результатам, которые стали очевидны во время пандемии коронавируса, но были заметны при лечении СПИДа — население оказалось лишено доступа к непатентованным или импортным препаратам, которые «нарушали» право интеллектуальной собственности. Фундаментально страны потеряли суверенное право использовать технологии в соответствии с нуждами общества, особенностями культуры и существующим уровнем развития.
- Она изменила *срок действия* прав интеллектуальной собственности до 70 лет, т.е. он вышел за рамки активной жизнедеятельности обычного человека. Это существенно увеличило продолжительность защиты, обеспечиваемой патентом, которая в большинстве стран обычно составляет 10–15 лет. Была законодательно закреплена широко распространенная в США практика «блокирующих патентов» — их задействуют не в вопросах производства, а чтобы препятствовать использованию технологий другими. По сути, был отменен преобладающий принцип «используй, или потеряешь».
- Произошло слияние двух совершенно разных типов интеллектуальной собственности: патента и авторского права. Патент был призван *стимулировать инновации*, так как позволял изобретателям получать достаточную прибыль, чтобы покрыть свои расходы. Авторское право (как говорит нам его французское название *droit d'auteur*) было призвано *обеспечивать доход авторам*. В результате творчество стало корпоративным, а не личным правом, что создало условия для «рабских контрактов»³, обязывающих арти-

² См.: [Бодрунов 2022 (a, b, c)].

³ Выражение «рабский контракт» (slave contract) ввел в употребление Джордж Майкл в споре с корпорацией Sony Music Entertainment (UK) Ltd., с которой он подписал пожизненный контракт, запрещавший ему исполнять любые собственные произведения, за исключением случаев, разрешенных Sony. В 1992 г. музыкант подал в суд на Sony, но в 1994 г. Высокий суд Лондона вынес решение не в его пользу, постановив, что такой тип контракта является нормальным для индустрии развлечений. Незадолго до смерти Майкл выпустил документальный фильм «Свобода», где подробно осветил этот вопрос. Фильм можно посмотреть по ссылке: <https://www.dailymotion.com/video/x6lxlra>. Подробнее см.: [Coulthard 1995].

стов отказываться от своих прав на выступления как единственного способа обеспечить стабильный доход.

- *Обязанность применять* новую технологию заменило *право предотвращать* ее использование другими. Предотвращение нарушений стало основным источником новой индустрии судебных разбирательств. В результате произошла вепонизация интеллектуальной собственности, в особенности со стороны США в политической борьбе с Китаем. Главное обвинение, выдвигаемое США в битвах с Huawei, TikTok и другими, заключается в том, что Китай «крадет» американские технологии. Это, в свою очередь, тесно связано с обвинением в том, что интересы национальной обороны США находятся под угрозой из-за разработки Китаем собственных технологий. Тут мы видим фундаментальное противоречие с прежними принципами просвещения, согласно которым доступ к знаниям является правом всех людей.

4. Откуда возникла ВОИС

Изменения не стали следствием какого-то естественного процесса или консенсуса о том, что они приведут к взаимной выгоде. Это был результат системной и хорошо финансируемой кампании конкретных американских лобби. Права интеллектуальной собственности стали центральным аспектом общей кампании США в сфере торговли, которую Бхагвати (1993) назвал «агрессивным односторонним подходом». В основе лежит раздел 301 Закона о торговле и тарифах 1974 г., ключевого элемента американского торгового законодательства. Основные принципы были доработаны в разделах 301–306 в 1984 г. и в разделах 301–310 Сводного закона о торговле и конкурентоспособности 1988 г. Закон до сих пор действует.

Раздел 301 вызвал недовольство, поскольку предусматривал, что США могут предпринимать односторонние обязывающие действия для обеспечения соблюдения договоренностей, согласованных ГАТТ, независимо от того, были ли уже реализованы прописанные в соглашении процедуры. Таким образом, США поставили себя выше тех же международных правовых рамок, из которых они черпали оправдание своих действий и утверждений о том, что их партнеры имели перед ними торговые обязательства. Положения разделов Super-301 и Special-301 вывели ситуацию на новый уровень. Бхагвати (1993) отмечает: «Super-301 требовал от торгового представителя США подготовить перечень внешнеторговых барьеров, создать приоритетный список стран и их необоснованных практик, а затем установить сроки их устранения зарубежными партнерами, а в случае невыполнения — принять решение об ответных мерах со стороны США. Special-301 аналогичен в части установления четких сроков, но касается конкретно прав интеллектуальной собственности».

Далее он подчеркивает: «Раздел 301 характеризуется (уникальный факт) тем, что позволяет Соединенным Штатам в одностороннем порядке требовать торговых уступок от других, не предлагая никаких сопоставимых уступок, которых от них могли бы потребовать взамен».

Права интеллектуальной собственности делятся на три категории: товары с товарными знаками (дизайнерская и брендовая продукция), товары, защищенные

авторским правом (художественные материалы) и патентные товары (промышленные процессы и их продукты). Законодательство об авторском праве было значительно расширено, так что теперь включает программное обеспечение. Объединение этих трех категорий означает, по сути, всеобщее отчуждение ментальных продуктов и их трансформацию в особую рыночную сущность. Патент, авторское право или товарный знак подразумевает право производить «что-то», определяемое не тем, что это такое или что оно содержит, а знаниями или информацией, которые его отличают. Программное обеспечение, самая продвинутая форма прав интеллектуальной собственности, практически не предполагает какого-либо материального продукта. По сути, продается законное право (или лицензия) на использование программного обеспечения в ваших собственных производственных процессах.

Права интеллектуальной собственности, как и ГАТС, определяют торговые барьеры с точки зрения внутреннего правового режима США. США открыто стремились и через ВТО добились изменений во внутренних правовых системах своих торговых партнеров и конкурентов, чтобы гармонизировать их законы об авторском праве и патентах со своими собственными и таким образом искоренить то, что они называют «пиратством», т.е. изготовление копий. Именно из-за этой необходимости американцы отказались от существовавшей двусторонней структуры в сфере интеллектуальной собственности в пользу органа под эгидой ООН, известного как Всемирная организация интеллектуальной собственности (ВОИС). ВОИС действовала на основе старого принципа ГАТТ о недискриминации, как деликатно объясняет Маскус (1993. Р. 82): «Преобладающим принципом политики ВОИС является национальный режим, который требует от стран не проводить дискриминацию между отечественными и иностранными фирмами в сфере прав интеллектуальной собственности. Однако этот принцип не мешает уровню защиты быть слабым, если того пожелает конкретная страна».

США при этом стремились к тому, чтобы пожелания страны не имели значения. До Уругвайского раунда Индия предоставляла семилетнюю патентную защиту для процессов фармацевтического производства и не давала никакой защиты для фармацевтических продуктов; как член ВТО она была обязана расширить защиту до двадцати лет, что было прописано в поправках 2005 г. к Закону о патентах 1970 г. Это было сделано для того, чтобы соответствовать Соглашению ТРИПС (Торговые аспекты прав интеллектуальной собственности) ВТО, которое требовало от стран-участниц установить режим патентования продукции для всех технологических областей, включая фармацевтику и химикаты, к 1 января 2005 г. Проще говоря, законодательство запретило Индии лечить своих больных, в то время как ТРИПС лишили индийский народ суверенного права что-либо с этим делать.

Так можно проиллюстрировать нашу основную мысль: подобное «расширение» рынка требует ограничения производства. Американских производителей, подерживавших раздел Super-301, беспокоила не защита рынков США от потоков поддельных часов Gucci и пиратских компакт-дисков, гораздо важнее было не позволить другим странам самим производить такие же или аналогичные продукты для собственного использования. В 1989 г. США экспортировали товаров, чувствительных к правам интеллектуальной собственности, на сумму 58,8 млрд

долл., что составило 16,1% от их общего объема экспорта, в то время как Бразилия экспортировала на 2,0 млрд долл., т.е. 0,2% совокупного импорта США, и импортировала на 2,4 млрд долл., что составило 13,1% ее собственного импорта⁴.

5. Почему БРИКС?

Как следует из вышеизложенных соображений, результаты реализации современной системы защиты прав интеллектуальной собственности оказались пагубными. Можно ли ее улучшить? Именно здесь актуальность БРИКС выходит на первый план. До сих пор мы показывали, что в основе современной мировой торговой системы, переосмысленной в ГАТТ 1995 г., лежит концепция интеллектуальной собственности, которая была определена не общими интересами человечества или наций, а частными интересами лобби в рамках одной страны — США, которое разработало эту концепцию для сохранения и укрепления прав американских монополистов, доминирующих в сфере высоких технологий, и приняло ее в качестве закона США, а затем институционализировало в положениях ВТО.

Как можно найти альтернативу, которая была бы действительно выгодна всем заинтересованным сторонам? Я полагаю, что соответствующие принципы весьма схожи с принципами разработки справедливой и выгодной системы торговли и финансов, которая освободит страны мирового большинства от гегемонии доллара США. Во-первых, как должны быть разработаны принципы, регулирующие торговлю? Конечно же, не путем предоставления возможности одной нации диктовать их. Необходимо решать эту проблему совместными усилиями.

Во-вторых, в какой степени такие организации, как ВОИС или ВТО, подходят для управления по согласованным принципам? Как и в случае с финансами, основная проблема заключается в том, что национальные требования различаются, и необходимо учитывать совершенно разные национальные требования и уровень развития каждого партнера по любому соглашению, которое может быть достигнуто, однако в рамках общих принципов. Это не тот же самый метод ВТО, который, по сути, заключается в том, чтобы разработать единый для всех закон, а затем создать сложную арбитражную систему, которая неизменно работает в пользу более богатых стран [Freeman 1998b].

И последнее, но не менее важное: любая новая система должна устранить исторически сложившееся неравенство, которое в значительной степени обуславливает очень заметные различия между странами в отношении их национального дохода и развития. Это неравенство заключается, по сути, в укоренившейся монополии на высокотехнологичное производство в рамках того, что я называю «Колумбийскими нациями» [Freeman 2024] — альянса США, Западной Европы, Японии и бывших колоний Великобритании, который в настоящее время доминирует в мировой политической экономике.

БРИКС, пока он формируется, обеспечивает превосходную основу для разработки подлинно многополярного альтернативного подхода к интеллектуальной

⁴ UN Yearbook of International Trade Statistics. Цит. по: [Maskus 1993].

собственности. Как было отмечено на информационном портале БРИКС [BRICS 2025] в тот момент, когда ОАЭ объявили о своем решении о присоединении к группе, «БРИКС и Объединенные Арабские Эмираты разделяют общую цель создания более справедливого и сбалансированного глобального порядка, в котором экономические и политические интересы всех стран ценились бы наравне с интересами традиционных западных держав. В основе этого видения лежит идея отхода от устаревшей модели глобального управления, в которой доминируют несколько развитых стран, и перехода к многополярной системе, в которой больше внимания уделяется государственному суверенитету и равенству. Внешнеполитическая позиция стран БРИКС направлена на создание условий, при которых не только крупные западные экономики, но и развивающиеся страны могли бы на равных участвовать в решении глобальных проблем. Этот подход нашел отражение в таких инициативах, как Новый банк развития и механизмы сотрудничества БРИКС, которые предоставляют развивающимся странам доступ к финансовым ресурсам и альтернативу западным финансовым институтам».

Мои аргументы сводятся к тому, что разработка новых рамок для определения и управления правами интеллектуальной собственности относится к числу вопросов, которые партнеры по БРИКС должны обсудить между собой.

6. Продвижение и вознаграждение как альтернатива ограждению и порабощению

Какие принципы могли бы лежать в основе новой системы интеллектуальной собственности?

Когда была создана нынешняя, по сути, также была создана новая категория товара — сами знания. Лоббисты раздела Super-301 — узкая часть даже американского общества, навязали миру институт и набор универсальных законов, которые давали им экстерриториальное право криминализировать передачу и применение знаний.

Возможно, если бы можно было продемонстрировать преимущества такой меры, применяемые методы были бы простительны. Однако анализ результатов показывает, что это не тот случай. Нации лишились продовольственного суверенитета, дарованного им природой, превратив геном этого продукта поколений в собственность иностранцев. Это привело к ненужным страданиям и смертям в период пандемий СПИДа и коронавируса. Это также способствовало вепонизации интеллектуальной собственности в рамках торговой войны администрации США с Китаем. И что, пожалуй, наиболее показательно, результатом является заметное *замедление* темпов роста производительности в технологически развитых странах⁵.

Эти неудачи являются основой аргумента данной статьи о том, что права интеллектуальной собственности не стали шагом вперед даже по сравнению с прошлыми формами интеллектуальной собственности, которые, хотя и требовали улучшения, по крайней мере обеспечивали элементарные стимулы для новатора

⁵ См.: Freeman A. The Geopolitical Economy of International Inequality // Development and Change. 2024. Feb. 23. Режим доступа: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/dech.12812>

и независимость для создателя, не ограничивая распространение технологий и не лишая создателей дохода.

Они также не являются шагом вперед по сравнению с тем, что возможно сейчас. Новые технологические разработки, в частности (но не исключительно) системы с открытым исходным кодом, открытым доступом и открытыми инновациями, демонстрируют, что существуют совершенно другие и лучшие способы достижения как первоначальной цели систем патентов и авторских прав, так и современных целей, которые было либо невозможно сформулировать, либо достичь в прошлом. Поразительные достижения DeepSeek лишь подчеркивают потенциальные преимущества того, что, как я утверждаю [Freeman 2025], по сути, является новой технологией, требующей новой формы собственности.

Чтобы определить и внедрить лучшую систему, полезно, если не обязательно, сформулировать ее цели. В целом страны, конечно, должны стремиться к достижению двойной и взаимосвязанной цели — повышению благосостояния и счастья своих народов и приобретению суверенитета над своим развитием. Но как в это встраиваются права интеллектуальной собственности?

Я предлагаю определить основную функцию новой системы интеллектуальной собственности как продвижение и вознаграждение.

- Что касается научных и технических открытий, это означает стимулирование быстрого распространения и применения этих открытий посредством метода поощрения тех, кто играет в этом активную роль. В первую очередь поощрения заслуживают те, кто заставляет знания работать, т.е. производители. Здесь акцент делается на «продвижении»: главной проблемой национального развития является применение и использование технологий в конкретных условиях страны.
- Вторая категория со своими отличительными характеристиками включает «творческие индустрии»⁶: все формы творческой деятельности, которые расширяют человеческий опыт, будь то более традиционные формы искусства, музыки, танца или театра, или бесчисленное и постоянно растущее число новых, основанных на ИКТ продуктов, будь то фильмы, видео, игры, приложения и социальные сети. Здесь основное «вознаграждение»; как свидетельствуют все, кто работает в этом секторе, главная трудность состоит в том, чтобы обеспечить авторам доход, который не только дает им средства к существованию, но и поддерживает их способность творить: позволяет развивать свои навыки, создавать сети единомышленников для производства и находить свою аудиторию.

Продвижение и вознаграждение — две стороны одной медали. Если новое открытие или форма искусства не будут использованы, доход, необходимый для поддержания их создателей, не появится. И наоборот, если производители не имеют возможности творить, не возникнут ни открытия, ни искусство.

Но если посмотреть с мировой точки зрения, то, очевидно, необходима такая система отношений между странами, которая допускала бы как специализацию,

⁶ [Bakhshi et al. 2013].

так и обмен. Ни одна нация не может быть в авангарде всех форм и практик искусства и науки; однако они могут вступить в согласованные отношения друг с другом, которые предусматривают создание международной системы, отвечающей основным целям.

Способствуют ли этому права интеллектуальной собственности? Доказательства могут быть двух типов. Во-первых, что на самом деле делают права интеллектуальной собственности, и, во-вторых, что было, есть и чего можно достичь без них.

Первой определяющей особенностью прав интеллектуальной собственности является то, что они передают все *обязанности* по управлению знаниями от людей, которые их производят и используют, к тем, кто может получить ренту от владения ими. Это форма ограждения, а не продвижения.

Вторая определяющая особенность заключается в том, что они передают все права в одинаковой степени. Последствием является тот факт, что производители не имеют гарантированного дохода и права на средства к существованию, которые позволили бы им продолжать функционировать в качестве производителей. Все, что они делают, — от дохода, полученного от их искусства или открытия, до самого права на их производство, — зависит от воли и решения тех, кто заключает контракт на их услуги или приобретает права на них.

Эту комбинацию, полагаю, следует обозначить как ограждение и порабощение.

7. Распределенная собственность: фундаментальный принцип многополярной политики в сфере интеллектуальной собственности

Множество предложений по улучшению системы прав интеллектуальной собственности уже было выдвинуто, не в последнюю очередь из-за разочарования и разрушения, вызванных системой ВОИС. Конкретное направление, которое я хочу обосновать, — это идея *распределенной собственности*, предложенная Сергеем Бодруновым (2018) как часть общей концепции ноономики.

Начнем с уже отмеченного выше факта: права интеллектуальной собственности во всей полноте передают права и обязанности производителей владельцам. Более того, они не делают ничего для исправления одного из признанных недостатков системы патентов и авторских прав, а именно: они никак не обеспечивают права потребителя — более широкой категории, чем можно было бы подумать, поскольку в число потребителей технологий входят целые народы, а следовательно, их государства и правительства, — и на практике действуют как барьер для приобретения широкой публикой (просто подумайте, насколько дорого стоит купить книгу, не говоря уже о применении технологии, и суть станет ясна).

Иными словами, права интеллектуальной собственности создают монополию на все права и обязанности независимо от производителей и потребителей и передают их юридическому лицу, не имеющему конкретного или юридически определенного интереса ни в чем, кроме потока доходов.

Традиционной альтернативой монополии — обладанию единственным источником продукта — является конкуренция, создающая множество источников

одного и того же продукта. Все это довольно легко определить в отношении материальных продуктов, таких как продовольствие, сырье, оборудование, дома и т.д., но совершенно неясно, что подразумевается под «источниками» продукта, который по своей природе находится в свободном доступе. Это потому, что результаты умственного производства⁷ гораздо дешевле воспроизводить, чем производить — настолько, что многие авторы, в частности Александр Бузгалин и Андрей Колганов⁸, считают такие продукты частью «креатосферы», элементы которой должны быть полностью доступны всем.

Проблема этой концепции — «вознаграждение» в паре «продвижение и вознаграждение». Система, которая позволяет пользоваться творческими продуктами, должна обеспечивать производителей средствами к существованию; она не может обслуживать только пользователей. Законодательство о защите прав интеллектуальной собственности содержит однобокий, но четкий ответ на эту проблему: средства к существованию должны финансироваться из прибыли: «Если инновация имеет экономическую ценность, но ее легко имитировать, конкурирующие фирмы будут копировать и продавать ее, получая долю потенциальной прибыли. На конкурентных рынках возникнет достаточно дублирования, чтобы уничтожить всю прибыль... Права интеллектуальной собственности пытаются решить эту проблему, предоставляя инновационной фирме исключительное право, или монополию, на продажу или использование продукта или технологии. Патенты, товарные знаки, авторские права и другие формы прав интеллектуальной собственности ограничивают доступ рынка к инновациям и повышают их цену» [Maskus 1993. P. 72].

Трудность здесь обратна проблеме креатосферы, но ведет к тому же результату. «Исключительное право» продавать или использовать результаты творческого труда не дает ни стимула, ни обязанности обеспечивать существование этого творческого труда.

К сожалению, мы плохо понимаем разницу между описанной выше монопольной системой, характерной для ментальных продуктов, и системой заработной платы. При системе заработной платы работодатели обязаны обеспечивать средства к существованию своим сотрудникам, хочет он этого или нет, поскольку он не может производить продукт без работников, которых он должен найти на

⁷ Я называю это «ментальными объектами». Другие авторы используют широкий набор терминов, в том числе «знание», «информация» и не в последнюю очередь «культура». Я использую термин «ментальный объект» для определения любой идентифицируемой нематериальной вещи, которая может существовать в различных материальных формах и переходить из одной формы в другую без потери идентификации. Например, математическая теорема может существовать в виде письменного текста, устной презентации или в мозге студента, лектора, исследователя или техника; песню можно напечатать, спеть, записать, передать в эфире или запомнить; в любом случае это одна и та же песня. Кстати, язык сам по себе является ментальным объектом и хранилищем древнейших сокровищ, дошедших до нас из древности, — будь то саги, священные тексты, научные тома, открытия, записи или систематизированные ремесленные навыки. См.: [Freeman 2020].

⁸ С глубоким прискорбием говорю здесь о своем вечном долге перед Сашей Бузгалиным, кончина которого стала невосполнимой утратой для всех нас. См., например: Гринберг Р.С., Бузгалин А.В. Старая модель развития себя исчерпала. Куда движется мир? // Россия и современный мир. 2015. № 2. С. 30–43.

рынке и заплатить за них. Таким образом, система заработной платы закрепляет существование класса производительных работников.

Но права интеллектуальной собственности не закрепляют существование класса творцов. Владелец права интеллектуальной собственности не обязан финансировать тех, кто создает ему доход. Ему нужно, чтобы те, кто это делает, дали ему долю. Финансировать производителей своего дохода — это помеха, а не стимул или тем более обязанность. Как феодал-землевладелец стоял между фермером и его работником, забирая свою долю и уменьшая доходы обоих, так и владелец прав интеллектуальной собственности стоит между производителями творческих продуктов и предпринимателями, которые реализуют их работу на практике.

Здесь концепция распределенной собственности предлагает шаг вперед. Современный юридический смысл собственности заключается в том, что все права и обязанности принадлежат одному юридическому лицу. В римском праве это называлось *Jus utendi et abutendi*, т.е. право пользования и использования, и отличалось от *Jus utendi*, права пользования. Право собственности может быть нарушено, например, когда закон штрафует загрязнителя, но когда спор передается в суд, есть две стороны: владелец и истец.

Если собственность совместная, все иначе. Когда корпорация решает, как распорядиться своими активами, вопрос регулируется всеми сторонами — обычно путем голосования акционеров. Но кто должен «владеть» знанием? Кто должен участвовать в принятии решения о том, что с ним делать? Понятно, что это его пользователи и его производители. Если пользователи не примут участия, их права не будут защищены. Но если производители не получают права голоса, продукт даже не будет создан.

Юридический вопрос, как закон должен решать проблему управления знаниями, становится следующим: какая форма юридической собственности наилучшим образом гарантирует, что знания создаются и используются? Сразу же возникает еще один вопрос: кто должен иметь полномочия определять, как следует управлять знаниями?

Разница может показаться ничтожной. Но в истории почти все фундаментальные социальные изменения происходили, когда общество решалось пересмотреть, что оно признает собственностью и кто должен осуществлять надзор. Необходима система, которая обеспечит *совместную* собственность на продукты человеческого умственного производства их создателей и пользователей, которая 1) будет способствовать распространению результатов этой деятельности и 2) гарантирует средства к существованию создателям, предложив совладельцам механизмы, позволяющие договориться о том, как реализовать очевидную взаимную выгоду от достижения обеих этих целей.

8. Открытый исходный код и открытый доступ: двойные технологии будущего для управления знаниями

Распределенная собственность — отнюдь не несбыточная мечта. На практике она стимулирует появление новых ключевых подходов к управлению знаниями,

а именно открытого исходного кода и открытого доступа. Это самые совершенные технологии в индустрии программного обеспечения, которые все более широко используются в других отраслях, в том числе в издательской деятельности.

Эти технологии и практики нельзя назвать маргинальными. Интернет и всемирная паутина сами по себе не являются предметом патента, их администрированием занимаются коллективные международные организации. То же самое касается множества технологий, требующих стандартов для совместной деятельности, таких как передача электроэнергии, телекоммуникации, почтовые системы или инженерные разработки. Техническому прогрессу способствует формирование общих открытых стандартов, а не их превращение в частную собственность. В индустрии программного обеспечения продукт за продуктом предоставляются в двух версиях: с открытым исходным кодом (версию может воспроизвести каждый) и премиум-услуги, когда, по сути, продают не сам продукт, а возможность его эффективного использования. Многие специальные лицензии, в том числе Creative Commons, лицензия MIT и другие, обеспечивают защиту от злоупотреблений без ограничений на распространение — на самом деле как раз наоборот, поскольку они определяют, что владельцы — по сути, оригинальные производители — имеют право *предотвращать* приватизацию своих продуктов.

Без открытого исходного кода современный компьютер, каким мы его знаем, не существовал бы. В знаменитом судебном решении, известном как «вердикт ABC», по выпуску ПК IBM было установлено, что компания Honeywell, которая владела монопольной лицензией на производство компьютеров, начиная с новаторского компьютера ENIAC, и использовала ее для предотвращения конкуренции, не имела права на эту лицензию, потому что создатели ENIAC скопировали важную информацию у профессора физики из Айовы, который разработал эту технологию за несколько лет до этого. Удивительно, но суд не предоставил лицензию кому-то другому, она просто была признана недействительной.

В результате каждый мог производить и продавать компьютеры, и никто не имел права этому препятствовать. IBM, осознавая значимость этого решения, определила стандарт, который стал базовой архитектурой современного ПК и его потомков, таких как мобильные телефоны, и объявила его открытым стандартом. Третьи стороны могли производить и поставлять что угодно, используя эту архитектуру, а IBM специализировалась в тех областях производства, где ее специальные знания давали то, чего не могли сделать третьи стороны. Со временем вся индустрия ПК выросла из открытого исходного кода этой конструкции.

9. Интеллектуальная собственность и национальное развитие

Рост сферы услуг и упадок производственного сектора как основного источника занятости и создания стоимости будет продолжаться.

Мировое право на интеллектуальную собственность может обеспечить прогресс, если все страны достигнут одинакового уровня технологического развития, т.е. производительности своего труда. Большинство, если не все, дисбалансов в торговле возникают, когда страна, чей труд более производителен, торгует с другой,

чей труд менее производителен, в условиях формирования мировых цен или «условий торговли» [Toye and Toye 2003]. Эти различия в производительности возникают из-за различий в уровне технологий: поскольку более эффективный производитель имеет более низкие издержки и может продавать дешевле, чем менее эффективный производитель, получая при этом большую прибыль [Mandel 2024, Amin 2010].

Таким образом, устранение этого неравенства необходимо, чтобы каждая страна могла эффективно снабжать своих производителей как изнутри своей экономики, так и с мирового рынка. Но нынешняя мировая система обменивает передовую промышленную продукцию развитых стран по высоким ценам на первичную и вторичную продукцию остального мира по относительно низким ценам.

ВОИС закрепила в институциональной форме ряд положений о мировой торговле, которые стали предметом активных дискуссий, приведших к созданию ВТО. Следует напомнить, что сама ВТО стала результатом раунда дискуссий в рамках того, что в то время называлось Генеральным соглашением по тарифам и торговле, или ГАТТ. Каждый такой раунд дискуссий известен по стране, в которой они проводились, а ВТО стала плодом Уругвайского раунда ГАТТ. Таким образом, несмотря на свое влияние, ВТО представляла собой не что иное, как реализацию Уругвайского раунда ГАТТ. Однако параллельно с этими соглашениями появился второй пакет, получивший название ГАТС, или Генеральные соглашения по торговле услугами. ВОИС стала плодом ГАТС.

Лондон, 1 ноября 2024 года

Библиография

Бодрунов С. Д. (2022a). Научно-технический прогресс и трансформация общества: ноономика и ноообщество. Часть 1 // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. 2022. Т. 1. № 1. С. 24-42. Режим доступа: <https://doi.org/10.37930/2782-618X-2022-1-1-24-42>

Бодрунов С. Д. (2022b). Научно-технический прогресс и трансформация общества: ноономика и ноообщество. Часть 2 // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. 2022. Т. 1. № 2. С. 13-35. Режим доступа: <https://doi.org/10.37930/2782-618X-2022-1-2-13-35>

Бодрунов С. Д. (2022c). Научно-технический прогресс и трансформация общества: ноономика и ноообщество. Часть 3 // Ноономика и ноообщество. Альманах трудов ИНИР им. С.Ю. Витте. 2022. Т. 1. № 3. С. 13-34. Режим доступа: <https://doi.org/10.37930/2782-618X-2022-1-3-13-34>

Amin S. The Law of Worldwide Value. New York: Monthly Review Press, 2010.

Bakhshi H., Freeman A., Higgs P. A Dynamic Mapping of the Creative Industries in the UK. London: NESTA, 2013. Режим доступа: https://www.academia.edu/5538116/A_Dynamic_Mapping_of_the_UKs_Creative_Industries

Bhagwati J. Aggressive Unilateralism: An Overview // Aggressive Unilateralism / Bhagwati J., Patrick H. (eds). Ann Arbor: University of Michigan Press, 1993; reprinted in: King Ph. International Economics and International Economic Policy. New York and London: McGraw-Hill, 1995.

BRICS. This New BRICS Member Will Help Build a Fair Global Order. 2025. Режим доступа: <https://infobrics.org/post/43484/>

- Coulthard A. George Michael v Sony Music – A Challenge to Artistic Freedom? // *The Modern Law Review*. 1995. Vol. 58. No 5. P. 731–744.
- Freeman A. DeepSeek and OpenSource: a New Property Form in the Making // *Marxistische Blätter*. 2025 (принято к публикации).
- Freeman A. (1998a). GATT and the World Trade Organisation // *Labour Focus on Eastern Europe*. 1998. No 59. P. 74–93.
- Freeman A. (1998b). The New World Order: GATT and the World Trade Organisation // What everybody really wants to know about money / Hutchinson F. (ed.). Charlbury: Carpenter, 1998. P. 113–131.
- Freeman A. Naming the World Minority. Valdai Discussion Club 2024 meeting, Sochi, November 7, 2024. Режим доступа: <https://valdaiclub.com/a/highlights/naming-the-world-minority/>
- Freeman A. Creative Labor, Mental Objects and the Modern Theory of Production // *Science and Society*. 2020. Vol. 84. No 4. Режим доступа: <https://guilfordjournals.com/doi/pdf/10.1521/siso.2020.84.4.458>
- Hoekman B., Kostecki M. *The Political Economy of the World Trading System: From GATT to WTO*. Oxford: OUP, 1995.
- Mandel E. *Late Capitalism*. London: Verso Books, 2024 [1974].
- Maskus K. E. Intellectual Property Rights and the Uruguay round // *Federal Bank of Kansas City Economic Review*. 1993. First Quarter. P. 11–23; reprinted in: King Ph. *International Economics and International Economic Policy*. New York and London: McGraw-Hill, 1995.
- Toye J.F.J., Toye R. The Origins and Interpretation of the Prebisch-Singer Thesis // *History of Political Economy*. 2003. Vol. 35. No 3. P. 437–467. Режим доступа: <https://muse.jhu.edu/article/46958>.
- Wisuniewski J.B. On the Impossibility of Intellectual Property // *Quarterly Journal of Austrian Economics*. 2020. Vol. 23. No 1. Режим доступа: <https://mises.org/quarterly-journal-austrian-economics/impossibility-intellectual-property>
- United Nations. *Yearbook of International Trade Statistics*.

Обзор XII ежегодной международной конференции по мировой экономике «Вызовы догоняющего развития: развивающиеся страны в мировой экономике»

4–6 декабря 2024 г. департамент мировой экономики НИУ ВШЭ провел XII ежегодную международную конференцию по мировой экономике. В этом году она имела название «Вызовы догоняющего развития: развивающиеся страны в мировой экономике». Конференция была посвящена вызовам, стоящим перед странами Мирового большинства, в том числе проблемам неравенства, экономического роста и устойчивого развития, а также повестке и итогам российского председательства в объединении БРИКС. В работе конференции приняли участие ведущие российские исследователи в области мировой экономики, а также представители Армении, Бразилии, Китая, Марокко, Турции, Узбекистана. Английский язык как рабочий язык конференции позволил обеспечить интерактивную и плодотворную дискуссию между участниками, а также сделать материалы конференции доступными для международного академического сообщества.

* * *

Конференцию открыли декан факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ А.Б. Лихачева и руководитель департамента мировой экономики НИУ ВШЭ И.А. Макаров. Анастасия Борисовна отметила высокую актуальность темы конференции, подчеркнув, что развивающиеся страны обладают огромным потенциалом для создания новых путей и моделей социально-экономического развития. В настоящее время мировая экономика находится под влиянием политических сдвигов, однако необходимо при анализе иметь в виду прежде всего долгосрочные структурные трансформации. Игорь Алексеевич подчеркнул усиление роли развивающихся стран в мировой экономике и технологическом развитии, что требует изменений в системе глобального регулирования, включая большее представительство этих стран в международных институтах, а также обуславливает необходимость выстраивания новых моделей экономического развития.

Программа конференции была разделена **на четыре сессии**:

- Сессия 1. Хрупкая конвергенция: прошлое, настоящее и будущее межстранового неравенства.
- Сессия 2. Примеры успешного догоняющего развития: истории роста в меняющихся глобальных условиях.

- Сессия 3. Голос мирового большинства: БРИКС в первый год после расширения.
- Сессия 4. Незавершенное дело: каково будущее Целей устойчивого развития?

Первую сессию открыл ее модератор — заместитель декана экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова А.А. Курдин. Он подчеркнул влияние хрупкости глобального управления на мировую экономику и высказал мнение, что последние события, в том числе приход к власти в США Д. Трампа, приведут к усилению изоляционистских настроений и будут представлять угрозу для глобализации и развивающегося мира. Тем не менее, развивающиеся страны продемонстрировали устойчивость во время кризиса COVID-19 и в условиях геополитической напряженности, поэтому они смогут оставаться драйверами глобального экономического роста.

Первый доклад сессии на тему «Экономический рост и ловушки на его пути» был сделан научным руководителем департамента мировой экономики профессором Л.М. Григорьевым (Россия). Он прежде всего подчеркнул необходимость понимания механизмов взаимодействия политики и экономики, без чего невозможно принятие эффективных действий для достижения устойчивого роста в условиях угроз и неопределенности. Были рассмотрены группы стран с различным уровнем доходов на душу населения. Показано, что страны с низким уровнем дохода в последние годы по сути дела отстают — растут за счет ресурсных факторов, но не имеют значительного прироста факторной производительности. Докладчик остановился на таких вопросах неравномерности роста стран, как волатильность цен на сырьевые товары, инфляция, замедление роста инвестиций, миграция, высокие объемы перетока европейского капитала в США. В завершение выступления было подчеркнуто, что относительная бедность и неумещающее социальное неравенство даже в развитых странах остаются актуальными проблемами, требующими решения.

Исполнительный директор ТЕРАV Г. Шахинбейоглу (Турция) в своем докладе «Новые стратегии роста для БРИКС+ и Турции» подняла вопрос изменения глобального баланса экономической мощи, подчеркнув снижение доли развитых экономик в мировом ВВП и рост доли развивающихся стран, особенно азиатских. Страны БРИКС также вносят значительный вклад в мировую экономику. Докладчик отметила, что развивающиеся страны сталкиваются с проблемами роста, увеличением задолженности и снижением конкурентоспособности экспорта, подчеркнула важность «зеленого» перехода и развития устойчивых городов, а также рассмотрела такие аспекты, как роль технологий, доверие к государству и координация политики. Особое внимание в докладе было уделено проблемам, с которыми сталкиваются развивающиеся страны в связи с доступом к внутренним финансовым рынкам, высоким государственным долгом и растущими процентными ставками. Автор пришла к выводу, что для решения долговых проблем развивающимся странам необходимо развивать внутренние рынки капитала и финансовую инфраструктуру.

Доклад доцента департамента мировой экономики НИУ ВШЭ А.В. Подругиной (Россия) был посвящен всестороннему рассмотрению темы

государственного долга в эпоху высоких процентных ставок. Докладчик напомнила, что в отчете Всемирного банка за 2022 г. был отмечен высокий уровень задолженности развивающихся стран, обусловленный высокими процентными ставками и стабильной инфляцией. Развивающиеся страны часто берут займы из-за ограниченности внутренних финансовых рынков, что приводит к росту внешнего долга, поэтому доступ к внутренним рынкам имеет для них решающее значение. Эксперт выразила обеспокоенность высокими процентными ставками, которые влияют на все страны, включая США, и связаны с борьбой с инфляцией и защитой валюты. В этих условиях развивающиеся страны сталкиваются с необходимостью рефинансирования долга по более высоким процентным ставкам, что повышает риск дефолта.

К.А. Бондаренко, доцент департамента мировой экономики НИУ ВШЭ (Россия), посвятила свой доклад наиболее значимым глобальным трендам, характеризующим разрыв между экономиками развитых и развивающихся стран. Так, Китай, Бразилия и Индия демонстрируют рост экономической мощи и занимают все более влиятельное положение в мире. Однако, несмотря на это, в целом разрыв между развитыми и развивающимися странами увеличивается. Эксперт отметила рост инфляции в Еврозоне, вызванный экономическими проблемами, а не действиями Центрального банка, а также ослабление доллара и рост европейских инвестиций в США. В завершение докладчик сделала вывод о том, что можно ожидать конвергенции между развивающимися странами, но некоторые из них требуют большей поддержки для ускорения своего роста.

Сессия завершилась выступлением старшего советника генерального директора Института Азиатского банка развития Н. Бушо. Эксперт затронул проблему стран со средним уровнем дохода, отметив, что ключевыми факторами их успешного роста являются качество городской инфраструктуры, управление, банковская система и образование. Отдельное внимание было уделено противоречиям, с которыми сталкивается глобальное сотрудничество в сфере устойчивого развития, — развитые страны должны финансировать развивающиеся, однако механизмов для этого недостаточно. В отношении попыток интегрировать повестку устойчивого развития в экономическую политику отмечено, что она стала скорее способом поддержания существующих моделей производства. В заключение спикер поднял вопрос о необходимости сочетания теоретического и практического подходов для выработки решений, а также о важности дальнейшего обсуждения экономических, социальных и геополитических факторов, влияющих на экономическое развитие.

Вторая сессия конференции «Примеры успешного догоняющего развития: истории роста в меняющихся глобальных условиях» была посвящена обсуждению кейсов разных стран, которые в течение последних лет смогли продемонстрировать высокие темпы экономического роста. Сессию открыл руководитель департамента мировой экономики НИУ ВШЭ И.А. Макаров, который отметил, что несмотря на отсутствие универсальных рецептов развития, изучение лучших практик поможет извлечь полезные уроки. Безусловно, повторение некоторых

примеров, таких как, например, экономическое чудо «Азиатских тигров», может оказаться невозможным, однако их изучение может способствовать выработке новых стратегий развития.

А. Айт Али, руководитель экономических исследований Центра политики Нового Юга (Марокко), представил доклад на тему «Новые вызовы для моделей роста стран Северной Африки в условиях глобальной трансформации». Прежде всего докладчик остановился на необходимости использования странами региона инструментов промышленной политики в связи с активным вмешательством развитых стран в их экономику с нарушением принципов свободной торговли (примером чего является пограничный корректирующий углеродный механизм ЕС). Другим важным аспектом является «зеленый» переход, который создает возможности для североафриканских стран, обладающих значительным потенциалом в сфере возобновляемых источников энергии. Серьезной проблемой представляется падение доли промышленности в ВВП — современные технологии сокращают потребность в рабочей силе, что снижает потенциал индустриализации как драйвера роста для стран Северной Африки. Эксперт подчеркнул риски зависимости региона от ЕС, который переживает экономический спад, отметил растущий интерес Китая к инвестициям в регион и в качестве основной стратегии предложил диверсификацию партнерств и более активное использование североафриканскими странами своих природных и экономических ресурсов.

Выступление М.А. Восканян, заведующей кафедрой экономики и финансов Российско-Армянского университета (Армения), было посвящено угрозам и возможностям, стоящим перед экономикой Республики Армения. Она показала, что финансирование сектора информационных технологий не приносит значимой пользы экономике, и требуется объединение усилий различных отраслей в единый институт для выработки общей стратегии развития. Была подвергнута критике монетарная политика страны, основанная на таргетировании инфляции, неподходящая для Армении на нынешнем этапе ее развития. В фискальной части спикер указала на проблемы малого и среднего бизнеса в стране, который страдает от налоговой политики, и предложила ввести нулевой налог на доход для бизнеса, чтобы стимулировать промышленность и реальный сектор. Также было отмечено недостаточное финансирование долгосрочных инвестиций, таких как в человеческий капитал и инфраструктуру.

Профессор Делийского университета В. Кумар Дас (Индия) представил доклад на тему «История как маяк — извлечение уроков из прошлого: несколько точек зрения и мыслей из опыта Индии». Экономика Индии развивается нестандартным образом — вместо классического перехода от сельского хозяйства к промышленности страна практически миновала стадию индустриализации и сразу перешла к доминированию сферы услуг. Производственный сектор до сих пор остается слабым, а большая часть рабочей силы занята в сельском хозяйстве или неформальной экономике. При этом вместо переезда в города для работы на заводах индийцы часто мигрируют из одного сельского региона в другой, продолжая работать в сельском хозяйстве; одновременно наблюдается перенос производства из городов в сельскую местность. В целом Индия сталкивается с уникальной экономической ситуацией,

требующей продуманной политики для поддержки промышленности и создания рабочих мест вне сельского хозяйства.

Выступление Вэй Фэна, декана Института экономики и делового администрирования Хэйлунцзянского университета (Китай), было посвящено ловушке имитации и догоняющему развитию. Исследователь представил базовую модель эндогенного экономического роста, адаптированную для развивающихся стран, в которой рассматриваются три типа ресурсов — финансы, промежуточные товары и труд. Экономический рост обеспечивается за счет технологического прогресса, который может происходить либо через имитацию существующих технологий, либо через инновации. Было подчеркнуто, что развивающиеся страны, успешно догоняющие развитые экономики, проходят путь от имитации к созданию собственных инноваций, в то время как другие могут застрять в ловушке имитации. Отдельно в докладе была рассмотрена роль государственной политики в этом процессе — налоговые стимулы, финансовые субсидии и другие меры, направленные на стимулирование НИОКР и инноваций. Для успешного перехода от имитационной модели к инновационной государство должно активно инвестировать в инфраструктуру, образование и поддержку технологического предпринимательства. Важную роль также играет доступ компаний к финансированию и снижение барьеров на пути внедрения новых технологий. В заключение доклада сделан вывод, что на ранних этапах индустриализации имитация может быть эффективной стратегией, как это было в Китае, однако в долгосрочной перспективе устойчивый рост возможен только при переходе к самостоятельным инновациям.

Н.У. Абдуназарова, главный специалист Института макроэкономических и региональных исследований (Узбекистан), в своем докладе рассмотрела путь Узбекистана к устойчивому развитию. Прежде всего спикер изложила приоритеты устойчивого развития страны, такие как поддержание роста ВВП на уровне 3,5% в год, поиск новых источников роста, повышение его инклюзивности и решение экологических проблем. Однако в настоящее время экономика страны характеризуется высоким уровнем инфляции, несмотря на быстрый экономический рост; кроме того, существуют такие вызовы, как макроэкономическая нестабильность и зависимость от внешних шоков. Для решения указанных проблем необходимы улучшение координации стратегических решений, снижение бюрократии, повышение качества государственного управления и развитие внутреннего производства для снижения зависимости от импорта и создания конкурентоспособной экономики.

Заключительный доклад второй сессии и первого дня конференции был представлен Е.С. Бирюковым, старшим научным сотрудником Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Россия) на тему «Арабская модель: уникальная модернизация / догоняющее развитие». Арабские страны, несмотря на высокие темпы роста, обладают низкой долей обрабатывающей промышленности в ВВП, а ключевым фактором их развития выступает нефтяная отрасль. Так, Саудовская Аравия и другие страны региона получают огромные доходы от экспорта нефти начиная с 1966 г., что позволило им развивать социальные программы, обеспечивать высокий уровень жизни и инвестировать в зарубежные активы. Однако в последние десятилетия модель развития стала меняться. В ответ на падение цен на нефть

и кризис бюджета в 2014 г. Саудовская Аравия приняла программу Vision 2030, направленную на диверсификацию экономики, повышение налогообложения и развитие частного сектора, а также изменения в социальной сфере, в частности разрешение женщинам водить машины и ослабление религиозного контроля. Основная стратегия арабских стран состоит в том, чтобы превратить нефть в основу для развития других отраслей, таких как промышленность и услуги, что требует значительных инвестиций и создания новых технологий внутри страны.

Третья сессия конференции «Голос мирового большинства: БРИКС в первый год после расширения» была открыта заместителем декана по научной работе факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ А.К. Морозкиной (Россия), которая отметила, что Россия в качестве председателя БРИКС в 2024 г. столкнулась со сложной задачей — интегрировать новых членов в более чем десять официальных форматов, в том числе в министерский, академический, муниципальный, этнический, культурный и другие. В этой связи обсуждение процесса расширения БРИКС в рамках отдельной сессии особенно актуально.

Открыл сессию А.А. Гнидченко, старший эксперт Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования (Россия), посвятив свой доклад анализу роли БРИКС в мировой экономике и в области догоняющего развития. Отмечено, что БРИКС пока не представляет бóльшую часть мировой экономики, но быстро движется в этом направлении — к 2030 г. БРИКС++, включая новых членов и партнеров, может превзойти оппонентов по совокупному ВВП. Эксперт подчеркнул, что внутри блока темпы развития стран различны — быстрый рост наблюдается в Индии, Египте и Эфиопии, тогда как ЮАР и Иран испытывают стагнацию. С точки зрения догоняющего развития выделены страны, добившиеся значительных успехов, — Китай, Казахстан, Турция, Беларусь и другие. В заключение докладчик отметил необходимость углубления сотрудничества в торговле, инвестициях и инфраструктуре внутри объединения, чтобы уменьшить разрыв в развитии между странами БРИКС.

Доцент Университета Кампинас Б. де Конти (Бразилия) в своем выступлении рассмотрел тему последствий расширения БРИКС. Рост интереса к вступлению в БРИКС эксперт объяснил многомерным глобальным кризисом (гуманитарным, экологическим, социальным) и неэффективностью текущей системы глобального регулирования. Пандемия и геополитические кризисы продемонстрировали неспособность развитых стран справиться с вызовами, что усилило стремление стран Мирового большинства к альтернативным объединениям, таким как БРИКС. Ключевым достижением в период председательства России в 2024 г. безусловно стало расширение блока. При этом увеличение числа участников крайне важно с целью усиления голоса Мирового большинства, несмотря на существующие различия между странами-участницами. Докладчик высказал мнение, что расширение может повысить эффективность блока, при этом важны такие аспекты, как гибкость в принятии решений, когда не все страны обязаны участвовать в конкретных инициативах, таких как Новый банк развития или возможная валюта БРИКС. В заключение спикер призвал к выработке единой повестки по климатическим вопросам

и подчеркнул, что несмотря на проблемы управления, расширение БРИКС — это позитивный шаг.

Выступление Сяочен Хоу, программного менеджера Центра исследований БРИКС Фуданьского университета (Китай), было посвящено вызовам и возможностям сотрудничества стран БРИКС. Расширение организации стало важнейшим событием, однако, оно сталкивается с целым рядом вызовов — разногласиями в голосовании стран БРИКС в ООН, необходимостью реформирования механизмов принятия решений, рисками для кредитного рейтинга Нового банка развития, потребностью выстраивать сбалансированные отношения как с Глобальным Югом, так и с Западом. В то же время перед БРИКС открываются новые возможности. Среди них — промышленное, финансовое и энергетическое сотрудничество, а также усиление роли в глобальном регулировании и безопасности.

В.Н. Зуев, заведующий кафедрой торговой политики НИУ ВШЭ (Россия), поднял вопрос о необходимости создания системы показателей для измерения достижений БРИКС. Традиционные показатели (доля в мировом ВВП, торговле, инвестициях) не отражают реального влияния БРИКС как организации, а попытки разработать иную систему индикаторов столкнулись с разногласиями среди стран-участниц. Эксперт предлагает сократить число показателей и сосредоточиться на индикаторах, отражающих сотрудничество внутри БРИКС, например, объем торговли и инвестиций между странами. Он подчеркнул, что вклад БРИКС в мировую экономику растет, но внутренняя торговля и инвестиции остаются на низком уровне. Для объективной оценки роли БРИКС предложено учитывать дополнительные параметры, такие как расхождение в голосовании на международных площадках, количество совместных проектов и инициатив. В заключение своего выступления эксперт подчеркнул, что БРИКС следует уделять больше внимания углублению взаимодействия между странами-участницами.

Презентация Б.А. Вахаба, научного сотрудника департамента мировой экономики НИУ ВШЭ (Россия), была посвящена последствиям расширения группы БРИКС. Докладчик проанализировал влияние расширения на международную торговлю, иностранные инвестиции и экономический рост этих стран. Основное внимание было уделено изменениям в торговле и иностранных инвестициях между старыми и новыми членами БРИКС, а также взаимозависимости в сфере природных ресурсов, прежде всего нефти и газа. По мнению эксперта, важным моментом является то, что новые члены могут извлечь большие выгоды от расширения за счет доступа к более крупным рынкам, улучшения инвестиционной привлекательности и усиления энергетической безопасности. Однако следует учитывать, что экономики старых стран-членов БРИКС более тесно связаны друг с другом, чем с экономиками новых стран-участниц объединения.

Президент Фонда энергетики и финансов М.Р. Салихов (Россия) в своем выступлении сконцентрировался на финансовых аспектах сотрудничества в рамках БРИКС, рассмотрев такие вопросы, как запуск BRICS Pay и создание единой валюты. Было отмечено, что BRICS Pay пока не является конкретным инструментом, а идея общей валюты БРИКС не имеет экономического обоснования ввиду ограниченной мобильности труда и капитала и слабой торговой интеграции между странами.

Докладчик подчеркнул, что доллар США продолжает доминировать в международных платежах и резервах, несмотря на попытки его замены другими валютами, такими как юань. Вопрос о создании общей валюты остается спорным, особенно в условиях, когда внутренняя эффективность БРИКС и его институтов, в частности Нового банка развития, остается невысокой. В целом, эксперт призвал к принятию более практичных действий в рамках БРИКС, отметив большое число дискуссий при недостатке реальных результатов.

По завершении третьей сессии был представлен доклад «На пути к глобальному зеленому лидерству: приоритеты сотрудничества стран БРИКС по вопросам борьбы с изменением климата», подготовленный Лабораторией экономики изменения климата НИУ ВШЭ и Центром международных и сравнительно-правовых исследований. Представили доклад его авторы — А.Д. Хлебнова, руководитель направления «Климат и экология» Центра международных и сравнительно-правовых исследований, и И.А. Макаров, руководитель Лаборатории экономики изменения климата НИУ ВШЭ (Россия).

А.Д. Хлебнова отметила, что ранее тема изменения климата в БРИКС была представлена формально, но в последние годы получила больше внимания. Так, саммиты в Йоханнесбурге и Казани закрепили общий подход к климатической политике. А в рамках российского председательства в 2024 г. создана Контактная группа по вопросам изменения климата и устойчивого развития, а также принята Рамочная основа по климату и устойчивому развитию. Страны БРИКС поддерживают принципы ООН о ведущей роли развитых стран в борьбе с изменением климата. Россия разделяет эти взгляды, но будучи, в отличие от своих партнеров по БРИКС, страной Приложения I РКИК ООН, не может претендовать на получение климатического финансирования. Эксперт напомнила, что на Конференции ООН по изменению климата 2024 г. обсуждались в первую очередь именно вопросы финансирования, и высказала мнение, что следующая конференция в Бразилии сфокусируется в большей степени на биоразнообразии, защите Амазонии и справедливом энергетическом переходе.

И.А. Макаров также подчеркнул, что климат долгое время не был приоритетом для БРИКС, но ситуация меняется. Страны объединения сильно различаются по энергобалансу и климатической политике, однако сотрудничество необходимо — после расширения БРИКС ответственен за более чем половину глобальных выбросов. Динамика выбросов в странах объединения неоднородна: Китай и Индия увеличили их в несколько раз за 30 лет, тогда как Бразилия сократила, а Россия кардинально снизила в основном из-за экономического кризиса 1990-х гг. Различаются и климатические цели стран, а также применяемые ими политические инструменты (например, Китай использует торговлю квотами, ЮАР — углеродный налог, а Россия тестирует пилотную систему углеродного ценообразования на уровне не лишь одного региона). Эксперт предложил четыре приоритета в области климатического сотрудничества в рамках БРИКС. Во-первых, необходимо принятие общих принципов климатической политики, включая технологическую нейтральность, сокращение выбросов совместно с решением других проблем устойчивого развития, диалог между экспортерами и импортерами ископаемого топлива и т.д.

Во-вторых, важно развивать экспертно-аналитическое сотрудничество, в том числе выстраивать собственные центры компетенций, учитывающие специфику БРИКС. В-третьих, следует наряду с выбросами по производству рассчитывать и выбросы по потреблению, что выгодно для большинства стран БРИКС, так как они являются чистыми экспортерами углеродоемкой продукции. В-четвертых, необходимо создать инфраструктуру для привлечения финансирования из развитых стран, чтобы удешевить сокращение выбросов в развивающихся экономиках. Все вместе это поможет сформировать справедливую и эффективную климатическую политику как в БРИКС, так со временем и на глобальном уровне.

Четвертая сессия конференции «Незавершенное дело: каково будущее Целей устойчивого развития?» была открыта академиком РАН Н.И. Ивановой, руководителем отдела науки и инноваций ИМЭМО РАН (Россия), которая отметила масштабность целей ООН и невыполнение большей части из них, а также поставила вопрос о том, какова должна быть повестка устойчивого развития после 2030 г.

Первый доклад сессии был сделан И.А. Макаровым, руководителем департамента мировой экономики и заведующим Лабораторией экономики изменения климата НИУ ВШЭ (Россия), и был посвящен теме рисков зеленой трансформации мировой экономики. Данные риски обусловлены в первую очередь внешними факторами, такими как снижение мирового спроса на ископаемое топливо и пограничные углеродные барьеры. Эксперт рассмотрел перспективы экспорта углеводородов из России в различных сценариях декарбонизации, включая выполнение целей Парижского соглашения. Переходные риски остаются высокими. Тем не менее, произошедшая в последние годы переориентация поставок на азиатские рынки существенно повысила устойчивость российской экономики к рискам глобальной декарбонизации. Отдельно были представлены результаты моделирования сценариев введения пограничного углеродного барьера в Китае и показано, что он не окажет существенного влияния на валовый российский экспорт, хотя может быть чувствительным для отдельных компаний в углеродоемких отраслях.

А.А. Галкина, старший научный сотрудник Института энергетических исследований РАН (Россия), представила доклад на тему «Некоторые глобальные энергетические сценарии: не нормативный, а описательный подход». Эксперт представила три сценария мирового развития в области энергетики: (1) «Туман», при котором мир разделен на два полюса, взаимоотношения которых характеризуются наличием торговых барьеров, ограниченным обменом технологиями, разрывом в ценах на выбросы между развитыми и развивающимися странами; (2) «Раскол», при котором происходит усиление фрагментации мировой экономики, ослабление международного сотрудничества; и (3) «Ключ», характеризующийся активным сотрудничеством стран, ростом инвестиций и более активным энергопереходом. Основные выводы доклада могут быть представлены следующим образом: глобальное энергопотребление продолжает расти, особенно в развивающихся странах, хотя и замедляющимися темпами; энергоемкость экономики снижается, но сохра-

няется разрыв между развитыми и развивающимися странами; возобновляемые источники энергии и ископаемое топливо не будут конкурентами, а скорее будут дополнять друг друга; рынки нефти и газа сохраняют волатильность, а выбросы CO₂ достигнут пика не ранее 2035–2040 гг.; политическая воля и международные переговоры могут существенно изменить ситуацию.

Доклад *Кази Сохага*, ведущего научного сотрудника Уральского федерального университета (Россия), был посвящен геоэкономической фрагментации и экологии, а также связанным с ними аспектам энергетики, промышленности, инфляции и экологической политики. Эксперт рассмотрел четыре ключевые темы: (1) энергетическая зависимость от России и последствия энергетической интеграции России и ЕС; (2) промышленное производство в условиях геополитических рисков, в частности, влияние энергетических шоков и волатильности цен на газ и нефть на европейскую промышленность; (3) санкции, инфляция и экономические потрясения, в том числе влияние конфликта России и Украины на инфляцию в ЕС, рост энергетических и продовольственных цен; (4) экологическая политика — прогресс стран в выполнении целей Парижского соглашения и экономические последствия экологических инициатив ЕС. Эксперт высказал критику в связи с отсутствием рыночных механизмов и предположил, что США применяют стратегию отказа от сотрудничества в области климатической политики. Основной вывод выступления состоит в том, что глобальное сотрудничество — единственный путь вперед, но из-за геополитических интересов США и ЕС конфронтация останется наиболее вероятным сценарием.

С.Н. Бобылев, заведующий кафедрой экономики окружающей среды экономического факультета МГУ (Россия), представил свое видение обсуждаемых на сессии вопросов. Эксперт указал, что среди всех видов рисков, стоящих перед человечеством, экологические вызывают максимальное беспокойство. Докладчик рассмотрел трансформацию экономической теории, необходимую для полноценного экономического анализа этих рисков, и указал на необходимость включения экологических и социальных факторов в традиционные макроэкономические показатели. Также были затронуты вопросы регулирования рынка, роли государства и бизнеса в достижении устойчивого развития. В заключение эксперт подчеркнул важность пересмотра методов оценки прогресса и развития, поскольку существующие показатели, такие как ВВП, не отражают реальную ситуацию.

Заключительный доклад сессии и конференции представил *С. Алаташ*, научный сотрудник Университета Аднана Мендереса в Айдыне (Турция), на тему «Что стимулирует экоинновации в малых и средних предприятиях (МСП) Турции?». Турция стремится достичь целей по сокращению выбросов углекислого газа и ресурсосбережению, несмотря на высокие темпы экономического роста и индустриализацию. Однако для этого требуется значительное финансирование — как из внутренних, так и из внешних источников. Важную роль во внедрении экоинноваций играют МСП, которые обеспечивают большую часть выпуска страны. Но их инновационный потенциал ограничен — в том числе из-за недостатка финансирования. В частности, только четверть турецких МСП используют государственные гранты и субсидии. В заключение сделан вывод о том, что основными драйверами инно-

вационной активности МСП Турции являются собственные финансовые ресурсы и технологические разработки предприятий, в то время как роль государственных субсидий остается ограниченной.

* * *

Участники и организаторы высоко оценили результаты работы конференции, отметив важность и актуальность обсужденных вопросов и проведенных дискуссий. Отдельная признательность и благодарность была выражена приехавшим в Россию иностранным участникам. Организаторы надеются, что XII ежегодная международная конференция по мировой экономике «Вызовы догоняющего развития: развивающиеся страны в мировой экономике» будет способствовать проведению дальнейших совместных исследований, развитию сотрудничества, непрерывному обмену знаниями и мнениями в области мировой экономики.

При подготовке материала использовались технологии искусственного интеллекта: ChatGPT, DeepL, NeuralWriter.

Наши авторы

Айрапетян Виктория Леонидовна — к.э.н., доцент кафедры экономики и финансов Российско-Армянского университета (Ереван, Армения).

Баваскар Раосахэб — руководитель Центра китайских исследований Национального юридического университета Махараштры (Индия) и основатель Центра водной политики (Индия).

Бартенев Владимир Игоревич — ведущий научный сотрудник Института перспективных стратегических исследований НИУ ВШЭ.

Васильченко Александр Дмитриевич — младший научный сотрудник Института Европы РАН, аспирант кафедры мировой экономики и статистики Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова.

Восканян Мариам Амбарцумовна — д.э.н., доцент, заведующая кафедрой экономики и финансов Российско-Армянского университета (Ереван, Армения).

Гетачью Хенок — старший научный сотрудник Института иностранных дел (Аддис-Абеба, Эфиопия).

Петросян Гарик Арменакович — к.э.н., старший преподаватель Российско-Армянского университета (Ереван, Армения).

Петросян Егине Гагиковна — к.э.н., старший преподаватель Российско-Армянского университета (Ереван, Армения).

Петросян Ирина Борисовна — к.э.н., заведующая кафедрой экономической теории и проблем экономики переходного периода Российско-Армянского университета (Ереван, Армения).

Сапир Елена Владимировна — д.э.н., профессор, заведующая кафедрой мировой экономики и статистики Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова.

Тайе Дарескедар — ведущий научный сотрудник Института иностранных дел (Аддис-Абеба, Эфиопия).

Фриман Алан — научный сотрудник Университета Гринвича (Великобритания) и Университета Манитобы (Канада).